

Самарский региональный фонд
"Полдень. XXII век"

Г.И. Матвеева

Экспедиции в прошлое

Записки археолога

Матвеева Г. И. Экспедиции в прошлое: записки археолога. -
Самара, 1998. - 160 с.

В книге в популярной форме излагается история наиболее ярких страниц самарской археологии. Автор очерков Г. И. Матвеева дает представление не только о древних и средневековых культурах Самарского Поволжья, но и о людях: археологах, студентах, школьниках, которые, принимая участие в раскопках древних памятников, помогают за пеленой времени разглядеть деяния наших предков. Книга предназначена для студентов, учителей, школьников, для всех, кто интересуется древней историей нашего края.

Издание осуществлено на средства Администрации Самарской области в рамках региональной программы "Возрождение".

Ответственный редактор

к.и.н. А.В.Богачев

Рецензенты

к.и.н.Р.С.Багаутдинов

С.Э.Зубов

- © Самарский региональный
фонд "Полдень. XXII век"
© Г.И.Матвеева

Уважаемый читатель!

Вы любите тайны, загадки, открытия? Я тоже люблю и даже очень. Однако, в своей повседневной жизни со всеми этими вещами человек сталкивается достаточно редко. Но есть такие профессии, которые просто обязывают работников открывать тайны, разгадывать загадки и совершать открытия. Конечно таких специальностей немного, но они есть. Одной из таковых является профессия археолога. Археология — наука благодаря которой люди узнали о сокровищах фараона Тутанхамона, о кладе троянского царя Приама, а также то, о чем в 13 веке мечтал новгородский мальчик Оньфим, когда рисовал на бересте свой автопортрет.

Профессия археолога — достаточно редкая. И далеко не в каждом российском городе есть представители этой специальности. К счастью, в Самаре есть и археологи, и научно-образовательные учреждения, в которых при желании можно овладеть этим ремеслом. Но так было не всегда. После отъезда в 1929 году из нашего города видного российского археолога Веры Владимировны Гольмстен, создавшей в 1919 году при Самарском университете Высшие этнологоархеологические курсы и обследовавшей в Самарском Поволжье сотни археологических памятников — наша область на десятилетия осталась без археологов...

Но наступил 1969 год и в Самаре (тогда Куйбышеве) снова открывается Университет, закрытый в 20-е годы. Для работы в нем приглашаются ведущие специалисты из вузов Куйбышева и других городов. В числе приглашенных была кандидат исторических наук Галина Ивановна Матвеева. Роль этого человека в развитии самарской археологии трудно переоценить. Достаточно сказать, что все нынешние самарские археологи — это ученики Галины Ивановны или ученики ее учеников. Сегодня среди многочисленных учеников профессора Г.И.Матвеевой — 21 являются кандидатами, а 3 — докторами исторических наук.

Галина Ивановна Матвеева написала много статей и книг. Но эта книга особенная. И скажу честно, мне не сразу удалось убедить своего учителя написать ее. Все дело в том, что характер любого рода воспоминаний (а жанр этой книги именно таков) предполагает рассказ от первого лица, а Галина Ивановна не любит "рекламировать" свою персону, предпочитая оставаться "за кадром". И надо отдать ей должное —

настоящими героями ее очерков стали студенты, аспиранты, школьники: все, кто своим оптимизмом и энергией создавали в археологических экспедициях атмосферу радостного труда.

Но книга эта не является собранием археологических баек и забавных историй. Мастерство ее автора начинаешь оценивать тогда, когда рассказ о выезде на городище постепенно превращается в обзор самой настоящей научной проблемы. И в этот момент, следуя за логикой ученого, читатель, как бы, сам решает вопрос заселения Самарского Края славянами или происхождения волжских болгар. И именно такой подход, на мой взгляд, позволит значительно расширить круг читателей книги, привлечет к активному изучению древней истории своего Отечества наших земляков.

А открывать тайны истории, внимательно и бережно изучая культурное наследие наших предков — что может быть интереснее?!

Я сердечно благодарю Галину Ивановну Матвееву за то, что она сочла возможным поручить издание этой книги Самарскому региональному фонду социальных и культурологических программ "Полдень. XXII век". Я благодарю Правление и Попечительский совет фонда в лице Главы г. Самара Г.С. Лиманского, Вице-губернатора А.П. Жабина, директора Фонда Л.А. Острецова, а также С.Э. Зубова, В.В. Юрина, С.А. Терентьева, О.В. Дурасова, В.И. Астафьева, П.С. Кабытова, Г.Д. Вадченко, В.М. Пашкевича — за деятельное участие в работе нашей общественной организации.

*Председатель Правления Фонда
кандидат исторических наук*

А. В. Богачев

Знакомство с археологией

Ранним февральским утром по пути в школу я опустила в почтовый ящик два письма, адресованных комсоргам исторических факультетов Московского и Пермского, тогда еще Молотовского, университетов. Я просила передать мои письма студентам-археологам и задавала целый ряд вопросов о том, как осуществляется специализация по археологии. Конечно, можно было написать в деканаты или приемные комиссии этих университетов, но мне казалось, что тогда ответят официально теми же фразами, которые содержались в справочнике для поступающих в ВУЗы, а хотелось получить информацию, что называется "из первых рук", от людей, избравших своей профессией археологию.

Я стала ждать, что мне ответят. Однако письма из Москвы я так и не дождалась, а из Перми ответ пришел неожиданно быстро. Мне писала студентка третьего курса Зоя Соколова, специализирующаяся по археологии. Письмо было серьезным и обстоятельным. Зоя сообщала, что археологического отделения на историко-филологическом факультете Молотовского университета нет, нет даже кафедры археологии, но специализация есть. Будущие археологи с первого по пятый курс занимаются в археологическом кружке под руководством замечательного ученого доцента Отто Николаевича Бадера. Каждое лето они проводят в Камской археологической экспедиции, а зимой занимаются обработкой и изучением добытых во время раскопок материалов, пишут отчеты, выступают с докладами на заседаниях кружка и на конференциях. Некоторые старшекурсники уже имеют опубликованные статьи, а работы пятикурсников В. Генинга и В. Оборина отмечены специальной грамотой Министерства высшего образования СССР.

Я поблагодарила Зою за ее интересное письмо и вскоре получила от нее бандероль — книгу О. Н. Бадера "Археологические памятники Прикамья" и второе письмо с советом заняться обследованием окрестностей моего родного города. Так между мною и Зоей завязалась переписка, продолжавшаяся до моего поступления в университет. Мы вспом-

нии о ней много лет спустя, когда я встретилась с Зоей Петровной Соколовой в Институте этнографии в Москве, где она, доктор исторических наук, работала в качестве старшего научного сотрудника.

Эта переписка помогла мне выбрать ВУЗ. В те годы специализация по археологии осуществлялась в основном в университетах Москвы, Ленинграда и столиц союзных республик. Молотовский университет был одним из очень немногих провинциальных ВУЗов, где эта специализация была официально утверждена еще зимой 1946—1947 годов благодаря стараниям Отто Николаевича Бадера. Археологов в стране в 50-х годах было немного, едва ли более двух тысяч и все они знали друг друга если не в лицо, то хотя бы по фамилиям. Этому способствовали проводившиеся почти ежегодно пленумы Института археологии, на которые съезжались специалисты из разных городов страны.

Но почему же именно археология привлекла меня? Что могла знать о ней я, выросшая в маленьком, окруженном горами уральском городке Аше, где не было не только археологов, но даже книги по археологии было достать почти невозможно. В те годы популярных книг об этой науке выпускалось мало. Лишь в газетах и журналах можно было прочесть то рецензию на только что вышедшую в свет книгу С. В. Киселева “Древняя история Южной Сибири”, то заметку об открытии С. П. Толстовым древнехорезмийского архива в пустыне Кызылкум, то сообщение о раскопках курганов раннего железного века в урочище Пазырык на Алтае. Все эти публикации казались мне интереснее любых романов, они волновали меня, помогали переноситься в иные эпохи. Археология властно влекла меня к себе. И причина этого влечения наверно таилась в генах. Мой отец на рубеже 20-х и 30-х годов окончил общественно-экономический факультет Саратовского университета и преподавал историю. Мне было лет пять—шесть, когда он интересно и доходчиво рассказывал мне о древней Руси, о греческих богах и героях, о раскопках курганов бронзового века в нижневолжских степях, в которых сам участвовал, будучи студентом. С отцом мы бродили по окрестностям Аши, собирали камни с отпечатками вымерших моллюсков и исчезнувших растений. К сожалению, я очень рано лишилась отца: он ушел на фронт и в 1943 году погиб в боях под Севском.

Неменьшую роль в деле приобщения меня к истории сыграли мои бабушка и прабабушка. Бабушка Мария Михайловна обладала совершенно феноменальной памятью и большой склонностью к гуманитарным наукам. Имея за плечами три класса церковно-приходской школы, она путем чтения смогла сделаться человеком образованным и разно-

сторонним. Лишь незнание иностранных языков выдавало отсутствие у нее классического образования. Она была очень артистична: с юности лет до пятидесяти участвовала во всех самодеятельных спектаклях, которые были так популярны в первые 2—3 десятилетия нашего столетия в российской провинции. Она прочитала мне сотни книг. С ней мы мысленно путешествовали во времени и пространстве. Ее рассказы всегда были настолько живыми и яркими, что порою мне казалось, что я сама была свидетельницей и участницей содержащихся в них событий.

Если бабушка обогащала меня знаниями, в основном почерпнутыми из книг, то прабабушка Анна Дмитриевна была настоящих “кладезем” народной мудрости. Она рассказывала мне сказки, притчи, предания и прибаутки. Она знала тысячи примет. В большом, кованном жестью сундуке словно в хранилище какого-то музея можно было найти вещи разных времен, от шелкового косоклинного сарафана ее прабабки, относящегося к первой половине XIX, до вырезок из газет 20-х годов нашего столетия. Это была живая этнография.

Еще в начальной школе моими любимыми стали книги из библиотеки отца: “История древнего Востока” Б. А. Тураева, “История древней Греции” В. С. Сергеева, “Москва” — хрестоматия по истории средних веков и конечно “Илиада” Гомера. Помню как, учась в 5 классе, я прочла книгу о Шлимане. Мечта увидеть сокровища Приама казалась мне несуществимой, а ведь они находились тогда не за тридевять земель, где-то за рубежом, а в столице моей Родины — Москве. С дошкольных лет я мечтала побывать в каком-нибудь историческом музее. Чтобы осуществить ее отец повез меня в ближайший город Уфу, но оказалось, что музей закрыт на ремонт и мне пришлось довольствоваться осмотром старинной пушки, выставленной у его дверей. Таким образом, вопрос о выборе профессии был решен мною довольно задолго до окончания школы. Оставалось только выбрать ВУЗ. И этот выбор состоялся благодаря переписке с Зоей Соколовой. Я была счастлива, что никто из родственников не отговаривал меня, не докучал советами и поучениями. Сейчас, когда прошло уже более четырех десятилетий, я нисколько не жалею, что связала свою судьбу с археологией и если бы мне пришлось снова выбирать себе профессию, я вероятно вновь выбрала бы путь, по которому иду.

Итак, все было решено: я еду в Пермь (Молотов) и поступаю на историко-филологический факультет. В те годы Министерство высшего образования, опасаясь перепроизводства историков, сокращало прием на исторические факультеты. В пермский университет принимали всего

одну группу — 25 человек, поэтому конкурс был довольно большим: можно было поступить, лишь получив все пятерки или не более одной четверки. Было много волнений, однако я благополучно сдала экзамены и поступила на первый курс.

1 сентября первая лекция по археологии. Ее читал нам Отто Николаевич Бадер. Это был человек среднего роста, лет 45–50. С живыми карими глазами, седина едва коснулась его темных волос и профессорской бородки клинышком. Одет он был в темно-серый костюм, на безымянном пальце правой руки был перстень с черным камнем-печаткой. Лекция была посвящена предмету археологии, археологическим источникам, методам археологических исследований.

Термин “археология” впервые ввел древнегреческий философ Платон. В переводе с греческого архайос — древний, логос — наука. Следовательно буквально археология — наука о древностях. В настоящее время понятие “археология” приобрело более широкий смысл. Это одна из самостоятельных исторических наук, изучающая древнейшие периоды в истории человеческого общества, поэтому цели и задачи у истории и археологии одни и те же, однако источники и методы исследования разные. В то время, как история оперирует письменными источниками, археология изучает древнейшее прошлое человечества по вещественным источникам, по всему тому, что осталось от жизни и деятельности людей: по поселениям, остаткам жилищ, посуды, по орудиям труда, оружию, украшениям, а также по древним погребениям, которые почти всегда сопровождалась вещами.

Сфера деятельности историка: библиотеки, архивы, где хранятся книги, документы, воспоминания, письма, чертежи, рисунки, фотографии. Изучая их, историк может восстановить те или иные события прошлого, с точностью до дня, а иногда до часа установить, когда эти события происходили, он может чуть ли не по дням проследить жизнь конкретных исторических личностей.

Поле деятельности археолога значительно шире. Это леса, поля, горы, пустыни, болота, реки, моря. Всюду, где жил человек, он оставил свои следы. Время шло, все превращая в прошлое. Эти следы заносились землей. Земля превращалась в огромный архив, бережно хранящий сведения о давно ушедших поколениях. Извлечь эти следы, изучить их, получить благодаря им как можно более полную информацию о наших предках — вот основная задача, стоящая перед археологией.

Временной диапазон истории ограничен, так как письменность появилась 5–6 тысяч лет назад в рабовладельческих государствах

Двуречья и Египта, приблизительно около четырех тысяч лет назад в Средиземноморье и только в X веке н. э. в Северной и Восточной Европе. Письменная история ничтожно коротка по сравнению с дописьменной историей человечества, теряющейся в сумраке прошедших веков, которая осталась бы навсегда утраченной для человечества, не будь археологии.

Далеко не все события отражены в письменных источниках. Взять, например, русские летописи, отражающие многие факты древней истории нашей страны. Но о некоторых событиях они молчат, другие искажают. В летописях невозможно найти сведений об экономике Руси, о ее материальной культуре, словом любые письменные источники страдают некоторой ограниченностью, поэтому помощь археологии совершенно необходима. Археологу приходится расшифровывать язык вещей — свидетелей давно прошедшей жизни.

К тому же археологи нередко помогают пополнить арсенал письменных источников. Например, при раскопках Новгорода были найдены берестяные грамоты — ценнейшие письменные источники. При исследовании урартских городов выявлены клинописи, высеченные на камнях, во время работ в пустыне Кызылкум обнаружен архив древнехорезмийских текстов на дереве и на бумаге.

Объектами исследования археологов являются археологические памятники: древние поселения, где люди жили; могильники, где они хоронили своих умерших сородичей; святилища, где они молились своим богам; шахты, где люди добывали кремль для изготовления орудий, а позднее руду, из которой выплавляли металл; мастерские, где изготовлялись орудия. Прежде чем раскапывать эти памятники, археолог должен найти их. С целью поисков памятников организуются разведки: определяется район, который должен быть обследован и маршрут, по которому будет проходить археолог. Маршруты проходят пешком, на лодках или на автомашинах. Отто Николаевич рассказал нам, как в 1925—1926 годах он вместе со своим учителем Борисом Сергеевичем Жуковым прошел по реке Ветлуге лодочный маршрут протяженностью в 750 км, а чуть позднее в 1931 году 600-километровый маршрут по реке Вятке от Котельнича до Камы. В результате прохождения этих маршрутов были выявлены сотни памятников разных эпох.

После того как памятники открыты, можно приступить к их исследованию путем проведения раскопок. Раскопки — очень трудное и ответственное дело: необходимо заметить, описать, зарисовать, зафотографировать каждую едва заметную деталь, потому что именно по этим

деталюм восстанавливаются обшчюй облик поселения или обряд погребения. Памятник во время раскопок разрушается, и если археолог упустил или неправильно понял какую-то деталь, то никто уже не сможет восстановить ее, исправить допущенную ошибку. Для проведения разведок и раскопок необходимо получить разрешение Института археологии — так называемый “открытый лист”.

Работа археолога имеет много обшчего с работой следователя. Тот и другой по едва заметным следам должен восстановить происходившие на обследуемом месте события, но следователь приходит на это место через несколько дней или даже часов после того как событие произошло, а археолог — через столетия и тысячелетия.

Для того, чтобы полнее представить жизнь людей, оставивших изучаемый археологический памятник необходимо знать природную среду, в которой жил человек: рельеф, климат, растительность, животный мир. Археолог должен знать геологию, палеоклиматологию, палеоботанику, палеонтологию. Только комплексный подход к изучению археологических памятников может быть успешным. Отто Николаевич делился с нами воспоминаниями о своих исследованиях. За плечами у него раскопки пещерной стоянки эпохи раннего палеолита (древнекаменного века) Волчий Грот в Крыму, Балановского могильника эпохи бронзы в Чувашии, Мамонова городища раннего железного века в Москве и, наконец, десятков памятников в Прикамье.

Уже на первой лекции Бадер сообщил нам, что все желающие специализироваться по археологии должны принимать участие в работе археологического кружка, первое заседание которого должно было состояться в конце сентября, так как все старшекурсники еще находились в экспедициях. Он предложил будущим членам кружка выбрать темы небольших сообщений по истории археологии. Помню, как на одном из первых заседаний я сделала сообщение о выдающемся русском археологе А. А. Спицине.

Археологический кружок Пермского университета стал настоящей кузницей кадров для уральской археологии. Из него вышли также известные исследователи как В. Ф. Генинг, В. А. Оборин, В. Д. Денисов, Б. Г. Тихонов, З. П. Соколова, Э. М. Медникова, В. И. Неприна, В. А. Могильников, Н. А. Мажитов и другие.

Бадер предложил нам в ближайшее воскресенье посетить памятники эпохи палеолита: например, стоянки Пещерный Лог и имени М. В. Талицкого на реке Чусовой. Сам он должен был уехать на Чусовую еще в субботу, поэтому подробно объяснил нам как от станции добраться до

реки, где найти лодочника, чтобы перебраться на противоположный ее берег, где он будет нас встречать. Желающих совершить это путешествие оказалось не так уж много: всего пять человек, потому что кому-то нужно было поехать к родителям за продуктами, кто-то подрабатывал в воскресенье, а кто-то просто проспал.

В 8 часов утра мы вышли из электрички и направились к Чусовой. На берегу ее мы увидели несколько лодок, но лодочника рядом с ними не оказалось. Затем к нам подошли два разбитных деревенских парня и предложили нам свои услуги. Мы сели в лодку и поплыли к противоположному берегу. Лодка была какая-то подозрительно старая, разохшаяся, с большими щелями, через которые сочилась вода. Очень скоро мы поняли, что поступили неосмотрительно: вода доходила нам до щиколоток, несмотря на то, что мы энергично вычерпывали ее кружками. Когда мы миновали середину Чусовой, лодка медленно начала погружаться, раздался чей-то пронзительный визг, и все мы оказались по пояс в воде. К счастью, прошедшее лето было необычно засушливым и Чусовая сильно обмелела. Мы медленно брели по воде к берегу, посылая проклятия в адрес наших самодеятельных лодочников. Самая высокая из нас Люся Ушахина несла над головой в высоко поднятых руках портфель с провизией, хотя вода едва доходила ей до пояса. Подойдя ближе к берегу, мы увидели Отто Николаевича, который стоял у реки и наблюдал наше “кораблекрушение”. Он знал, что Чусовая в этом месте неглубока, поэтому весело смеялся. Когда мы вышли на берег, он слегка пожурил нас за легкомысленное решение ехать на лодке с первыми встречными, и мы отправились на памятники. Сентябрьский день был по-летнему теплым и солнечным, и мы быстро обсохли. Так состоялось наше первое буквальное крещение археологией.

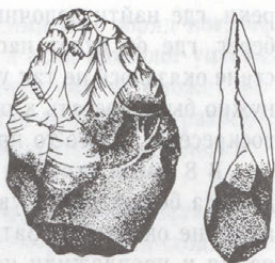
Отто Николаевич в белом парусиновом костюме и соломенной шляпе казался помолодевшим и оживленным. Прежде всего он хотел показать нам самые древние памятники, относящиеся к эпохе палеолита, когда человек делал свои первые шаги. Слово “палеолит” дословно переводится с греческого как древний камень, древнекаменный век. Это была самая продолжительная эпоха, начавшаяся с момента появления человека более двух миллионов лет назад и закончившаяся 14 тысяч лет назад.

Поселения палеолита называются стоянками. Они могут быть пещерными или открытыми, расположенными на высоких незаливаемых берегах рек. На стоянках находят остатки примитивных жилищ, каркас

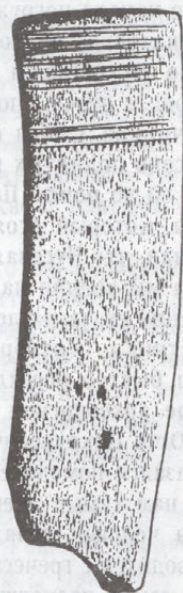
которых сооружался из жердей, костей и бившей мамонта, и каменные орудия, изготовленные руками первобытных людей.

Находить палеолитические стоянки очень трудно, так как обычно слой, содержащий следы жизни и деятельности человека залегает глубоко под мощными отложениями, образовавшимися в более поздние эпохи. Чаще всего такие стоянки открывают во время земляных работ, например, в глиняных или песчаных карьерах. В поисках палеолитических стоянок археологи внимательно осматривают обнажения берегов рек и склонов оврагов. Особенно тщательно обследуются места находок костей животных ледникового периода: мамонтов, бизонов, шерстистых носорогов, пещерных медведей, так как они были современниками и объектами охоты людей палеолитической эпохи.

Мы пошли по берегу Чусовой к оврагу, называемому Пещерный Лог, который находился недалеко от впадения р. Чусовой в Каму. Здесь на береговом склоне было найдено несколько сделанных рукой человека отщепов сильно окремневшего сланца и одно готовое орудие — ручное рубило миндалевидной формы со следами двухсторонней оббивки. Такими орудиями пользовались в качестве ножей люди раннего палеолита. Эпоха раннего палеолита очень продолжительна, она делится на три периода: олдувай, получивший свое название по Олдувайскому ущелью в Танзании в Африке, ашель и мустье, названные по стоянкам, открытым во Франции. Эпоха мустье является позднейшей эпохой раннего палеолита, она продолжалась от 100 до 40 тысяч лет назад. Именно к этой эпохе и относилась стоянка Пещерный Лог. Люди жили в устье оврага приблизительно 70 тысяч лет назад. Это были неандертальцы, коренастые, сильные, с покатыми лбами и мощ-

Кремневое ручное рубило, найденное на территории Самарского Поволжья

Обломок ребра мамонта с резным орнаментом, найденный близ стоянки Талицкого

ными надбровными валиками. Эпоха палеолита совпала с ледниковым периодом, когда ледник то наступал, то отступал. Климат был довольно суровым. В предгорьях Урала жили мамонты, шерстистые носороги, бизоны. На них охотились обитатели стоянки.

Стоянка Пещерный Лог в те годы, когда мы учились в университете, считалась самой северной точкой расселения человека в мустьерскую эпоху.

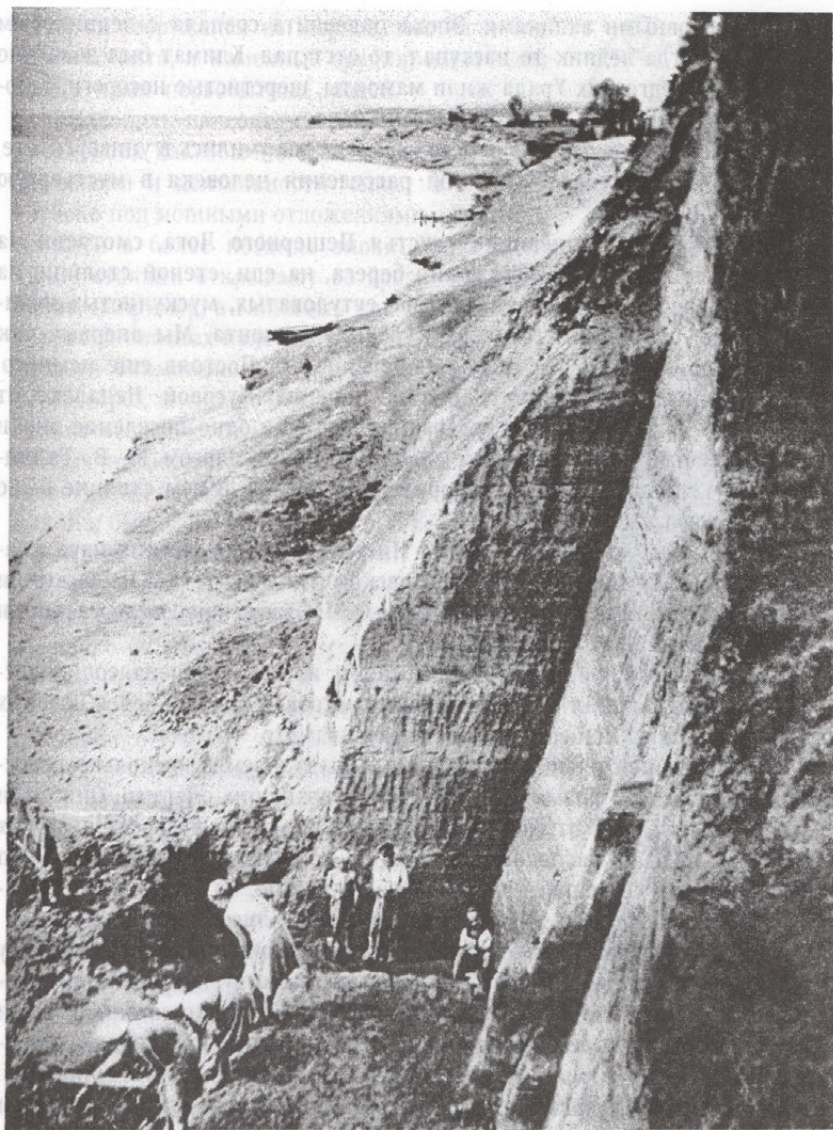
Мы стояли на бичевнике у устья Пещерного Лога, смотрели на красноватые глинистые обнажения берега, на ели, стеной стоящие на высоком берегу, и представляли себе сутуловатых, мускулистых неандертальцев, с криками гонящих к обрыву мамонта. Мы впервые так близко соприкоснулись с глубокой древностью. Постояв еще немного, мы двинулись по бичевнику вниз по течению Чусовой. Недалеко от Пещерного Лога близ д. Остров находилось еще одно поселение эпохи палеолита, открытое до войны московским археологом М. В. Талицким. В 1942 году он погиб на фронте, и в память о нем стоянке было присвоено его имя.

В 1945—1947 годах экспедиция Института геологических наук Академии Наук СССР при участии Молотовского университета, Тагильского и Молотовского музеев под руководством О. Н. Бадера произвела раскопки стоянки имени М. В. Талицкого.

Культурный слой, содержащий следы жизни позднепалеолитического человека, залегал под шестнадцатиметровой толщей более поздних отложений глины, нанесенных сюда разливами р. Чусовой.

На небольшой площадке стоянки вырыто в земле несколько неглубоких округлых ям диаметром 70—75 см, служивших очагами. Они были переполнены углями от сожженных костей мамонта, носорога и других животных. Судя по расположению очагов, можно предполагать, что под ними было искусственное сооружение — жилище, но ясных его очертаний выявить не удалось. Все находки располагались вокруг очагов.

Кости животных, найденные на стоянке принадлежали северному оленю, дикой лошади, мамонту, носорогу, песцу, зайцу, косуле. На них охотились обитатели стоянки. Их охота могла быть только загонной. Были найдены орудия из кремня, горного хрусталя, кремнистого сланца: скребки для обработки шкур, ножи, проколки для их разрезания и сшивания. Одной из самых интересных находок был наконечник дротика из кости с небольшими щелевидными пазами по бокам, в которые вставлялись лезвия из тонких ножевидных пластинок. Наконечник имел два острых рабочих края. Если ножевидные кремневые вкладыши ломались, их

Раскопки на палеолитической стоянке имени М. В. Талицкого

можно было заменить новыми. Но особый интерес представлял фрагмент ребра мамонта, покрытый тщательно выполненной резьбой. Это древнейший в Прикамье предмет искусства. Видимо он представлял собой рукоять копьеметалки, применявшейся охотниками для увеличения точности и дальности броска.

Бадер рассказал нам, что стоянка имени М. В. Талицкого относится к эпохе позднего палеолита. Люди жили здесь приблизительно 25 тысяч лет тому назад. Уже в самом начале эпохи позднего палеолита появился человек современного типа "Homo sapiens", что в переводе с латинского означает "человек разумный". В это же время на смену первобытному человеческому стаду или праобщине приходит родовая община. Охота оставалась загонной, позднепалеолитические охотники вели полубродячий образ жизни, передвигаясь вслед за кочующими животными. Поскольку животные в течение года перемещаются по определенным маршрутам, люди повторяли их путь. Так складывались постоянные охотничьи маршруты рода. Многие позднепалеолитические поселения представляют собой сезонные стоянки охотников, которые посещались людьми раз в несколько лет. Такой сезонной стоянкой была стоянка им. М. В. Талицкого.

Эпоха позднего палеолита совпала с последним самым суровым наступлением ледника. Но человек уверенно продвигался к северу. Он умел строить жилища, шить теплую меховую одежду, изготавливать совершенные орудия из камня, кости, дерева.

Бадер подробно рассказывал нам о позднем палеолите, об открытиях отечественных ученых в изучении этой эпохи. Предполагал ли он тогда, что его собственные главные открытия еще впереди? В 1960—1964 годах им исследовалась пещерная живопись в Каповой Пещере на р. Белой в Башкирии. На стенах пещеры выявлены изображения восьми мамонтов, носорога и лошади, нанесенные красной минеральной краской.

Еще более замечательное открытие — раскопки О. Н. Бадером позднепалеолитической стоянки Сунгирь под г. Владимиром. Здесь в 1964 году было исследовано богатейшее позднепалеолитическое погребение. Оно принадлежало высокому, стройному мускулисту человеку с широкими плечами. К моменту смерти его возраст приближался к шестидесяти годам — возраст весьма почтенный, до которого доживали в то время немногие из-за болезней, сурового климата, опасностей охоты. Одежда погребенного — меховой комбинезон был сверху до низу расшит бусами

Стоянка Сунгирь (Владимирская обл.). Захоронение детей. Раскопки О.Н.Бадера

из кости и бивня мамонта. Такими же бусами была украшена шапка, надетая на голову погребенного.

Погребение было густо посыпано красной минеральной краской — охрой, которая видимо символизировала кровь — жизнь. Еще более сенсационная находка была сделана в 1969 году. В узкой длинной могиле головами друг к другу лежали скелеты двух детей: мальчика лет двенадцати—тринадцати и девочки лет семи—восьми. Дети были одеты в меховые рубашки мехом внутрь, куртки мехом наружу и меховые штаны. Вся одежда была расшита тысячами бусин. Бусы украшали даже головные уборы и сапоги-унты. Куртка надевалась через голову, на груди был разрез, который закалывался костяной булавкой. В правой руке мальчика находился кремневый нож и костяная игла. На груди его лежала костяная фигурка лошади. Рядом с каждым из детей лежали копья, изготовленные из расщепленных и выпрямленных бивней мамонта с тонкими и очень острыми концами. Длина копья мальчика 2,42 м, копья девочки — 1,66 м. Копья эти уникальные, таких еще нигде не находили. Рядом с погребением девочки находилось восемь дротиков из бивня мамонта и два кинжала, а рядом с мальчиком три дротика и один кинжал. Справа от черепов обоих детей были найдены тонкие прорезные диски из бивня мамонта, надетые на концы дротиков.

Можно предполагать, что к прорезям этих красивых и хрупких украшений на дротиках, прикреплялись цветные ремешки или пушистые хвосты песцов, и эти дротики служили своего рода парадными эмблемами или имели какое-то особое церемониальное значение. На руках погребенных были надеты пластинчатые и бусяные браслеты, на пальцах костяные перстни.

Судя по всему, сунгирские погребения принадлежали племенному вождю и его детям или оруженосцам. Открытие этих погребений буквально перевернуло наше представление о позднепалеолитических людях, представшими перед нами не жалкими существами, небрежно завернутыми в шкуру, а смелыми охотниками и воинами, одетыми в удобные и нарядные костюмы, сшитые костяными иглами и украшенными тысячами бусин. Они много умели из того, что не по плечу даже современному человеку. Например, могли выпрямлять бивень мамонта и изготавливать из него копье. В настоящее время секрет выпрямления бивня человеком утрачен.

Стоянка Сунгирь. О.Н.Бадер расчищает детское захоронение

Такие выдающиеся открытия предстояло сделать в следующем десятилетии нашему учителю. Но в тот день, когда мы посетили две позднепалеолитические стоянки, он вряд ли мог предвидеть их.

Для нас посещение Пещерного Лога и стоянки имени М. В. Талицкого было первой встречей с эпохой детства человечества, первой и, как это ни странно последней, последней, так как никто из нас не стал специалистом по палеолиту. Почему это произошло, сказать трудно. Каждый начинающий археолог выбирает себе эпоху, которая наиболее соответствует его интересам, наклонностям, знаниям. Очень важно вовремя заметить существует ли это соответствие. Прежде чем предложить студенту тему его будущей дипломной работы нужно хорошо знать его психологию. Если тема соответствует характеру и психическому складу начинающего исследователя, и если он по-настоящему увлечется ею — успех обеспечен. В противном случае будут срывы, сомнения, колебания и в конце концов смена темы чуть ли не за год до защиты диплома. Большинство моих бывших студентов, ставших кандидатами исторических наук, защитили диссертации по тем эпохам и культурам, которые выбрали в первые свои студенческие годы.

В годы моей учебы в университете было несколько иначе. Бадер каждый год давал нам темы курсовых работ по разным эпохам Прикамья. Мне, например, пришлось писать курсовые по неолиту, бронзовому, раннему железному веку и средневековью. Благодаря этому сложилось достаточно полное и целостное представление о древней и средневековой истории края. С другой стороны написать серьезную и глубокую работу за один год невозможно и, только когда студент в течение нескольких лет работает над одной темой, из-под его пера выходит более солидное исследование.

За годы своей работы мне приходилось производить раскопки поселений и могильников разных эпох от мезолита (среднекаменного века) до золотоордынского периода (XIII—XIV вв.) Но всегда более всего меня привлекало раннее средневековье — эпоха, когда уже прослеживаются контуры, силуэты современных народов, когда появляются первые, пусть очень скудные и невнятные, порою похожие на загадки или намеки, сведения об этих народах в письменных источниках. Большая часть разделов этой книги посвящена племенам и народам, жившим в Среднем Поволжье в эту эпоху.

Выпускница Пермского (Молотовского) государственного университета Г.И.Матвеева

Разведки

В конце мая, когда мы сдавали последние зачеты, О. Н. Бадер пригласил Владислава Могильникова, Нияза Мажитова и меня в кабинет археологии и сообщил, что в связи с необходимостью обследования зоны затопления проектируемой Воткинской гидроэлектростанции нам надлежит принять участие в поисковых работах. Для этого нужно было досрочно сдать экзамены предстоящей сессии, собрать все сведения об уже известных археологических памятниках, находящихся в пределах наших будущих маршрутов, и запросить в Институте археологии разрешения на проведение раскопок — «открытые листы» на каждого из нас.

Камской археологической экспедиции предстояло обследовать огромный участок среднего течения Камы от г. Молотова (Перми) до устья р. Белой. В этих обследованиях должны были принять участие все студенты-археологи с третьего по пятый курс, а также многие выпускники факультета и сам Отто Николаевич, однако протяженность обследуемой территории была так велика, что к участию в разведках пришлось привлечь и нас — второкурсников.

Предложение Бадера вызвало двоякое чувство: с одной стороны гордость, что нам доверяют такое серьезное дело, дают возможность совершенно самостоятельно проводить разведки, с другой стороны сомнения — а справимся ли мы с возложенными на нас обязанностями, хватит ли нам нашего крохотного опыта? Так или иначе отступить было некуда.

Сдав досрочно экзамены в первой половине июня, мы начали собирать рюкзаки. При сборах очень важно суметь взять только самое необходимое, избавить себя от излишних тяжестей, чтобы быть как можно мобильнее. Необходимыми орудиями любого археолога-разведчика являются компас, рулетка, планшет с миллиметровкой, карандаш, резинка-ластик и, конечно, лопата — самый главный археологический инструмент. Впрочем, отправляясь в свою первую разведку, мы могли бы обойтись и без лопаты, так как открытые листы, выданные нам Институтом

археологии по форме № 3 разрешали только внешний осмотр памятников, их описание, зарисовку и фотографирование. Проводить земляные работы на памятниках начинающие исследователи не имеют права до тех пор, пока они своим обстоятельным и серьезным отчетом о проведенной работе не докажут свое знание методики археологических исследований. Если отчет утверждается, исследователь получает открытый лист формы № 2, позволяющий закладывать маленькие раскопки размером 1×1 м, называемые шурфами, а также производить зачистку обнажений берега или склона оврага.

Разведки, как уже отмечалось, бывают пешими, лодочными, автомобильными. Самыми эффективными являются первые. Археологи идут обычно вдоль той или иной реки, осматривая ее берега, иногда удаляясь от нее на несколько километров вглубь берега, обследуя буквально каждый квадратный метр. Особое внимание уделяется осмотру мест, пригодных для поселений: мысов, стрелок, расположенных между двумя оврагами, гор с плоскими ровными площадками наверху. Внимательнейшим образом рассматриваются обнажения берега и склонов оврагов.

Немаловажное значение имеет опрос местного населения. В любой местности старожилы расскажут вам о древних городках с валами и рвами, о находках черепков от сосудов на пашнях, о случайно обнаруженном древнем захоронении — словом обо всем, что связано с прежними обитателями края. Самыми надежными информаторами всегда бывают старики и вездесущие ребятишки, труднее удастся получить сколь-нибудь ценную информацию от женщин, постоянно занятых домашними заботами. Обязательно нужно заходить в школы, где иногда хранятся отдельные археологические находки.

Обычно в пеший маршрут отправляются по два человека, не только потому, что за две-три недели в одиночку можно порядочно одичать, бродя по необъятным просторам родной страны, но более по той причине, что вдвоем можно успеть осмотреть большую площадь. Например, когда один человек идет непосредственно по берегу, по первой надпойменной террасе, то другой может отходить дальше от реки и искать курганные или грунтовые могильники. Наконец, если произойдет какой-нибудь несчастный случай, второй участник разведочного отряда сможет оказать помощь пострадавшему.

Особенно внимательно осматриваются обнажения берегов рек и склонов оврагов, так как можно увидеть залегающий под дерновым слоем так называемый культурный слой, остающийся в тех местах, где были древние поселения. Слой этот обычно отмечается более темной крас-

кой от нижележащего подстилающего слоя глины или песка, который называют материком. Он образуется в процессе жизни и деятельности людей и содержит строительный мусор, кости животных, обломки разбитой посуды, сломанные или случайно потерянные вещи. Именно по этим вещам и обломкам сосудов по более темной окраске культурного слоя археологи находят исчезнувшие поселения и определяют время, к которому они относятся.

Самые древние поселения каменного века называются стоянками. Стоянки могут располагаться на открытой местности и в пещерах. В их культурном слое обычно встречаются каменные орудия, их заготовки и отщепы. Если стоянки относятся к новокаменному веку — неолиту, то в слое можно найти фрагменты сосудов.

Поселения бронзового века археологи называют селищами. Они как и стоянки обычно располагаются вблизи рек, на мысах и в местах впадения малых рек в большие.

Поселения железного века делятся на неукрепленные и укрепленные. Первые как и поселения бронзового века называются селищами, вторые — укрепленные валами и рвами — именуется городищами.

Если культурный слой поселения распахан, то обломки сосудов и древние вещи можно найти прямо на поверхности пашни.

Объектами археологических исследований являются и древние кладбища — могильники. Они делятся на курганные и грунтовые. Первые обнаружить довольно легко, так как даже распаханные курганы достаточно хорошо заметны, но поиски вторых — дело очень трудное. Лишь в исключительных случаях на месте древних могил можно заметить небольшие впадины, обычно же от грунтовых погребений не остается никаких внешних признаков, поэтому бескурганные могильники чаще всего открывают случайно, во время земляных работ. Если люди, ведущие эти работы, любознательные и небезразличные, увидев кости погребенных людей и сопровождающие их вещи, они обязательно сообщают о своей находке в ближайший музей и тогда могильник станет достоянием науки. Но, что греха таить, очень часто на находки не обращают внимания, разрушают погребения и никому о них не сообщают. В этом случае археологический памятник бесследно пропадает.

Еще одну категорию археологических памятников составляют святилища — жертвенные места, где люди молились богам и приносили им свои жертвоприношения. Чаще всего они находятся в потайных, труднодоступных местах, например, в пещерах. На них можно найти кости жертвенных животных и вещи, принесенные молящимися.

Ищут археологи и древние мастерские, где наши далекие предки изготавливали свои орудия, украшения, домашнюю утварь. Такие мастерские появились уже в каменном веке. Обычно они располагались ближе к источникам сырья, например, там, где имелись выходы кремня.

Зная в каких местах обычно располагаются те или иные памятники, археолог во время разведок уделяет этим местам особое внимание, производит внешний осмотр, закладывает шурфы.

Первый маршрут протяженностью 160 километров от г. Перми до Усть-Качки по обоим берегам Камы мне предстояло пройти с третьекурсышником Виленом Крыловым, человеком энергичным, веселым, наделенным чувством юмора, но по молодости чуть легкомысленным. В университете он слыл одним из самых выдающихся артистов драмкружка и весьма успешно играл кровавадного Тибальда в спектакле "Ромео и Джульетта". Ежегодно часть лета он проводил в альпинистских лагерях, поэтому на археологию у него оставалось времени несколько меньше, чем у его однокурсников. В связи с этим опыт проведения поисковых работ у нас с ним был приблизительно одинаковым.

Свой маршрут мы начали не от Перми, а от пристани Нижняя Курья, что расположена чуть ниже по течению Камы. Было решено, что я буду осматривать береговые обнажения, а Вилен пойдет по верхним террасам Камы. Мы договорились встретиться вечером у следующей пристани. Я спустилась вниз к воде и стала осматривать берег и вдруг отчетливо увидела в обрыве коричневатый обломок глиняного сосуда, потом второй, третий. Трудно передать сейчас тот восторг, ту радость первого открытия, которые я испытала в тот момент. Счет выявленных мною археологических памятников был открыт. Потом мне пришлось открыть сотни памятников разных эпох, но ни один из них не запомнился мне так, как то первое поселение железного века у речного поселка Нижняя Курья.

Вечером мы встретились с Виленом. Он также нашел поселение Курьинское II. Мы решили отправиться на ночлег на речном трамвае в город, чтобы на другой день продолжить маршрут. Так каждый вечер мы уезжали в Молотов, а утром продолжали поиски. Одно за другим находили мы поселения железного века. В деревне Концебор нам сообщили, что во дворе у одного из деревенских жителей лежит бивень мамонта длиной более трех метров. Мы увидели этот бивень, но увезти его в город, конечно, не смогли из-за его габаритов. Мы закончили маршрут, открыв около десятка памятников. Вскоре я уехала с г. Осу, откуда начинался мой второй маршрут протяженностью в 170 километров.

В Осе я встретилась с местным краеведом Ф. И. Петровых, он показал мне Подмонастырское городище близ города, но идти в разведку в свои 73 года он не смог, поэтому отправил со мной своего двенадцатилетнего сына Толю, дабы избавить меня от десятидневного одиночества. Вскоре к нам присоединился его ровесник — школьник из с. Кама-Жулановска Вася Еговцев, еще зимой написавший О. Н. Бадеру о том, что интересуется археологией и хочет участвовать в работе Камской археологической экспедиции.

Толя и Вася были отличными любознательными ребятами, но в двенадцать лет еще мало сил, длительная каждодневная ходьба утомляет детей, поэтому иногда мне хотелось отправить их в Осу и продолжать путь в одиночестве. Однако ребята не соглашались и мы с небольшими передышками продолжали свой путь. Нас охотно пускали на ночлег в каждой деревне, впрочем, в те годы это было вполне обычным явлением. Двери каждого деревенского дома были открыты для любого прохожего. Хозяева охотно делились с нами своим скромным ужином, несмотря на то, что деревня далеко еще не встала на ноги и жила очень бедно. Можно было ночевать на сеновалах и даже в стогах среди “чистого” поля.

Не обошлось без небольших приключений: какой-то парень, перевозивший нас на лодке через Каму попытался отнять у нас деньги и мне пришлось слегка стукнуть его саперной лопатой, после чего он отказался от своих намерений и сел за весла. Если бы он знал какими скудными средствами я располагаю, он едва ли стал бы посягать на них.

Каждый день мы находили по памятнику. Более всего меня обрадовало открытие неолитической стоянки у поселка Усть-Паль. Другой интересный памятник — поселение эпохи бронзы — был выявлен у д. Гольяны. Были и огорчения, например, мне не удалось снять план Драчевского городища. Драчевское городище находилось на высокой горе, окруженной глубокими оврагами. Склоны горы и площадка на ее вершине заросли густым, почти непроходимым лесом. Мы с трудом продрались сквозь чащу и поднялись на площадку, находящуюся на вершине. Осмотрев оборонительные валы, мы хотели приступить к съемке плана, но не смогли сделать нивелировку: мешал лес. Кроме того оказалось, что где-то в лесу Вася потерял лопату. Мы долго тщетно искали ее, но так и не нашли.

Всего мы открыли восемь памятников и довольные вернулись в г. Осу.

В следующем году я работала в составе Удмуртской археологической экспедиции, руководимой В. Ф. Генингом. В задачи моего отряда входило обследование отрезка р. Камы от пристани Камбарка до устья р. Белой с целью проверки состояния памятников, выявленных в начале века А. А. Спицыным и Л. А. Беркутовым, а также с целью выявления новых еще неизвестных могильников и поселений.

Поиски памятников, открытых полвека назад, — дело нелегкое. За время, прошедшее с момента их выявления, многое изменилось: одни из них разрушены, другие застроены, поэтому некоторые памятники пришлось довольно долго искать. Удалось открыть и ранее неизвестные, например, Цигвинцево и Кухтинское городища.

После окончания университета я работала директором краеведческого музея в маленьком степном южноуральском городке Троицке. В те годы директор районного краеведческого музея был поистине многоликим: он был одновременно и завхозом, и бухгалтером, и научным сотрудником. Каждое лето приходилось латать ветхое здание музея, построенное еще в прошлом веке купцом Башкировым. То нужно было ремонтировать систему отопления, то крыть железом крышу, то перестраивать экспозицию музея, поэтому на археологические исследования оставалось очень мало времени. Тем не менее каждой весной, в мае я отправлялась в разведку обследовать реку Уй от г. Троицка до ее устья. На проведение раскопок не было ни времени, ни средств. Лишь иногда приходилось доисследовать курганы, разрушенные во время строительных работ.

Только через пять лет, поступив на работу в Башкирский университет, я смогла всерьез заняться археологией. И снова все началось с разведок. Одной из самых слабо обследованных рек Башкирии была Дема. В первый год работы в университете хотелось как можно скорее начать полевой сезон. С второкурсником Мидхатом Рязановым мы выехали в Чишмы уже в 20-х числах апреля. Нам предстояло обследовать оба берега реки от Чишмов до Раевки. Деревья еще не покрылись листвой, поэтому искать памятники было легче чем летом, когда все сильно зарастает. В первый же день мы обследовали городище у д. Кара-Якупово, а затем каждый день открывали по два—три памятника. В основном это были курганы и поселения бронзового века, в общем довольно типичные и многочисленные в Башкирии. Однако, первого мая нас ожидало более неординарное открытие. Утром, когда мы снимали план Давлекановского курганного могильника, к нам подошел пожилой человек и поинтересовался, чем мы занимаемся. Когда мы сказали ему,

что проводим археологическое обследование р. Демы, он сообщил нам, что неподалеку от с. Давлеканова разрабатывается песчаный карьер, которым разрушается древнее поселение. По его словам, вместе с песком увозят каменные топоры, ножи, обломки посуды и много других вещей. Мы быстро закончили съемку плана и поспешили на место, указанное нам пожилым человеком. Нас ожидало поистине удручающее зрелище. Довольно большой карьер разрушил центральную часть многослойного поселения. Судя по находимым черепкам посуды, люди селились здесь неоднократно: в эпоху нового каменного, меднокаменного, бронзового и раннего железного веков. Наибольший интерес представлял слой новокаменного века — неолита. На дне карьера и в его стенках встречались многочисленные кремневые ножи, скребки, резцы, проколки, полированные долота и тесла. Зачистив стенку раскопа, Мидхат нашел развал большого глиняного сосуда яйцевидной формы с зубчатым орнаментом. Из другой стенки карьера торчал человеческий череп — здесь было погребение. Однако мы решили его не раскапывать, так как времени у нас было мало.

Увлечшись сборами, мы забыли о том, что целый день не ели и не заметили, что наступил вечер и начало смеркаться. Нужно было подумать об ужине и ночлеге. Усталые, грязные, с рюкзаками, наполненными находками, мы пришли в г. Давлеканово часов в 11 вечера, когда все магазины и столовые были давно закрыты. Оставалось только одно: отправиться в ресторан, что мы и сделали. Оказалось, что ресторан уже заканчивал свою работу, и мы с трудом выпросили по бокалу шампанского и по порции индейки, такой жесткой, что можно было предположить, что она проживала не менее двух десятков лет. В ресторане еще играла музыка и, насытившись, мы на радостях еще умудрились станцевать один танец, после чего отправились в гостиницу, где на наше счастье оказались свободные места. Летом того же года я провела небольшие, но очень успешные раскопки открытой нами Давлекановской стоянки. На следующий год они были продолжены московским археологом Г. Н. Матюшиным, который нашел не только насыщенный находками культурный слой, но и погребение человека новокаменного века. К сожалению, Г. Н. Матюшин работал на этом удивительно интересном памятнике всего один год, большая часть поселения осталась неисследованной и была разрушена, так как песок долго еще продолжали вывозить.

Но вернемся к моей первой башкирской разведке. Третьего мая мы с Мидхатом пришли в деревню Нижнее Хозятово. Народ все еще праздновал Первомая. В конце дня мы стали искать ночлег. Но в какой бы

дом мы ни заходили, всюду нам отвечали, что места нет, так как большая семья. Только на краю деревни нас приютила довольно молодая женщина, жившая с двумя детьми в небольшом домике. Она постелила мне на кровати, а Мидхату на полу и, уложив детей, погасила свет и легла сама. Не прошло и 20 минут, как раздался громкий стук в дверь. Хозяйка зажгла свет и поспешила открыть. На пороге стояли трое подвыпивших мужчин, один из которых держал в руке охотничье ружье. “Документы рухсат итегез” [предъявите документы] — обратился один из них к Мидхату, тот полез в рюкзак и протянул свой паспорт. Ночной гость ознакомился с ним и хотел положить его в карман, однако Мидхат запротестовал и потребовал вернуть документ. Между ними завязался спор, который разрешила хозяйка. Она взяла паспорт Мидхата и спрятала его в свою швейную машинку. После чего ее бдительные односельчане согласились удалиться, однако они еще раза два возвращались и, стуча в окно, спрашивали хозяйку, что делают незваные гости. Узнав, что мы спим, уходили. Наутро хозяйка вернула Мидхату паспорт, смеясь сообщила нам, что ее подгулявшие односельчане вообразили, что мы с Мидхатом — шпионы, посланные американцами, чтобы отравить колхозный скот. Утром все страхи развеялись, и мы уже не казались опасными для колхоза и колхозников. Когда лет через пять мы проводили раскопки в деревне Нижнее Хозятово, местные жители смеясь рассказывали нам эту историю.

Еще один конфликт, чуть было не возник в деревне Кучумово, где за нами гнался огромный разъяренный бык, и мы едва успели укрыться в первом попавшемся доме. Когда бык ушел куда-то, и мы вышли, к Мидхату подошел местный житель и потребовал, чтобы он оставил лопату. Лопата была у нас своя и Мидхат естественно отказался ее оставить, тогда местный житель попытался лопату отнять. Он вообразил, что мы прихватили лопату хозяина дома, в который забежали, спасаясь от быка.

Я совершенно не знала башкирского языка, поэтому опрос местного населения проводил Мидхат. В этой разведке я поняла, что если собираешься заниматься археологией в национальных районах, нужно обязательно знать язык обитающего в них населения, и я начала учить башкирский язык. Моиими учителями стали ходившие со мной в разведку студенты. Через год—два я кое-что могла сказать и понять по татарски и по башкирски. Правда, круг тем для меня был очень ограничен: находки древностей, расстояния, питание, ночлег.

Говорить я отваживалась только в крайних случаях, так как знала, что у меня ужасный акцент, однако меня понимали, да и я сама могла

хотя бы в общих чертах понять разговор на бытовую или археологическую тему.

В Башкирии я ходила в разведки каждой весной, моими спутниками были студенты, специализирующиеся по археологии. Во время сессии, когда студенты сдавали экзамены, я ходила одна. Было обследовано несколько рек: Дема, Зиган, База, частично Зилим, Калмаш. Я хорошо узнала Башкирию, ее прекрасную природу, побывала в русских, башкирских, татарских, чувашских, мордовских деревнях. Всюду нас встречали радушно, оставляли на ночлег, кормили, почти всегда наотрез отказываясь брать за это плату. Всюду ощущалось доверительное, дружественное отношение. Точно также было и позднее в 70—80-х годах в Куйбышевской области, не менее многонациональной чем Башкирия.

Рождение САЭ

История Куйбышевского университета началась 1 сентября 1969 года. Строительство учебных корпусов еще только начиналось, и университет ютился в новой школе на улице Осипенко. На первый курс было принято 200 студентов, а преподавателей было менее двух десятков. Но университет уже жил! Читались лекции, проводились семинары, формировался библиотечный фонд, приобреталось оборудование.

В середине сентября в здании драмтеатра состоялось торжественное заседание, посвященное открытию университета. Именно в эти дни начинала свои исследования Средневожская археологическая экспедиция университета. Разведочный отряд под руководством Игоря Васильева проводил обследование Самарской Луки с целью проверки состояния археологических памятников, открытых еще в 20-х годах экспедицией общества археологии, истории, этнографии, естествознания под руководством известного археолога, профессора Веры Владимировны Гольмстен. Разведки нужно было провести осенью для того, чтобы определить объекты раскопок, планируемых на следующий год. Сама я выехать из Самары не могла так, как нужно было читать сразу три лекционных курса: по основам археологии, истории первобытного общества и этнографии.

Разведки были весьма успешными: Игорю удалось не только разыскать памятники, открытые в 20-х годах и обследовать их, но и открыть новые, ранее неизвестные, среди которых было очень обширное и богатое находками Кармалинское селище. На его распаханной поверхности Игорь собрал такое количество фрагментов сосудов, что заполнил ими не только взятые для этой цели полиэтиленовые пакеты, но и собственные носки и рубашку. Он приехал в город в куртке.

На первой лекции по археологии я сообщила первокурсникам, что в университете создается археологический кружок, и все интересующиеся археологией могут в нем заниматься. Я предложила первое заседание провести не в университете, а за городом, на каком-нибудь археологическом памятнике и спросила есть ли желающие стать членами этого

кружка. Мгновенно взвился лес рук: мечтающих посвятить свою жизнь археологии оказалось предостаточно. Пришлось объяснить, что археология это не только романтика путешествий и сенсационных открытий, но и будничная, а порою тяжелый и однообразный труд. Археологам чаще приходится иметь дело с черепками от разбитых горшков, чем с золотыми украшениями. Мой монолог о превратностях судьбы археолога повлиял и количество желающих специализироваться по археологии несколько убавилось, хотя оставалось довольно значительным.

Мы решили провести открытие кружка близ пещеры Братьев Греве, где год назад проводил раскопки известный московский археолог профессор О. Н. Бадер.

В ближайшую субботу после лекций все собрались у входа в университет, одетые по-походному, с рюкзаками. На трамвае мы доехали до Поляны имени М. В. Фрунзе, а затем пешком через лес пошли к пещере. Дорогу никто из нас не знал, поэтому мы слегка поплутали по лесу, но наконец добрались до Коптева оврага, что находился поблизости от пещеры. Мы решили осмотреть ее на следующий день и начали разбивать лагерь на коренном берегу Волги близ оврага. Вскоре к нам прибыло пополнение: студенты старших курсов исторического факультета пединститута: Виктор Тихонов, Владимир Игольников, Наташа Кожахина, Гена Пятых и другие. С первого курса они занимались в краеведческом кружке, руководимом Л. В. Храмовым и вместе с ним немало попутешествовали по Самарской земле. В 1969 году Ленар Васильевич был приглашен в Куйбышевский университет и кружок остался без руководителя, поэтому его члены решили примкнуть к археологам университета.

Разбив лагерь, мы отправились осматривать окрестности и совершенно неожиданно обнаружили древнее поселение — городище, которого до нас никто не знал. Мы дали ему название по ближайшему оврагу — Коптево городище. Это небольшое открытие было весьма кстати. Оно позволило мне наглядно объяснить студентам, что городищами археологи называют поселения железного века, располагающиеся на высоких мысах с крутыми неприступными склонами, защищенные, таким образом, самой природой. С напольной стороны, откуда можно свободно пройти на площадку городища, в древности сооружали ров и вал, пересекавшие мыс от оврага до оврага. Иногда валов и рвов было не по одному, а по два или по три. Рвы заполнялись водой, на валах возводился частокол из бревен. Таким же частоколом обносилась вся площадка городища. Получалась неприступная крепость. Если враги пытались взять ее

штурмом, то ее защитники осыпали их градом стрел, обливали кипятком и расплавленной смолой. Такие городища были широко распространены в лесной полосе Европы и Азии в эпоху раннего железа в I тысячелетии до н. э. и в I тысячелетии н.э. Студентам очень хотелось исследовать городище, но раскопки его мы производить не могли, так как у нас не было на это разрешения — открытого листа, выдаваемого отделом полевых исследований Института археологии Академии Наук. Я предложила студентам внимательно осмотреть склоны мыса, на котором находилось городище и его площадку, так как очень часто обломки глиняных сосудов, отдельные орудия труда и украшения вымываются водой из слоя, в котором они залегают или осыпаются вместе с землей при разрушении склонов городища. Все разбрелись по городищу. Поиски не остались безрезультатными. Вскоре Гена Пярых показал мне коричневатый черепок от глиняного горшка с треугольными вдавлениями на шейке. Вслед за ним такой же фрагмент сосуда нашла Лена Усанова, другие первокурсники также начали приносить мне черепки.

Для археологов обломки сосудов представляют особую ценность. Дело в том, что у каждой группы родственных племен существовали передаваемые из поколения в поколение традиции изготовления сосудов. Посуда формовалась не мастерами-гончарами, а в домашних условиях в каждом хозяйстве, обычно женщинами. Гончарного круга тогда еще не знали и сосуды лепили вручную. Традиционно использовались одни и те же сорта глины, к которой примешивались различные примеси, чтобы сделать сосуды более прочными. Чаще всего в качестве примесей использовали песок, дробленый камень-дресву, сухую истолченную глину — шамот или измельченную ракушку. После изготовления сосуда на него наносили орнамент и обжигали его на костре. У каждой группы племен были свои традиционные орнаменты, по ним можно определить каким племенам принадлежал тот или иной сосуд.

Найденные на Коптевом городище черепки принадлежали круглодонным сосудам с довольно высокой шейкой, украшенной орнаментом из двух рядов треугольных вдавлений. В глине, из которой сосуды были изготовлены, встречалась примесь белой известняковой крошки. Обломки таких же сосудов были собраны в 20-х годах экспедицией общества археологии, истории, этнографии и естествознания под руководством В. В. Гольмстен на городище Белая Гора у села Подгоры. По этому городищу подобная посуда получила название белогорской. В. В. Гольмстен обратила внимание на то, что эти сосуды похожи на посуду, находимую на поселениях, так называемой пьяноборской культу-

ры, которая была распространена в Среднем Прикамье в конце I тысячелетия до н. э. — начале I тысячелетия н. э.

Сегодня, когда со времени открытия Коптева городища прошло уже почти 29 лет и 75 лет с момента выделения В. В. Гольмстен белогорского типа, наши представления о племенах, ее изготовлявших мало изменились, так как раскопки их поселений почти не проводились. Единственно, что удалось определить с большой долей вероятности, это то, что белогорские племена родственны населению ананьинской культуры, обитавшему на р. Каме и на прилегающем к ее устью участке р. Волги в I тысячелетии до н. э. Язык этих племен относился к финно-угорской языковой семье и был близок к языку современных народов Поволжья и Приуралья: мордвы, марийцев, удмуртов, коми-пермяков. Не позднее конца VI века племена ананьинской культуры покинули Среднее Поволжье и вероятно ушли на Каму, где обитали их сородичи.

Первое открытие открыло начинающих исследователей, убедило их в том, что следы далеких предков можно отыскать не только в Египте или, скажем, в Северном Причерноморье, но и в их родном Самарском крае. В поисках находок прошел остаток дня, а после ужина, когда стемнело, все собрались у костра. Сначала студенты расспрашивали меня о только что открытом городище. Затем Виктор Тихонов рассказал о раскопках палеолитической стоянки Сунгирь близ г. Владимира, откуда он только что вернулся. Слушатели перенеслись в более отдаленную эпоху — палеолит, когда человечество делало свои первые шаги. Далее заговорили о планах. Решили в следующее воскресенье поехать за Волгу в Подгоры, где еще в 20-х годах было открыто несколько городищ и неукрепленных поселений — селищ. Заседание кружка было решено проводить каждую пятницу, поэтому распределили темы сообщений. Их должны были подготовить Вера Скарбовенко, Коля Нефедов, Лена Усанова, Лида Иванова. Старостой кружка единогласно выбрали студента пятого курса пединститута Виктора Тихонова.

Было уже за полночь, когда Володя Игольников взялся за гитару. Репертуар его был очень богат. Он знал множество песен Булата Окуджавы и Юрия Визбора, с особым чувством исполнял свои белогвардейские песни на слова однокурсника Владимира Евсеичева. Концерт продолжался всю ночь. Кое-кто удосужился просидеть у костра до рассвета.

Утром дежурные накормили нас завтраком и мы быстро спустились вниз к пещере Братьев Греев. Между Коптевым и Студеным оврагом находится Нижний грот, невысокий, 30 метров длиной. В нем часто

останавливались на ночлег рыбаки, альпинисты, спелеологи. Тонкой каменной стенкой грот делится на ближнюю и дальнюю части. В стенке имелся узкий проход и два "окна" по бокам. Над Нижним гротом расположен Верхний грот. Арка входа находится на высоте 23 метра над Волгой. Подъем к нему довольно опасен. Между Верхним и Нижним гротами находится Средний грот — высокая расщелина в скале. Своды его сильно закопчены, а стены испещрены надписями.

Впервые три входа в пещеру были описаны академиком П. С. Палласом в 1773 году. Вторично пещера была открыта в начале нашего столетия двумя самарскими гимназистами — братьями Греве, чье имя впоследствии она и получила. В литературе она впервые упоминается под этим названием профессором Самарского университета П. А. Преображенским в 1926 году.

Первое посещение пещеры археологами относится к 1924 году, когда слушатель высших этнолого-археологических курсов М. Г. Маткин заложил в передней части среднего грота, у входа шурф размером 0,8х1,5 м и обнаружил в нем шесть кострищ, расположенных одно над другим. В шурфе были найдены фрагменты гончарных болгарских сосудов и костяное изделие из челюсти животного. В 1925 году пещера была вновь обследована слушателями высших этнолого-археологических курсов, которые нашли в пещере грубое каменное орудие, ножевидную пластину и несколько бронзовых предметов.

В начале 30-х годов во время работы в Среднем Поволжье археологической экспедиции ГАИМК¹ под руководством П. П. Ефименко с целью поисков палеолита был заложен пробный шурф, в котором были обнаружены предметы абашевской культуры эпохи бронзы.

Первый план пещеры был составлен в 1964 году членами туристического кружка Куйбышевского городского дворца пионеров под руководством Ю. А. Кулакова. Позднее план был уточнен членами Куйбышевской спелеосекции "Жигули". В 1971 году спелеологи этой секции обнаружили в 18 м выше Верхнего грота еще один вход в пещеру, названный ими "Седьмое небо".

В сентябре-октябре 1968 года Северной палеолитической экспедицией под руководством О. Н. Бадера в пещере был заложен раскоп площадью 64 квадратных метра. В верхнем слое было найдено височное кольцо из круглой в сечении медной проволоки с заостренными концами. Это было женское украшение бронзового века.

1 Государственной академии материальной культуры

Мы внимательно осмотрели Средний грот и, выйдя из него, долго любовались Волгой. Затем подняли свои рюкзаки, спустились вниз к воде и отправились по берегу в сторону Поляны имени М. В. Фрунзе. Так закончился наш первый выезд на археологический памятник, так началась история археологического кружка и археологической экспедиции Куйбышевского (Самарского) университета.

Не менее познавательной и интересной была наша следующая поездка в Подгоры. Приехав на теплоходике “Москва”, мы быстро дошли от пристани до горы Манчиха и разбили лагерь у ее подножья. После ужина все собрались у костра петь песни под гитару. Все так увлеклись пением, что не заметили, как в одну из палаток проникли какие-то юные искатели приключений и, прихватив меховую куртку Виктора Тихонова, удалились в неизвестном направлении.

На утро мы пошли осматривать окрестности с.Подгоры. Поднялись на гору Манчиха, затем на Белую гору. Обе горы в древности использовались местными племенами в качестве городищ. Сохранились валы и рвы. На склонах обоих городищ студенты собрали фрагменты сосудов белогорского типа, совсем такие же как на Коптевом городище. Это сходство заметили даже начинающие исследователи.

Спустившись с Белой горы, мы осмотрели пашню, находящуюся между горой и Каменным озером. На ней повсюду встречались фрагменты грубых бугристых горшков, в глине которых содержалась примесь крупно истолченной сухой глины — шамота. Студентам эта посуда показалась более древней чем белогорская из-за грубости и небрежности изготовления и из-за отсутствия орнамента. Пришлось возразить им, поскольку грубые горшки безусловно относились к более позднему времени чем белогорские; по облику они были очень близки к посуде именковской культуры Нижнего Прикамья и Среднего Поволжья, датируемой серединой I тысячелетия н. э. Чуть ближе к Подгорам напротив горы Печеры, а также на Мордовой Поляне близ горы Манчихи мы нашли обломки сосудов, изготовленных на гончарном круге, принадлежавших волжским болгарам.

Незаметно пролетел день и нужно было уезжать в Куйбышев, однако сесть на “Москву” удалось далеко не всем. К счастью, за оставшимися пассажирами прислали какой-то дополнительный теплоходик и они смогли возвратиться в город, хотя и очень поздно...

В сентябре мы получили комнату под кабинет археологии. В нем появились тома “Материалов и исследований по археологии”, переданные университету одной из московских библиотек. В кабинете храни-

лись и коллекции, собранные во время разведочных обследований Самарской Луки. Студенты готовили доклады и сообщения. В декабре кружковцы: Коля Нефедов, Лида Игнатова и Лида Иванова уже приняли участие в студенческой археологической конференции, посвященной 25-летию археологического кружка Казанского университета, а в январе Вера Скарбовенко и Лена Усанова отправились на II Урало-Поволжскую археологическую студенческую конференцию в г. Петропавловск Казанский.

Всю зиму шла подготовка к предстоящей экспедиции: закупались палатки, спальные мешки, лопаты, компасы, рулетки и многое другое, необходимое для любой археологической экспедиции.

Прежде чем начать полевые исследования в Самарской области нам предстояло изучить все, что было сделано здесь предшествующими поколениями археологов. Началась кропотливая работа в архивах и библиотеках Куйбышева, Москвы, Ленинграда. Выяснилось, что до начала 20-х годов нашего столетия Самарская губерния была почти белым пятном на археологической карте России. В этом отношении соседним губерниям: Казанской и Саратовской повезло гораздо более.

В Казани в 1804 году открылся университет и уже в 1812 году им была снаряжена экспедиция для изучения болгарского города Биляра. В середине XIX века профессор университета Н. Ф. Толмачев неоднократно посещал Болгары и Билярск, а также выявил ряд древних городищ и неукрепленных поселений у с. Именьково. В 1878 году при Казанском университете возникло общество археологии, истории и этнографии, сыгравшее огромную роль в активизации археологического изучения края, в него входили известные русские ученые: А. Ф. Лихачев, Н. Ф. Высоцкий, А. А. Штуkenберг и выдающиеся представители татарской научной и общественной мысли К. Насыри и Ш. Марджани.

Археологические исследования проводились и в Саратовской области. Члены Саратовской архивной комиссии Б. В. Зайковский, А. А. Кротков, М. А. Радищев, В. Ф. Орехов и другие вели поиски и разведочные раскопки памятников Нижнего Поволжья. Им удалось открыть и обследовать десятки городищ, селищ и курганных могильников в Саратовской губернии.

В Самаре не было университета, не было людей, хотя бы в незначительной степени знакомых с археологией, поэтому археологические работы в губернии не проводились. Лишь в XVIII веке два участника академических экспедиций: И. И. Лепехин и П. С. Паллас описали некоторые

наиболее значительные памятники Самарской Луки: Муромский Городок, а также городища у сел Костычи и Печерское.

В 1887—1888 годах Самарскую губернию посетил археолог-любитель Ф. Д. Нефедов. Он произвел раскопки курганов, о которых имеются лишь скудные отрывочные сведения. Ни дневников раскопок, ни добытых во время них материалов не сохранилось.

Большое внимание памятникам археологии уделял П. В. Алабин — человек, хорошо известный всем самарцам. Уже в год приезда в Самару он опубликовал в “Самарских губернских ведомостях” большую статью, посвященную древностям губернии.

Первые крупные исследования в Самарской губернии произвел В. Н. Поливанов. В 1891—1893 и в 1900 годах он раскопал 445 погребений в мордовском могильнике XIII—XIV века у села Муранка. Раскопки проводились поспешно и недостаточно тщательно. Раскопанные погребения не зарисовывались и не описывались. В тех случаях, когда встречались особо глубокие могилы, рабочие прекращали их раскопки, не доходя до самого погребения. Подобные раскопки приносили больше вреда чем пользы для науки. В. Н. Поливанов по найденным монетам правильно датировал могильник XIV веком и предположил, что он принадлежал финно-угорским племенам, возможно буртасам.

В 90-х годах прошлого столетия во время строительства дачи купца Соколова на Барбашиной Поляне (ныне Поляна имени М.В.Фрунзе) был разрушен другой мордовский могильник XIII—XIV веков. Часть материалов из разрушенных погребений была собрана краеведами Головкиным, Яковлевым и Ефимовым и передана в Самарский музей.

Этими работами исчерпываются археологические исследования в Самарской губернии, проводившиеся до начала 20-х годов.

В 1919 году в Самаре был открыт университет. Среди многих выдающихся ученых, работавших в нем, была Вера Владимировна Гольмстен. В тяжелые 20-е годы ей удалось так организовать археологические работы, что за 10 лет Самарская губерния, бывшая белым пятном на археологической карте России, стала одной из самых полно исследованных.

Вера Владимировна Гольмстен родилась в 1880 году в Петербурге в семье врача. Ее предки, по линии отца, — выходцы из Швеции, приехали в Россию в начале XVIII века и вскоре совершенно обрусели. В 1910 году, окончив Московский археологический институт, В. В. Гольмстен защитила диссертацию на тему “Дренерусское племя радимичей”. В студенческие годы и позднее, будучи научным сотрудником Исторического

музея и членом Московского археологического общества, она изучала средневековые славянские памятники в Псковской губернии и первобытные памятники в окрестностях города Уфы, а также на севере территории современной Челябинской области. Она проводила раскопки курганов близ с. Александровка Белебеевского уезда, Уфимского могильника и Чертова городища в г. Уфе на р. Белой, Бахмутинского могильника на р. Уфе, Охлебининского городища на р. Сим в Башкирии.

В 1919 году Вера Владимировну пригласили в Самару на должность профессора открываемого университета. Она возглавила археологические исследования в Самарском крае. При университете было основано Общество археологии, истории, этнографии и естествознания, в которое вошло существовавшее с 1916 года Самарское археологическое общество. Вера Владимировна была одним из самых энергичных и активных деятелей общества. В течение 10 лет она была его ученым секретарем, участвовала в издании бюллетеней, по ее инициативе при университете были открыты Высшие этнолого-археологические курсы для подготовки кадров, способных серьезно заниматься изучением родного края. Вера Владимировна читала на этих курсах лекции по археологии и музееведению, руководила созданным ею археологическим музеем. С 1921 по 1930 год Общество археологии, истории, этнографии и естествознания снаряжало экспедиции, возглавляемые В. В. Гольмстен. Основной контингент этих экспедиций составляли слушатели высших археологических курсов. Молодые, увлеченные наукой о далеком прошлом, люди стали первыми помощниками Веры Владимировны в ее многолетних изысканиях. Многие из выпускников этих курсов окончили впоследствии Московский университет и стали известными учеными. Среди них крупнейший исследователь скифских курганов Алексей Иванович Тереножкин, известный знаток бронзового века Южного Урала К. В. Сальников, неутомимый разведчик пустынь А. А. Марушенко и скромный научный сотрудник Самарского музея М. Г. Маткин, открывший палеолитическую стоянку в Постниковом Овраге (Овраг Подпольщиков) в Самаре. Один из учеников В. В. Гольмстен В. И. Марков, также впоследствии окончивший Московский университет, более четырех десятилетий преподавал в Куйбышевском пединституте и многие выпускники истфака слушали его лекции по истории древнего мира, правда археология не стала делом его жизни, поскольку его увлекла египтология.

Будучи ученицей крупнейшего русского археолога В. А. Городцова, В. В. Гольмстен исключительно тщательно вела полевые исследования. Одной из первых среди археологов 20-х годов она разработала

методику полевых археологических разведок. Руководимыми ею экспедициями проведено сплошное обследование Самарской губернии и открыто свыше 1200 памятников разных эпох от позднего палеолита до средневековья.

В начале 20-х годов проведение разведок было делом нелегким. Средств, выделяемых обществом археологии, истории, этнографии, естествознания не хватало. Нередко участники экспедиций собирали деньги на покупку лошади, починку телеги, а то и просто на пропитание. В 1921 году в Поволжье свирепствовал голод и сыпной тиф, тяжелыми были и последующие годы. Участникам экспедиций приходилось ночевать под открытым небом, так как в губернии процветал бандитизм, поэтому крестьяне опасались пускать на ночлег чужаков. Невозможно было проводить опрос местного населения из-за его недоверчивости.

Несмотря на все эти трудности, поисковые работы не прекращались. Гораздо труднее было организовать раскопки, так как на них требовалось больше средств. Однако и раскопки удалось осуществить. В 1925 году были произведены исследования позднепалеолитической стоянки в Овраге Подпольщиков. В 1929—1930 годах были осуществлены раскопки Муромского городка — болгарского города X—XIII вв. — на Самарской Луке. Почти полностью был раскопан курганный могильник у совхоза Березняки (ныне Кинель-Черкасский район). Основная масса погребений этого могильника принадлежала сарматским племенам II—IV вв., одно погребение относилось к ямной культуре эпохи ранней бронзы. Проводились раскопки курганов срубной культуры эпохи бронзы у хутора Истомина, у с. Домашка и в других местах. Наконец, были исследованы раннесредневековые курганы в окрестностях с. Новинки.

Результаты всех этих исследований были обобщены В. В. Гольмстен в двух статьях 1925 и 1929 годов, где ею было создана совершенно новая схема последовательности основных культурных общностей Среднего Поволжья.

В конце 20-х годов над краеведческими обществами в стране начали гнаться тучи. Многие члены общества были репрессированы. В. В. Гольмстен, видимо, предвидя это, в 1929 году уехала из Самары в Ленинград. До конца жизни она работала в Государственной академии истории материальной культуры (впоследствии Институт истории материальной культуры) и в Государственном Эрмитаже, где заведовала отделом первобытной культуры. В. В. Гольмстен проводила полевые исследования в 1932 году на Нижнем Дону и в 1934 году на Манычском канале. Во время Великой Отечественной войны она отказалась эвакуи-

роваться и продолжала работать в Эрмитаже. 8 марта 1942 года она умерла от голода в осажденном Ленинграде.

После отъезда В. В. Гольмстен археологические исследования в Самарском крае надолго прерываются. Лишь в 1935 году сосланный в Самару известный ленинградский археолог В. А. Латынин произвел раскопки мордовского могильника XIII—XIV вв. на Поляне имени М. В. Фрунзе в Самаре. Отчеты о раскопках этого памятника хранятся в Государственном Эрмитаже в Ленинграде. Нам удалось познакомиться с ними.

В конце 30-х годов разведочные работы проводились сотрудниками Московского института истории материальной культуры в зоне строительства Куйбышевской гидроэлектростанции. В 1938 году были обследованы участок Волги, река Уса, частично Сок и Кондурча. Около Барбашина оврага на Поляне имени М. В. Фрунзе археологом А. В. Збруевой были найдены орудия раннего древнекаменного века — палеолита (эпоха мустье). Около Подгор была открыта стоянка эпохи мезолита (среднего каменного века).

Особый интерес представляет находка на Царевом кургане около поселка Курумоч изделий бронзового века: ножей, серпов, тесел, мотыг, браслетов, кремневых наконечников стрел, а также фрагментов сосудов разных культур и эпох.

Работы экспедиции были прерваны Великой Отечественной войной. Они возобновились лишь в начале 50-х годов. В 1951 году отряд Куйбышевской археологической экспедиции под руководством М. З. Паничкиной обнаружил на песчаной косе Тунгуз в Ставропольском районе кости мамонта, шерстистого носорога, быка, зубра, лося, гигантского и северного оленя, а также орудия эпохи раннего палеолита: остроконечники и пуклеусы¹ и отщепы из кремня, кремнистого известняка и кремнистого песчаника.

Другой отряд под руководством Н. Я. Мерперта исследовал несколько курганных групп эпохи бронзы у сел Хрящевка и Ягодное, а также поселение на реке Сускан. Ряд поселений бронзового и раннего железного веков и эпохи средневековья был исследован археологами Н. В. Трубниковой и А. Е. Алиховой. Последней также были проведены раскопки Муранского могильника. К сожалению, все исследования археологической экспедиции были сосредоточены только в зоне затопления Куйбышевской ГЭС, на северо-западе нашей области в Ставропольском и Широнском районах.

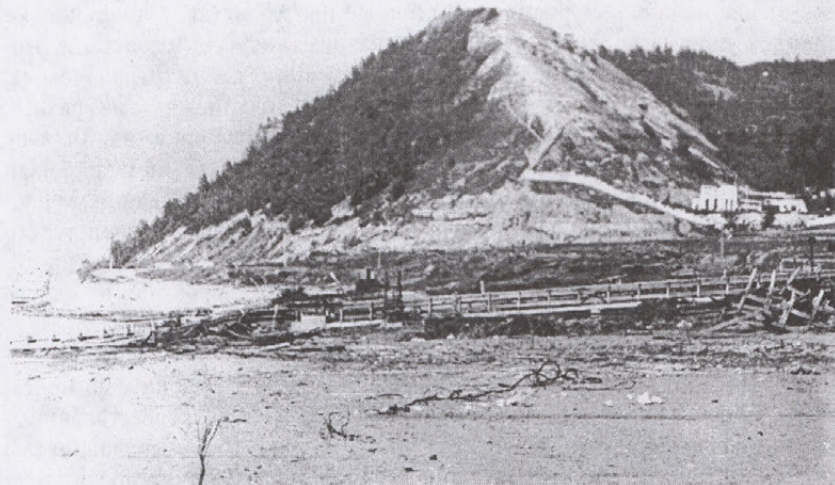
¹ нуклеус — кусок кремня, с которого скалывались отщепы

После завершения работ Куйбышевской археологической экспедиции исследования в Самарском крае вновь надолго прекращаются вплоть до конца 60-х годов. Средневожской экспедиции Куйбышевского университета предстояло продолжить их.

К концу июня все экспедиционное оборудование было закуплено. Новенькие большие и малые палатки, спальные мешки, компасы, рулетки, нивелиры, теодолиты, рулоны миллиметровой бумаги, планшеты, карандаши, котлы и ведра для приготовления пищи, складные столики и стулья и конечно же лопаты — все то, без чего невозможна ни одна археологическая экспедиция.

Наконец, закончились хлопоты по закупке продуктов и добыванию транспорта, студенты сдали последние экзамены. На первое июля был намечен выезд на Самарскую Луку.

Наступил долгожданный день отъезда. Сколько бы лет археолог не выезжал в экспедицию, каждый отъезд для него — волнующее и радостное событие. Волнует все: погрузочные хлопоты, беспокойство о том, чтобы что-то не забыть в суете, предвкушение общения с природой и жажда новых, пусть небольших, открытий.

Лысая гора близ г. Жигулевск в эпоху раннего железного века являлась укрепленным населенным пунктом

В кузов вместительного КАМАЗа был погружен весь экспедиционный скарб. Студенты уселись в старую крытую брезентом машину и с песнями двинулись в путь. Уже через два часа мы были на Самарской Луке у пристани “Жигулевск”. Прямо над пристанью высилась Лысая гора — огромный горб с крутыми склонами, поросшими лесом. Легенда гласит о том, что на Лысой горе побывал во время своего Иранского похода в 1722 году Петр I и приказал выложить из камней свое имя на склоне ее.

46 лет назад гору обследовала экспедиция высших этнолого-археологических курсов под руководством В. В. Гольмстен. В шурфах, заложенных на вершине горы, были найдены обломки круглодонных сосудов с примесью раковины и дробленого известняка, украшенные треугольными вдавлениями по венчику. Они очень напоминали посуду, найденную на Коптевом городище. Обломки подобных сосудов впервые были найдены В. В. Гольмстен на Белой горе у с. Подгоры. Поэтому этот тип посуды был назван ею белогорским. Внимательное изучение черепков и сравнение с керамикой других культур, позволило В. В. Гольмстен сделать вывод, что они относятся к раннему железному веку, к I тысячелетию до н. э. и принадлежат финно-угорскому населению близкому по происхождению к племенам ананьинской культуры, жившим в Прикамье. Самарская Лука была южной окраиной финно-угорского мира. К югу от нее начинались равнинные степные пространства, а ананьинские племена привыкли жить в лесах. Они занимались скотоводством, мотыжным земледелием, очень важную роль в их жизни играла охота, особенно на пушного зверя. Ананьинцы обменивали меха на разные изделия других племен, иногда живущих далеко от Прикамья. Хотя не было в те времена авиакомпаний, попадали на берега Камы и Волги вещи, изготовленные за морями, за тридевять земель. На селище Конецгор в Пермской области, например, была найдена фигурка египетского бога Амона, изготовленная из бирюзового непрозрачного стекла, египетского производства. Долгий путь прошла эта вещица, переходя от одного хозяина к другому.

Честь открытия ананьинской культуры принадлежит человеку хорошо известному самарцам — Петру Владимировичу Алабину. До приезда в Самару, живя в г. Вятке, он обследовал земли Вятской губернии и открыл могильник близ села Ананьино. Раскопки этого могильника и позволили выделить яркую, своеобразную культуру финно-угорских племен. Если в Прикамье эта культура к концу 60-х годов была хорошо изучена, то на Самарской Луке она почти не исследовалась. Именно

поэтому Лысая гора и была выбрана первым объектом исследований САЭ. Нам предстояло узнать как можно больше о белогорских племенах: о характере их жилищ, о хозяйстве, религиозных представлениях, их происхождении и дальнейших исторических судьбах.

Лагерь мы начали разбивать у подножья Лысой горы на прибрежном песке, потому что другого места не нашлось: прямо под горой раскинулся довольно большой деревообрабатывающий комбинат, а дальше начинался город Жигулевск. Не успели мы поставить палатки, как на берегу появился энергичный молодой человек, назвавшийся главным

План городища Белая Гора и находки с городищ белогорского типа

инженером. Он заявил, что деревообрабатывающий комбинат — важный объект и, если мы поставим палатки, он пришлет бульдозер и снесет лагерь. Я спокойно сказала ему, что он может немедленно приступить к сносу лагеря, так как человек он еще молодой и за жизнь успеет расплатиться за причиненный экспедиции ущерб. Главный инженер долго еще бушевал, однако, наконец выведенный из себя нашим безразличием и невниманием к нему, удалился к себе на комбинат и больше не появлялся. Не появился и обещанный им бульдозер.

Лагерь был довольно быстро разбит. Пообедав, мы поднялись на Лысую гору. Склоны ее были настолько круты и неприступны, что первое восхождение далось нелегко. Девочки, с непривычки пронзительно визжали, становились на четвереньки, цеплялись за кусты, штурмуя почти отвесный склон. Поднявшись на вершину, все остановились зачарованные окружающим нас великолепием. Под горой в лучах заходящего солнца синела величественная и могучая Волга. За ней белели строения поселка Шлюзового, а далее несколько хватает глаз простирались горы, покрытые лесом. Здесь на вершине, как никогда, мы оценили выбор далеких предков: лучше места для крепости найти было невозможно. Сверху с вершины горы можно было заметить приближение врага и сообщить об этом обитателям соседних поселений.

Даже если врагам удалось бы приблизиться к городищу, взять его штурмом было невозможно, потому что пришлось бы подниматься по почти отвесным склонам под градом стрел, выпускаемых из луков защитников крепости.

Площадка на вершине городища была совершенно свободной от леса. С напольной стороны она была защищена тремя валами и тремя рвами. В древности валы были значительно выше чем в наши дни, а рвы глубже, к тому же они видимо были заполнены водой. Как обычно, площадку окружал высокий забор-частокол из дубовых бревен.

На городище можно было жить постоянно и видимо лишь одно обстоятельство омрачало жизнь его обитателей — необходимость каждый день спускаться за водой, хотя возможно они собирали дождевую воду для питья. Не исключено, что рядом с городищем находилось селище, которое, к сожалению, открыть так и не удалось.

В тот же вечер мы разбили на вершине горы раскоп. Как обычно стороны раскопа были ориентированы по странам света. Раскоп делится на равные квадраты размером 2×2 м. Производится нивелировка его поверхности. Затем он вычерчивается в уменьшенном масштабе на

миллиметровке. Только после этого начинается снятие культурного слоя городища по квадратам условными горизонтами в 20 см.

Все находки отмечаются на плане, зарисовываются и описываются в дневнике. Описывается также цвет, структура, плотность культурного слоя. На плане фиксируются все находимые постройки, ямы, очаги и другие детали. После снятия культурного слоя снимаются профили раскопа, то есть зарисовываются все слои, которые хорошо видны на его стенках и на специально оставленных полосках — бровках шириной в 20—40 см, пересекающих раскоп вдоль и поперек.

Слой на городище был довольно тонким, он составлял 30—50 см. В нем встречались уже знакомые нам обломки сосудов белогорского типа, относящиеся к VII—VI вв. до н. э., но кроме них находились фрагменты толстостенных грубых горшков, весьма похожих на посуду исследованной на территории Татарии именьковской культуры V—VII вв. Найден был небольшой железный нож с заостренным к концу черешком.

Стало ясно, что люди заселяли городище по меньшей мере дважды. В первый раз в VII—VI веках до н. э., это были племена белогорского варианта ананьинской культуры. Затем какие-то события заставили их уйти с городища, как, впрочем, и из всего Среднего Поволжья. Казанский археолог А. Х. Халиков высказал гипотезу о том, что причиной ухода было сильное землетрясение, происшедшее на рубеже VI и V вв. до н. э. Однако более приемлемой представляется гипотеза другого казанского же исследователя В. А. Маркова, по мнению которого, уход ананьинских племен был вызван усилением и активизацией кочевых племен — савроматов, живших в степных просторах к югу от Самарской Луки и постоянно предпринимавших походы на оседлое население более северных районов. Чтобы избавиться себя от постоянно грозившей опасности набега кочевников, ананьинские племена ушли со Средней Волги и обосновались на Каме, населенной родственными им племенами. Подтверждением постоянной опасности кочевнических набегов является находка бронзового трехгранного савроматского наконечника стрелы на белогорском городище Задельная гора у с. Жигули, исследованным нашей экспедицией в 1974 году.

После ухода белогорских племен городище довольно долго пустовало, пока, наконец, на него не пришли в середине I тысячелетия н. э. племена, изготавливавшие грубую посуду, содержащую примесь крупного шамота — сухой истолченной глины. Впоследствии такую посуду мы нашли на многих памятниках Самарской Луки и отнесли ее к именьковской культуре.

Постепенно студенты привыкли к ежедневным подъемам и спускам, совершаемым ими по два раза в день: утром и после обеденного перерыва. Никто уже не визжал и не становился на четвереньки, правда некоторые девочки пытались съезжать с горы, сидя в тех местах, где росла невысокая трава и не было выходов камня.

Стояла жаркая июльская погода и на вершине горы можно было работать только утром и вечером, поэтому вставали в 6 часов и выходили на раскоп через час, и оставались там до 11 часов. Остальные три часа дорабатывали вечером. После обеда спали, а затем купались в Волге. По вечерам как обычно пылал костер, студенты беседовали, пели и даже танцевали. Время пролетело очень быстро. Раскоп был закончен и мы переехали в село Шелехметь, чтобы исследовать находящиеся в его окрестностях памятники.

Так начала свою деятельность Средневолжская археологическая экспедиция Куйбышевского университета.

У истоков школьной археологии

Весной 1970 года я обратилась в Куйбышевский дворец пионеров с предложением организовать кружок юных археологов. Особого энтузиазма оно не вызвало: мне сказали, что вакантных единиц нет, но если я согласна вести кружок на общественных началах, то дирекция дворца ничего против этого не имеет. Нужно было идти в школы, чтобы выявить там ребят, интересующихся древнейшим прошлым родного края. Оказалось, что весной создавать новый кружок довольно сложно, гораздо более подходящее время основания новых кружков — осень. В сентябре 1970 года Игорь Васильев и студенты, окончившие первый курс, отправились по школам приглашать желающих записаться в археологический кружок. На первых порах пришло довольно немного ребят: Галя Пугачева, Рита Седова, Валя Лазарев, Вася Веников, братья Клыгины и самая маленькая — пятиклассница Надя Овчинникова. Для того, чтобы привлечь больше ребят в кружок, мы решили провести во дворце пионеров вечер. Началась его подготовка. Мы все превратились в режиссеров. Нина Габелко готовила танец первобытных охотников, мы с Ириной Тихомоловой написали маленький сценарий о незадачливом юном археологе Феде, которого неплохо сыграл Валя Лазарев. С Сергеем Агаповым мы ходили за Волгу, чтобы добыть материал для изготовления луков. Впрочем подготовка шла полным ходом. В начале марта вечер состоялся. Ребят собралось довольно много. После концерта начались аттракционы и соревнования в стрельбе из лука, в добывании огня трением, перетягивании каната и т. д. Затем пели песни у искусственного костра.

После вечера численность членов кружка заметно выросла. Мы вели занятия кружка по очереди с Игорем Васильевым, стараясь рассказать ребятам о самых интересных открытиях археологов. К весне желающих поехать в экспедицию было уже не менее полсотни. Кроме ребят, посещающих занятия археологического кружка, были так называемые «члены-корреспонденты»: школьник из поселка Красные Пески Похвис-

тневского района Саша Пасечников написал нам, что нашел в местности, называемой Осиновые Ямы, какие-то черепки глиняных горшков с рисунками. Когда мы выехали на место находки, то обнаружили большое поселение срубной культуры бронзового века. Писали нам и другие ребята из разных районов области.

Первый выезд кружковцев состоялся в мае 1970 года. Школьников было не менее 60 человек. На электричке мы доехали до разъезда Георгиевка и заночевали в школе. Ребята долго не могли уговориться. Кое-как утихомирив их, я и студенты вышли из школы и в стороне от нее, у леса, где благоухала цветущая черемуха, развели костер. Была теплая майская ночь. Соловьи состязались в своем мастерстве. Идти в душные школьные классы не хотелось, и мы, взяв спальники, решили ночевать под открытым небом.

Проснувшись я оттого, что кто-то совсем рядом со мной ударял топором по земле. Я открыла глаза и увидела как в предрассветном полумраке школьник, имя которого я уже не помню, рубит топором землю. На мой изумленный вопрос, что он делает, школьник ответил, что роет яму, чтобы вкопать в землю большую ветку черемухи для того, "чтобы проснувшиеся студенты, подумали, что спали в саду". Какая только фантазия не может посетить детскую головку? Самое странное в том, что мальчик рубил землю топором в то время, когда рядом находилось не менее десятка лопат. Я была довольна, что школьником руководило не кровожадное желание обезглавить студентов, а весьма возвышенная идея создания цветущего сада вокруг спящих.

Утром, позавтракав, мы отправились на курганы. Выбрав один из них, мы быстро разметили бровки и начали копать. Ребята распределились по секторам кургана. Людей было много и работали посменно. Каждая смена интенсивно работала 20 минут, а затем сменялась другой. Это позволило ребятам работать быстрее и четче.

Курган был сравнительно небольшим, поэтому насыпь довольно быстро была снята и в центре кургана на фоне материковой глины обнажилось темное пятно могильной ямы. Нужно было отложить лопаты и копать ножами. От желающих расчищать погребение буквально не было отбоя. Ребята сгорали от нетерпения узнать, что за погребение находится в кургане. Еще несколько часов работы и могила была расчищена. Но каково же было разочарование школьников, когда в ней было обнаружено лишь несколько разрозненных человеческих косточек! Курган оказался разграбленным в древности. Недаром еще на уровне материковой глины прослеживались следы грабительского вкопа.

Случаи ограбления курганов нередки. Сокровища, иногда зарываемые в могилы вместе с их владельцами, не давали покоя авантюристам всех веков. Ни страх перед мезьтвю потревоженных покойников, ни кара свыше не могли остановить их. Жажда обогащения брала верх, влекла их к древним курганам. Иногда погребения грабили вскоре после того, как их совершали, возможно кое-кто из грабителей присутствовал при похоронах и безошибочно находил вещи, сопровождающие погребенных. Грабили и в более поздние времена, вплоть до нашего века. Известно, что издание Петром I указа 13 февраля 1718 года, предписывающего собирать древние вещи для кунсткамеры и обещающего за это вознаграждение, вызвало настоящую охоту за древностями. В XVIII—XIX веках в Сибири некоторые крестьяне промышляли раскопками курганов и звались за это бугровщиками. Каждой осенью, закончив полевые работы, они на подводах отправлялись раскапывать курганы или бугры, как они их называли. Некоторые из них имели большой опыт и легко находили могилы и извлекали из них все, что привлекало их внимание. Разграбленные погребения, достаемые археологам, — результат упорного труда грабителей.

Первая неудача не отпугнула большинство юных археологов и они до конца мая продолжали посещать занятия кружка. Некоторые из них приняли участие в работах экспедиции уже в том же 1971 году. Одни из них работали на Муромском городке, другие участвовали в раскопках Лузановского могильника. С тех пор школьники ежегодно выезжают в экспедиции.

Где только не побывали юных археологи. Один из самых массовых выездов школьников состоялся в июне 1975 года. К этому времени в городе был уже не один кружок и Игорь Борисович Васильев решил устроить грандиозный слет юных археологов в Богатовском районе близ села Съезжее, где в предшествующие годы проводились раскопки энеолитического могильника.

Приехав на место, мы поставили лагерь на берегу р. Самары. И началась обычная экспедиционная жизнь. Прежде всего мы разбили раскоп поблизости от прошлогоднего, где было найдено около десятка погребений эпохи энеолита — меднокаменного века. Однако новых захоронений этой эпохи нам найти не удалось. Зато мы обнаружили несколько детских погребений срубной культуры эпохи бронзы. Они были бескурганными, что было совершенно необычно, так как у племен срубной культуры было принято насыпать над могилами умерших сородичей курганы. Погребения без курганов встречаются довольно редко.

Самым интересным событием этого года стали раскопки кургана близ с. Андреевка. На него были посланы самые заслуженные кружковцы: Юра Колев, Паша Кузнецов, Надя Овчинникова и другие.

На окраине села находилась большая курганная группа. Мы выбрали один курган и начали копать его вручную. Под насыпью к югу от центра кургана было обнаружено пятно могильной ямы прямоугольной формы. Длина ее была 2, а ширина более 1 м. Могила была окружена кольцевой канавкой овальной формы. В заполнении могилы найдены лежавшие в беспорядке отдельные кости крупного человеческого скелета, окрашенные красной краской — охрой. Вновь погребение оказалось ограбленным. Несмотря на то, что ни одной вещи в могиле не найдено, по наличию кольцевой канавки и по окрашенности костей можно было определить, что погребение относилось к ямной культуре эпохи бронзы III тысячелетия до н. э.

Ближе к центру было обнаружено второе пятно могильной ямы, вытянутой строго с запада на восток, ребята начали ее расчищать, но так как уже вечерело, мы решили отложить расчистку могилы до следующего дня. Курган находился на окраине деревни, и полураскопанная могила могла привлечь внимание кого-нибудь из местных жителей, поэтому мы не отважились оставить ее без присмотра. Шесть самых старших школьников остались ночевать рядом с недокопанным курганом. Все остальные уехали в лагерь. Ужин для добровольных охранников отправили на машине. В лагере, сидя у костра, ребята расспрашивали меня, каким будет это погребение, и что в нем будет найдено. Я сказала им, что, судя по тому, что могила ориентирована с запада на восток, погребение скорее всего принадлежит представителю племен савроматов, которые жили в степных просторах к востоку от Дона в VI—IV веках до н. э.

Они занимались скотоводством и вели кочевой образ жизни, постоянно перегоняя стада с пастбища на пастбище. У них не было постоянных поселений, поэтому с культурой савроматов археологи знакомятся по материалам погребений. Савроматы были весьма воинственны и часто предпринимали походы на своих соседей. По свидетельству греческого историка Геродота, они участвовали вместе со скифами, будинами и гелонами в войне против персидского царя Дария. В походах принимали участие не только мужчины, но и женщины, которые с детства учились верховой езде, владению оружием, упражнялись в военном деле и охоте. Девушки имели право выходить замуж лишь после того, как убьют нескольких врагов. Замужняя женщина переставала ездить верхом, пока не появится необходимость поголовно выступить в поход. Следовательно за-

мужние женщины наравне с мужьями составляли племенное ополчение и активно участвовали в защите своих земель и в больших захватнических походах. В мирное время женщины вели домашнее хозяйство, занимались прядением, ткачеством, шитьем одежды и обуви, изготовлением посуды. Женщины принимали активное участие в общественной жизни. Греческий автор Псевдо-Скилак называл савроматов женоуправляемыми.

Археологические исследования подтвердили воинственность савроматских женщин и их высокое положение в обществе. Во многих курганных группах центральное место занимает курган с особенно богатым женским погребением, сопровождаемым оружием и украшениями. Возможно это погребения женщин родоначальниц, то есть не исключено, что счет родства у савроматов велся по материнской линии. 20% всех погребений с оружием составляют женские погребения.

Савроматы имели первоклассное для своего времени вооружение. Оно состояло из короткого меча, лука, колчана со стрелами и копья. Савроматские мечи были похожи на скифские акинаки: они имели брусковидное навершие и перекрестие в виде почки или крыльев бабочки. Луки и колчаны изготовлялись из дерева или коры, поэтому они не сохранились. Стрелы были бронзовыми, они имели форму трехгранной пирамидки с выступающей или внутренней втулкой. В богатых погребениях находится иногда по несколько десятков наконечников стрел. Грабительские войны савроматов превратились для них в регулярный промысел. Военные вожди занимали высокое положение в савроматском обществе.

Савроматы поддерживали контакты с другими племенами. Особенно тесными эти связи были с соседней Скифией, неслучайно в культуре савроматов и скифов так много общего. Очень близки формы оружия и орудий труда. У скифов и савроматов был распространен зооморфный или, как говорят, звериный стиль в искусстве. Оружие, предметы быта украшались изображениями животных: хищников, травоядных или птиц. Наряду с реальными животными изображаются фантастические.

Единственными памятниками савроматов являются курганы, разбросанные в степях. Над могилами знатных людей возводились высокие насыпи и совершались различные погребальные и поминальные обряды. Рядовых членов общества нередко хоронили в более древних курганах, относящихся к бронзовому веку. Это избавляло от необходимости затрачивать много труда на сооружение насыпи. Обычно могилы были ориентированы длинными сторонами с запада на восток и погребенный лежал головой на запад в вытянутом на спине положении, его руки иногда были согнуты с локтях, а ноги в коленях. В могилу обычно клали

в качестве пищи, якобы необходимой погребенному в загробном мире, часть тушки барана. Рядом с ней нередко находился нож.

Во всех мужских и во многих женских погребениях, как уже отмечалось, встречается оружие: меч-акинак, наконечники стрел в колчане и иногда копье. В женских погребениях встречаются зеркала, бусы, туалетные костяные ложечки, золотые или бронзовые бляшки с изображением, выполненным в “зверином стиле”. И в женских, и в мужских погребениях встречаются жертвенники в виде каменных блюд на ножках, изображающих головы хищных животных. Исследователи считают их переносными алтариками, на которые возлагались жертвоприношения. Возможно роль жрецов выполняли как мужчины, так и женщины.

Большую роль в религиозных представлениях савроматов играл культ огня. Об этом свидетельствует обычай разводить костер на перекрытии могильной ямы или посыпать горячими углями погребенного.

Язык савроматов был близок к скифскому. Оба языка принадлежали к иранской ветви индо-европейской языковой семьи.

Потомки савроматов — сарматы продолжали жить в Подонье, Нижнем и Среднем Поволжье, Южном Приуралье. В III веке они начали свое наступление на скифов и, победив их, частично вытеснили в Крым, частично ассимилировали. Потомки сарматов — аланы жили на Северном Кавказе и в Подонья, от них произошли современные осетины, язык которых близок к аланскому.

Ребята, внимательно выслушав рассказ, начали гадать, что может быть в кургане. Очень уж им хотелось найти акинак и наконечники стрел, а еще какое-нибудь произведение “звериного стиля” — изображение пантеры, оленя или хищной птицы, тогда его можно было бы сделать эмблемой Средневолжской археологической экспедиции, а также школьных кружков. В 10 часов пришлось прервать беседу и отправить всех ее участников по палаткам.

Наутро мы отправились на курган. Началась расчистка могилы. Ребята, вооружившись ножом и кисточкой работали по очереди, так как каждый стремился принять участие в расчистке могилы. Трудились молча, сосредоточено и напряженно. “Здесь что-то большое круглое”, — вдруг воскликнул Паша Кузнецов. Сидевшие вокруг могилы ребята стремительно вскочили и подбежали к Паше. “Сковородка с ручкой”, — предположил кто-то из них. Паша невозмутимо продолжал расчистку и вот уже полностью предстал глазам школьников бронзовый предмет: плоский диск с бортиком по краю и с ручкой, завершающийся изображением пантеры. Это было бронзовое зеркало. Подобные зеркала изго-

товлялись в греческом городе Ольвия, в Северном Причерноморье. Они встречаются в скифских и савроматских курганах VI в. до н. э. Под ручкой зеркала находился другой предмет — маленький каменный жертвенник в виде блюда овальной формы с невысокими бортиками. Постепенно открывался весь скелет. Он принадлежал пожилой женщине, лежавшей на спине головой на запад. Голова лежала на левом боку лицом к югу, руки были сильно согнуты в локтях и раздвинуты. Ноги также слегка согнуты в коленях. Позвоночник был сильно искривлен. Зеркало и жертвенник из зеленовато-серого камня лежали на локте левой руки. Слева от головы погребенной находилась продолговатая галька и мелкие кусочки охры. Расчищая ребра погребенной, Толя Савельевских вдруг позвал меня и показал чуть открывшийся блестящий предмет на левой стороне груди погребенной. Это была золотая бляха овальной формы с изображением лежащего с подогнутыми ногами горного козла. Вновь все окружили могилу. Всем хотелось взять в руки находку, но я строго-настрого запретила сдвигать бляху с места.

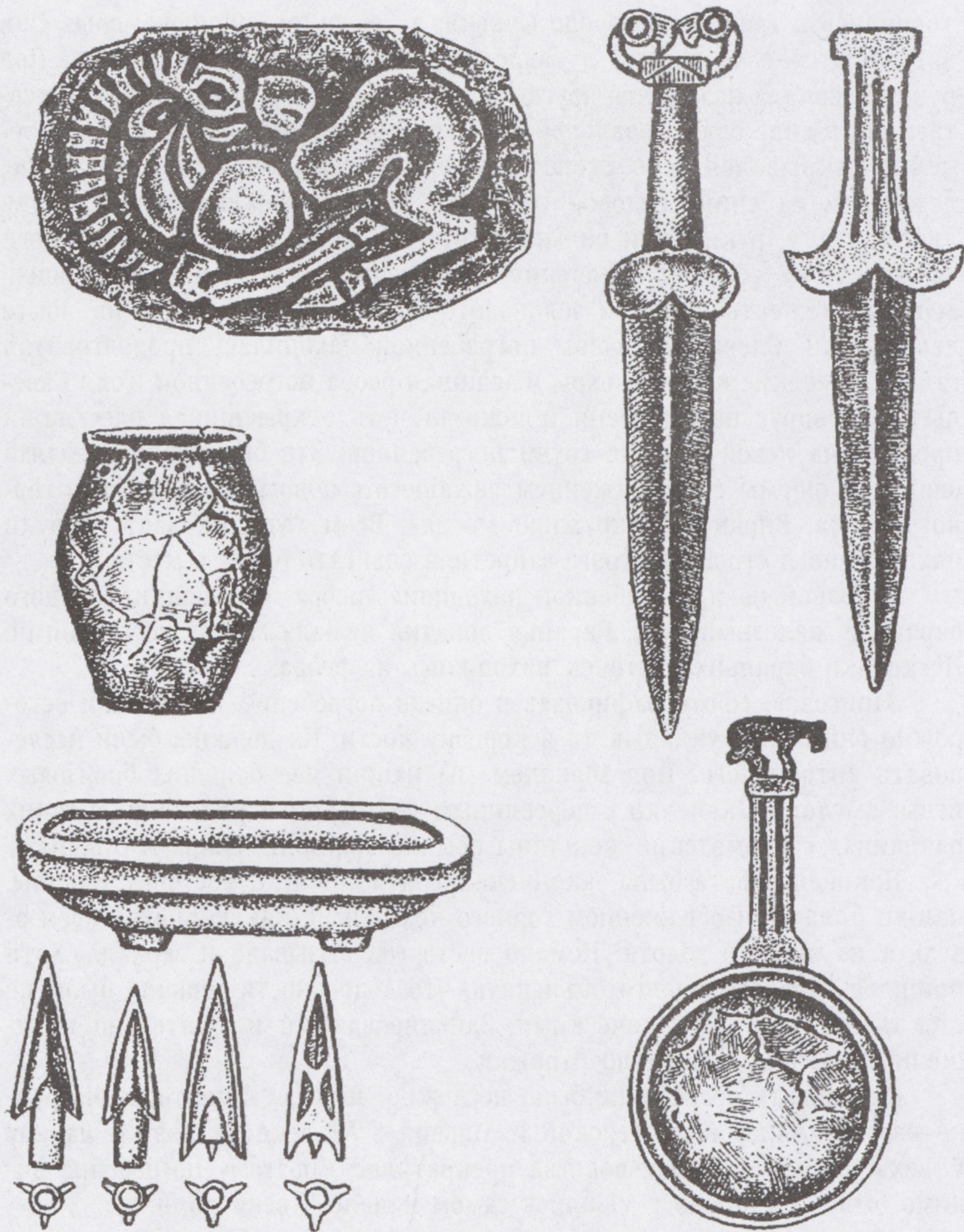
У правой ноги погребенной находились ребра и позвонки молодого барана и железный нож. Баранья лопатка лежала между ее голенями. Несколько бараньих косточек находились на ребрах.

Зарисовав, сфотографировав и описав погребение, мы начали осторожно снимать и укладывать в коробку кости. Их должны были исследовать антропологи. Под зеркалом мы нашли две больших бронзовых иглы, амулет — колечко с деревянным шпёнком и раковину. В таких раковинах савроматские женщины обычно хранили белила и румяна.

Наконец работа была закончена. ребята сияли от восторга. Еще бы, нашли бляху с изображением горного козла и не какую-нибудь бронзовую, а из чистого золота! Немало восторгов вызывало и зеркало. Хотя пришлось довольно долго объяснять, что в древности зеркала были не стеклянными, а металлическими. Заполированный и тщательно начищенный металл прекрасно отражал.

Датировать погребение было несложно: зеркала с пантерой на ручке изготовлялись в мастерской г. Ольвии в VI веке до н. э., к началу V века до н. э. их производство прекратилось, поэтому погребение видимо было совершено в VI или в самом начале V века до н. э.

Весь вечер, да и последующие дни все разговоры были о савроматах и об исследованном погребении. Перед отъездом как всегда было посвящение в археологи. На медалях, выдаваемых каждому посвященному, был изображен лежащий с подогнутыми ногами горный козел, совсем такой же как на бляхе, найденной в погребении.

Вещи из савроматских погребений: золотая бляха, железные мечи-акинаки, глиняный сосуд, каменный жертвенник, бронзовые наконечники стрел, бронзовое зеркало

Сейчас трудно перечислить все экспедиции, в которых побывали школьники, члены археологических кружков, возникших в районных дворцах пионеров, в городской станции юных туристов и во многих школах города. Этими кружками руководили студенты университета, а затем и пединститута, впоследствии ставшие их выпускниками. По разному сложились судьбы кружковцев: Валя Лазарев закончил Куйбышевский медицинский институт и работает врачом в одной из московских больниц, Юра Сафаров стал пилотом, многие из бывших юных археологов окончили истфак Куйбышевского университета. Преподают историю в школах города Галина Пугачева, Василий Веников, работает на кафедре истории Самарского института повышения квалификации работников образования Татьяна Стребкова (Ильинская). Есть среди бывших кружковцев и те, кто связал всю свою жизнь с археологией. Среди них Юрий Колев, Маргарита Седова, Надежда Овчинникова, Павел Кузнецов, Михаил Турецкий, Алексей Богачев, Сергей Зубов и другие. Некоторые из них защитили диссертации и стали кандидатами наук.

Кем бы ни стали бывшие юные археологи, на всю жизнь запомнили они археологические экспедиции, романтику поиска, радость первой находки, дежурство по кухне, песни у костра. Работа в экспедиции закалила их, воспитывала в них трудолюбие и терпение, развивала любознательность, расширяла их кругозор.

В наши дни количество археологических кружков возросло. И по сей день продолжают выезжать в экспедиции члены кружков юных археологов, внося свою посильную лепту в дело изучения древнего прошлого Самарского края. Пожелаем же им новых замечательных открытий!

Ремесленный центр на берегу Кинеля

Первая самарская зима была зимой ожиданий. Никогда желание поскорее выехать в поле не было столь сильным как в 1970 году: предстояло знакомство с краем, где было известно свыше тысячи археологических памятников, загадочных, почти еще никем не исследованных.

Наступил май — самое удобное для разведок время, когда деревья еще не покрылись листвой, и любая местность прекрасно просматривается. Почти все мои курсы лекций были прочитаны в первом семестре, оставалась лишь история древнего мира, и я договорилась с преподавателями о замене моих лекций. Можно было пускаться в путь. Но с кем? Конечно можно было идти одной, у меня был некоторый опыт проведения разведок в одиночку, но я понимала, что лучше идти в разведку вдвоем или втроем, так как можно осмотреть большие площади, открыть больше памятников. Взять студентов в столь ответственный для них период перед приближающейся сессией я конечно не могла. Вскоре спутники нашлись. Это был куйбышевский краевед Н. Е. Евстропов и научный сотрудник областного музея краеведения Людмила Никитенко.

Из Похвистнева мы добрались до поселка Красные Пески, где заночевали в школе. Еще до отъезда я получила письмо от шестиклассника из этого поселка Саши Пасечникова, который сообщал о том, что нашел на берегу реки Кинель черепки от глиняных горшков с различными узорами.

На следующий день мы вместе с Сашей отправились к месту находки в урочище Осиновые Ямы. Земля еще не подсохла, и нам пришлось изрядно помесить грязь. В перелесках цвели белые подснежники, и распевали радующиеся весне птицы. Саша преподнес нам с Людмилой маленькие букетики подснежников. Наконец мы дошли до Осиновых Ям. Это была первая терраса Кинеля, распаханная в прошлом году. На пашне встречались многочисленные фрагменты глиняных горшков и банок

с нанесенными зубчатым штампом треугольниками и ромбами. Это посуда срубной культуры эпохи бронзы XVII—XIII веков до н. э. Здесь же на поле мы нашли обломок широкого листовидного кинжала, бронзовую височную подвеску, каменный пест. Мы сняли план, поблагодарили Сашу, попрощались с ним и отправились дальше по Кинелю. Позднее Саша не раз приезжал в Куйбышев и побывал не в одной экспедиции.

Каждый день мы находили по два—три археологических памятника. Разведка проходила без особых происшествий, без интересных встреч, если не считать двух бдительных бабусь, которые долго допрашивали меня, когда я снимала план селища эпохи бронзы у деревни Остроумовка. Они отпустили меня лишь убедившись, что я не шпион какой-нибудь империалистической державы.

На берегу Кинеля около деревни Сухая Речка мы обнаружили на прошлогодней пашне огромное количество черепков от изготовленных на гончарном круге горшков и корчаг красного цвета, украшенных линейным и волнистым орнаментом. Несомненно это была болгарская посуда золотоордынского периода. В обрыве я нашла маленький стеклянный флакончик неправильной формы — видимо бракованный, неудавшийся местному стеклодуву.

Перед нами было огромное селище волжских болгар XIII—XIV веков. Его протяженность с запада на восток превышала 500 м, с севера на юг — 250 м. Селище располагалось на первой террасе Кинеля и прибрежная часть его интенсивно размывалась рекой.

Местные жители сообщили нам, что в предыдущем году во время половодья была разрушена печь для обжига посуды, сложенная из камней и глины. Еще раньше при земляных работах у края террасы было обнаружено несколько погребений людей, лежавших головами на запад, без вещей. Вероятно это был мусульманский могильник, где хоронили своих умерших сородичей жители поселения. Сомнений не было: перед нами было интереснейшее поселение волжских болгар, бежавших на Кинель после татаро-монгольского нашествия, до которого болгары не селились южнее и восточнее Самарской Луки.

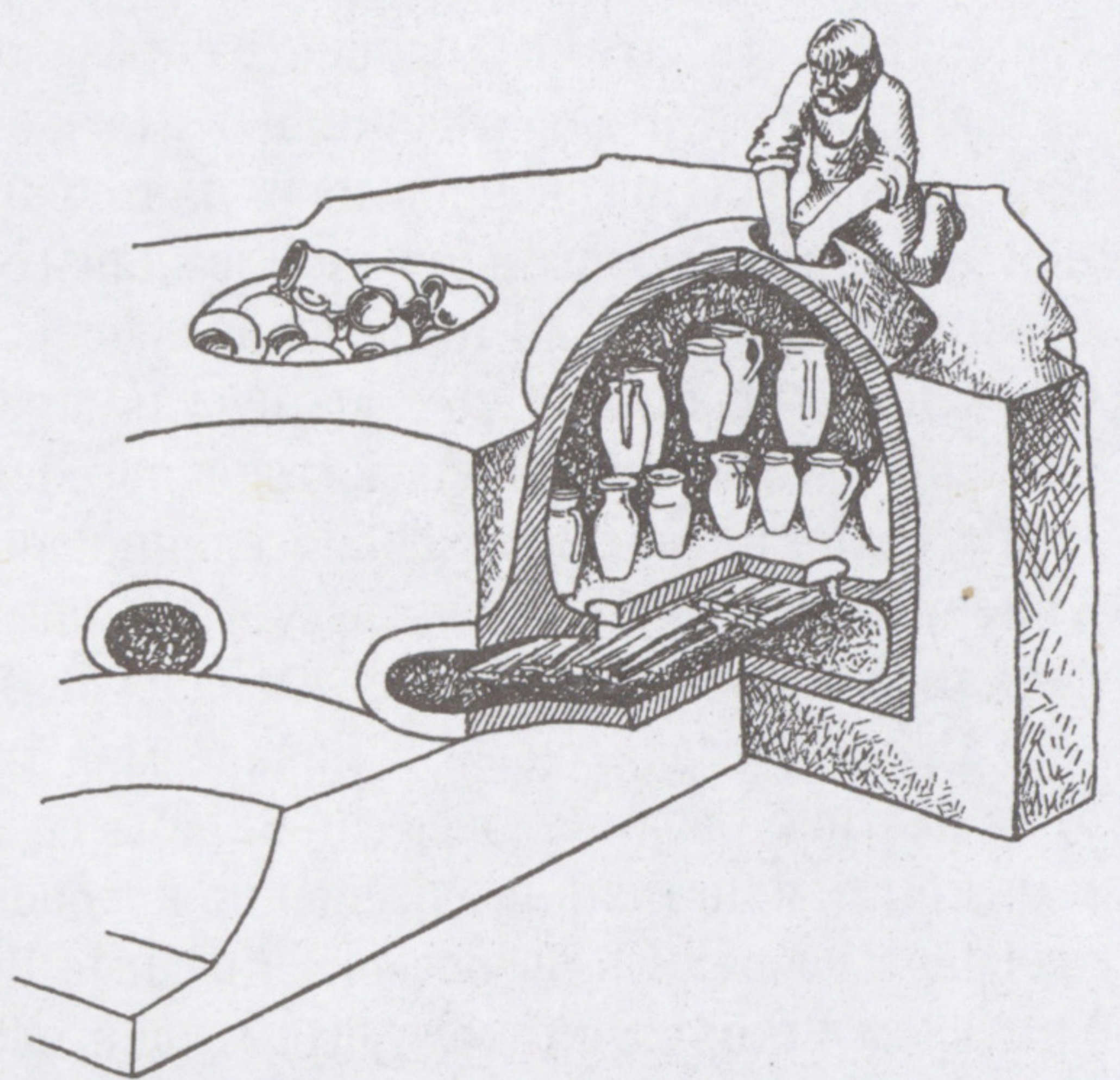
Прошел год и снова в начале мая мы выехали в Сухую Речку. На этот раз нас было человек 10—12. Мы сели на электричку после первомайской демонстрации, посещение которой было строго обязательным, и к вечеру добрались до поселка Красные Пески, где заночевали в школе. Учителем истории в школе был создан небольшой музей истории поселка, и мы ознакомились с ним. Настроение у всех было весьма приподнятым, поэтому никто не ложился до полуночи. Разыгрывалось какое-то

грандиозное сражение с обливанием водой. Пересказать происходящее довольно трудно. Ясно одно: молодежь от души веселилась и отдыхала после многодневного слушания лекций и сидения в библиотеках. Нарезавшись вдоволь, все улеглись в спальные мешки и уснули.

Утро было непогожим и хмурым. Мы вышли из Красных Песков и отправились через деревню Аманак к Сухой Речке. Путь был неблизким. Часов в 9 пошел дождь, сначала редкий и мелкий, потом все более усиливающийся. Переждать его было негде, да и нужно было спешить, чтобы как можно раньше прийти в Сухую Речку. Дождь не прекращался ни на минуту, он превратился в настоящий ливень, все мы промокли до нитки. В Сухой Речке мы обосновались в клубе. Купив бутылку водки у какой-то предприимчивой местной бабушки, я заставила всех растереть водкой ноги. Мужская часть нашей группы делали это с нескрываемым сожалением, намекая, что водка, принятая внутрь, была бы эффективнее, но я была неумолима. То ли благодаря этим втираниям, то ли потому, что в походах мобилизуются все защитные силы организма, никто из участников этого похода не заболел. На другой день мы шурфовали Сухореченское селище, а затем, переправившись через Кинель на лодке, благополучно добрались до разъезда Аверкино и уехали в город.

Раскопки Сухореченского селища начались осенью 1971 года и продолжались в течение шести полевых сезонов до 1976 года. Пять лет спустя в 1981 году они были продолжены Ириной Николаевной Васильевой (Мажановой).

Пожалуй самым интересным был первый год работ. В августе 1971 года вместе с бывалыми археологами выехали и “новобранцы” — только что поступившие на истфак: Алла Ватазина и Саша Астахов. Вновь мы поселились в клубе: женская половина на сцене, за занавесом, мужская в зрительном зале на полу. Раз в неделю в клубе показывали кино и мы смотрели все

Реконструкция двухярусного гончарного горна

фильмы на обратной стороне экрана, лежа в спальнях мешках на сцене. Дежурные варили пищу на костре неподалеку от клуба, бывшего последним домом в деревне.

Раскоп заложили у самого обрыва на обреченном на разрушение водами Кинеля участке. Уже после снятия первого штыка недалеко от обрыва появился гончарный горн прекрасной сохранности. Он был двухъярусным: его топчанная камера была углублена в материк, а над землей возвышалась сложенная из глины и камней обжигательная камера цилиндрической формы. Камеры разделялись толстой перегородкой с пятью отверстиями-продухами, через которые шел горячий воздух из топки. Перед горном находилась предгорновая яма, стоя в ней, гончар укладывал дрова в топку. В обжигательную камеру помещались изготовленные на гончарном круге и просушенные сосуды. Затем отверстие обжигательной камеры замазывалось глиной и дрова в топке поджигались. Интересно отметить, что горны такой конструкции используются гончарами по сей день. Хотя, конечно, гончаров в наши дни осталось очень мало. Поистине вымирающая профессия!

Горн расчищали долго и тщательно, зарисовывали и фотографировали его. В это же время Игорь Борисович Васильев и Сергей Агапов проводили разведки в окрестностях д. Сухая Речка и поселка Красные Пески. Тогда были открыты поселения абашевской культуры Глубокое Озеро, Точка и другие.

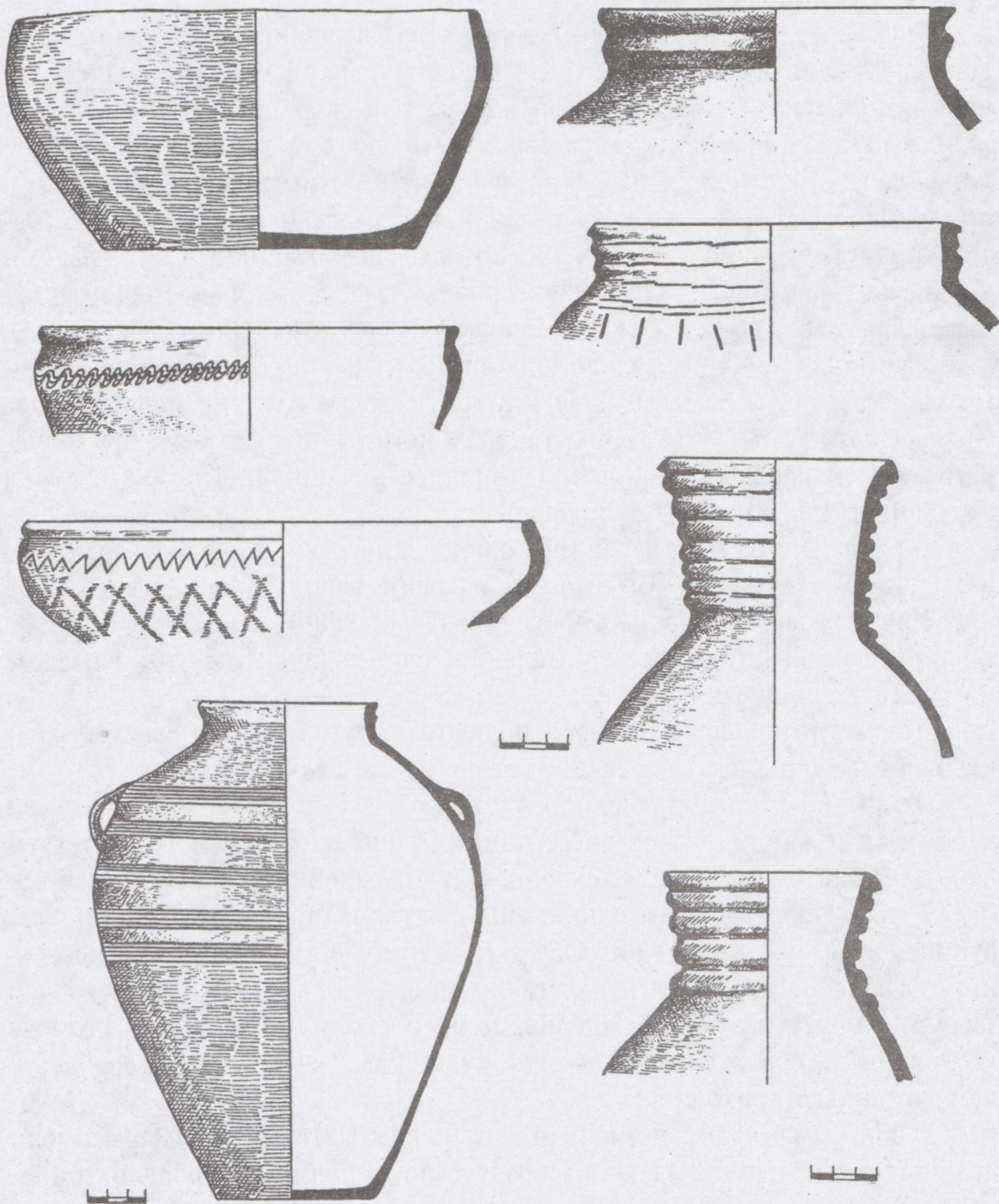
Незаметно пролетела вторая половина августа, нужно было возвращаться в город. Засыпав раскоп, мы покинули Сухую Речку.

Открытие горна определило будущую тему курсовой и дипломной работ и даже кандидатской диссертации Ирины Васильевой. Она и по сей день занимается изучением технологии изготовления древней керамики.

В следующем году мы нашли еще два горна, аналогичных по конструкции первому. Один из них был загружен кувшинами. Видимо поселение погибло от вражеского набега именно в тот момент, когда гончар загрузил горн и разжег его. Возможно он погиб в тот день и никто уже не пришел за обожженными в горне кувшинами, они остались лежать в нем до нашего прихода.

Кувшины во время извлечения их из обжигательной камеры имели нежно-розовый цвет, а затем на воздухе потемнели и приобрели темно-красный оттенок.

В тот год с нами был рыжий пес, который пристал к нам еще на Муромском городке. Он быстро отъелся на экспедиционных харчах и сопровождал нас повсюду. Ему дали имя Лорд Бадминтон. Он был страш-

Керамическая посуда, найденная на Сухореченском селище

но вороватым и умудрился однажды украсть на кухне десяток яиц, унеся их вместе с кастрюлькой. Ежедневно он похищал что-то у студентов: то кед, то носки, то полотенце, и все это почему-то складывал под раскладушку Веры Скарбовенко. Когда мы переезжали с Муромского городка на Сухую Речку, то решили его оставить в с. Валы, откуда, как мы предполагали, он пришел. Однако, как только машина тронулась, Лорд Бадминтон помчался за ней. Он бежал, не отставая с полкилометра, тогда студенты начали просить меня остановить машину. Кое-кто стал уверять меня, что заберет его после окончания экспедиции домой. Я сама уже не могла смотреть, как пес выбивается из сил, и застучала по кабине. Шофер остановил машину, и мы взяли Лорда в кузов. Так он оказался на Сухой Речке. Все любили его за веселый нрав и прощали ему его слабости. К тому же в Сухой Речке он взялся за ум и начал изживать свою склонность к воровству.

Лорд Бадминтон слегка напоминал чеховскую Каштанку. Он был довольно плотным и крупным, но его мощные лапы были короткими и чуть кривыми. Словом это была помесь таксы с дворняжкой каштановой масти. Пес приглянулся одному сухореченскому жителю, который попросил его у нас. Когда мы согласились, он попытался посадить Бадминтона в мешок, но не тут-то было. Лорд укусил его и убежал. Пришлось везти его в город. Я надеялась, что кто-нибудь из обещавших взять епса, выполнит это обещание. Пока мы разгружали машину Бадминтон ворвался в аудиторию, где абитуриенты писали сочинение, и Нина Габелко, к удивлению экзаменаторов, позвала его: "Лорд Бадминтон!". Наконец вещи были разгружены, и студенты быстро разбежались. Перед входом в университет остались я и Лорд. Пришлось взять его домой. К сожалению, он прожил у меня недолго. Во время моей поездки в Москву, его выпустили одного погулять, и он пропал бесследно, вероятно попав в собачий ящик.

В 1974 году в последние дни работы на раскопе был обнаружен четвертый горн. Практика студентов завершалась и задержать их мы не могли, поскольку продукты кончались. Пришлось остаться рассчитывать горн мне и Ирине Мажановой. В нашем распоряжении было всего два дня, так как я должна была принимать вступительные экзамены. Топочная и обжигательная камеры были заполнены землей. Мы с Ириной вышли на раскоп в 7 часов и работали без единого перерыва до 11 часов вечера. Мы не имели возможности не только перекусить, но даже сходить на ферму, чтобы напиться воды, несмотря на то, что стояла изнуряющая жара. Ирина умела работать лопатой, недаром студенты шутливо прозвали ее маленьким бульдозером.

Могу с уверенностью сказать, что никогда в жизни мне не приходилось за один день проделать работу такого объема. К 11 часам, когда спустились сумерки, мы закончили расчистку горна. Нужно было на следующий день описать, сфотографировать горн, снять его план, а затем засыпать раскоп. Мы отправились на ночлег в клуб.

Когда мы пришли к клубу, уже совсем стемнело. Купив в соседнем с клубом доме огурцов, мы поужинали ими и улеглись на сцене прямо на голом полу, так как спальные мешки уже отправили в Самару.

На другой день пришлось еще немало потрудиться на раскопе, а затем вечером, перейдя вброд Кинель, мы сели в электричку на разъезде Аверкино.

Постепенно в результате многолетних раскопок перед нами предстало средневековое ремесленное поселение, возможно город. В прибрежной его части были обнаружены четыре гончарных горна, принадлежавших вероятно трем гончарам, так как два горна выходили в одну пригорновую яму и, видимо, принадлежали одному мастеру. Обломки глиняной посуды составляли основную массу находок. Сосуды изготовлялись из местных глин на гончарном круге. Формы сосудов весьма разнообразны: хумы, корчаги, горшки, кувшины, миски и чаши. Орнамент линейный, волнистый, зубчатый.

Видимо сухореченские гончары снабжали своей продукцией не только обитателей своего поселения, но и жителей окрестных поселков. Близкая к сухореченской посуда встречена и у деревни Матьян. Посуда изготовлялась на продажу и по заказу. Metallурги и кузнецы снабжали железом всю округу.

Появление ремесленных центров весьма характерно для XIV века. Поселки, подобные сухореченскому, известны на территории Молдавии и в Нижнем Поволжье. Нередко на них сосредоточено большое количество горнов, например, на поселении Хан-Тюбе в Нижнем Поволжье их выявлено 29.

Кроме гончаров на Сухореченском поселении жили ремесленники-металлурги. Исследован железоделательный горн. К сожалению, он полностью разрушен. Сохранилось лишь глинобитное основание и спекшаяся масса шлаков. Вокруг горна обнаружено скопление глины, представляющее развал его стенок, и семь обломков глиняных трубочек — сопел, через которые в горн нагнетался воздух. Широко представлена на поселении продукция сухореченских кузнецов: железные ножи, ключи, дужки от замков, гвозди, мотыга, кресала, наконечники стрел. На Сухореченс-

ком поселении возможно получали и чугуны, так как найдены фрагменты чугунных сосудов.

Находка стеклянного бракованного флакончика свидетельствует о присутствии на поселении стеклодувов. Жили здесь и косторезы: найдены распиленные рога, костяные заготовки изделий, пряжки-обкладки с циркульным орнаментом.

О торговых связях обитателей поселка свидетельствуют фрагменты поливной и штампованной посуды, производившейся в городах Нижнего Поволжья. Бронзовый браслет с арабской надписью "слава и счастье" видимо был изготовлен где-то на Ближнем Востоке.

Поселение возникло в XIII веке после разгрома Волжской Болгарии полчищами татаро-монголов, когда многие из цветущих городов Среднего Поволжья превратились в руины. Были разрушены и уже никогда больше не возродились болгарские города: Биляр, Муромский городок и многие другие поселения. Оставшееся в живых население покинуло обжитые места и начало заселять новые земли. Болгары вышли за пределы Самарской Луки, представлявшей в домонгольский период южную окраину болгарского государства, и стали селиться на левых притоках Волги: на Кинеле, Самаре, Соке, Кондурче. Среди этих поселений самым крупным было Сухореченское селище.

После разгрома Волжской Болгарии Самарское Поволжье входило в состав государства Золотая Орда. В это время этнический состав его населения был очень неоднородным. Кроме болгар в Самарском крае жили переселенные с запада русские и мордва. В степных районах кочевали тюркоязычные племена. Памятники золотоордынского периода на территории Самарской области еще недостаточно изучены. Это предстоит сделать будущим исследователям.

Именьковская культура на Самарской Луке

Славяне были моей “первой любовью”. Я узнала о них задолго до поступления в школу из рассказов отца, из старого, еще довоенного учебника истории и особенно из журнала “Вестник древней истории”. Они нередко снились мне во сне. Позднее, поступая в университет на истфак, я собиралась заниматься славянской археологией. Но уже на первом курсе выяснилось, что изучением славянских древностей заниматься не придется. Камская археологическая экспедиция исследовала археологические культуры Прикамья и все студенты вместе с преподавателями Отто Николаевичем Бадером и Владимиром Антоновичем Обориным занимались памятниками этого региона, который издревле был населен финно-угорскими племенами, а не славянами. На первом курсе я писала доклад и курсовую работу по неолиту, на втором объектом моего исследования стала одно из поселений эпохи бронзы, на третьем — селище Скородум ананьинской и гляденовской культур, на четвертом и пятом курсе темой моей преддипломной и дипломной работ стали памятники родановской культуры. Работать было интересно и я увлеклась археологией Прикамья, перестав скучать о славянах.

После окончания университета была работа в краеведческом музее маленького провинциального городка, где у меня было столько разных обязанностей, что на археологию оставалось очень мало времени. Впоследствии, работая в Башкирском университете, я занялась этнической историей раннесредневековых племен Южного Приуралья, а после перевода в Куйбышевский университет — Волжской Болгарией, и лишь через четверть века славяне “сами разыскали” меня в Среднем Поволжье, куда они начали переселяться с конца I века н. э. и я узнала их далеко не сразу.

Лишь дальнейшие исследования позволили установить, что славянами были племена именьковской культуры, той самой культуры, по поводу которой ломались копья археологов в 60-х годах. Одни считали ее финно-

угорской, другие тюркской, третьи угорской. Все эти споры археологов по поводу происхождения и этнической принадлежности именьковской культуры безусловно свидетельствовали о ее слабой изученности. Обратимся, однако, к самой именьковской культуре и к истории ее изучения.

Первые городища и селища, впоследствии отнесенные к именьковской культуре, были открыты еще в XIX веке на территории Казанской губернии, однако ее изучение началось гораздо позднее, чуть более полвека назад после Великой Отечественной войны. В середине 40-х годов казанский археолог Н. Ф. Калинин выявил в Нижнем Прикамье ряд поселений, которые отнес к особой культуре, первоначально названной им восточно-буртаской. Он считал, что эта культура принадлежит племенам буртасов, известных по сообщениям арабских и персидских авторов X века. По мнению Н. Ф. Калинина, буртасы были потомками племен городецкой культуры, переселившихся в начале I тысячелетия н. э. с правобережья на левый берег р. Волги.

В 1953—1954 годах археологи Н. Ф. Калинин и А. Х. Халиков произвели раскопки городища у с. Именьково Лапшевского района Татарстана. Были исследованы полуземлянки квадратной формы и собрана богатая коллекция керамики, металлических и костяных изделий.

В 1956—1957 годах В. Ф. Генинг исследовал у с. Рождествено в том же районе могильник, все погребения которого были совершены по обряду трупосожжения. Умерших сжигали на костре где-то за пределами могильника. Затем, когда костер остывал, недогоревшие кальцинированные кости собирали, помещали в неглубокую могильную яму круглой, овальной или прямоугольной формы. В одних случаях кости рассыпались по всему дну, в других их клали на дно в мешочке, поэтому они лежат компактной кучкой. Вместе с костями в могилу помещали от одного до трех глиняных горшков, а иногда бросали личные вещи погребенных: украшения или орудия труда.

В 1959 году В. Ф. Генинг и антрополог М. С. Акимова исследовали группу памятников: городище, селище и могильник в окрестностях села Кушнареново в среднем течении р. Белой в Башкортостане. На селище были выявлены два жилища-полуземлянки, аналогичные открытым на Именьковском городище в Татарии. Горшки с селища также были очень близки к сосудам Именьковского городища. В Кушнареновском могильнике было исследовано 30 погребений, два из которых представляли собой трупосожжения, остальные — трупоположения. Обряд захоронений с трупосожжениями был идентичен обряду погребений Рождественского могильника. Могильник датируется второй половиной VI—VII веками.

В том же году Г. Н. Матюшиным была открыта группа памятников аналогичных кушнаренковскому селищу в окрестностях сел Романовка и Миловка. В 1961 году были произведены раскопки селища Романовка II. Эти поселения получили название памятников романовского типа. Все исследователи отмечали значительное их сходство с памятниками именьковской культуры.

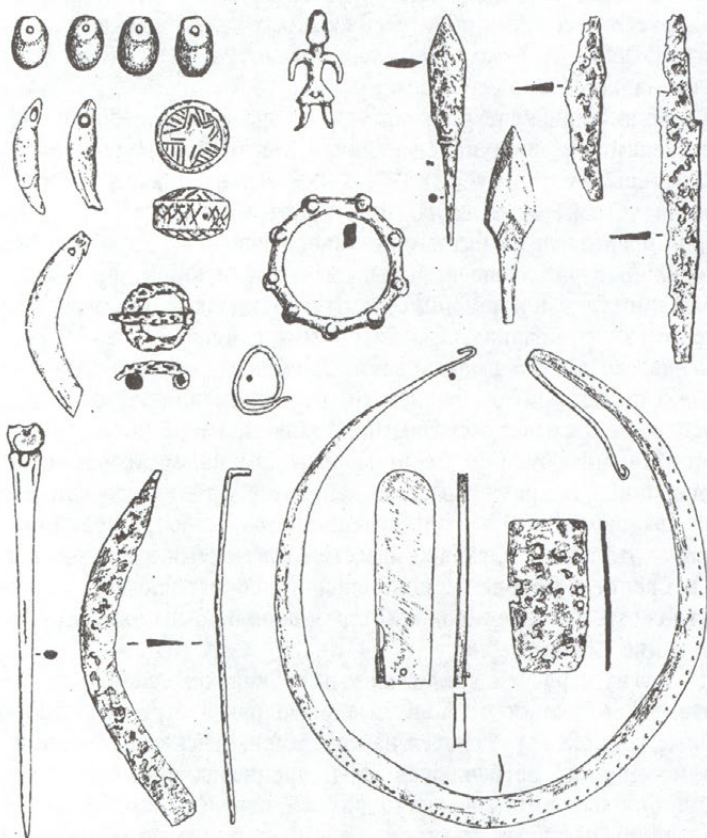
После исследования Рождественского могильника с его необычным для Среднего Поволжья обрядом трупосожжения у многих исследователей появились сомнения относительно принадлежности именьковской культуры финно-угорским племенам, так как в период, предшествующий ее возникновению, обряд трупосожжения у финно-угров не был распространен. В 1961 году В. Ф. Генинг выдвинул гипотезу о принадлежности именьковской культуры тюркским племенам, пришедшим в Среднее Поволжье из Сибири в период великого переселения народов в IV веке н. э. Эта точка зрения была поддержана А. Х. Халиковым и П. Н. Старостиным, но против нее выступили московские археологи А. П. Смирнов и Ю. А. Краснов. Они указали на то, что именьковская культура принадлежала оседлым земледельческим племенам, а большинство тюркских племен были скотоводами-кочевниками.

В 1964 году археолог П. Д. Степанов, исследовавший именьковское городище Ош-Пандо в Мордовии, предположил, что именьковская культура принадлежит угорским племенам мадьяр, пришедшим в VI веке в Среднее Поволжье, которое П. Д. Степанов считает страной Ателькузу, откуда венгры пошли на Дунай в Паннонию. Эта точка зрения не была поддержана другими археологами и подверглась критике, так как между памятниками именьковской культуры и венгерскими памятниками на Дунае существовал хронологический разрыв не менее чем в 200 лет. Кроме того именьковские материалы не имели ничего общего с венгерскими.

А. П. Смирнов, разделявший точку зрения Н. Ф. Калинина о принадлежности именьковской культуры потомкам финно-угорских племен городецкой культуры, переселившихся на левый берег р. Волги, попытался объяснить появление у них обряда трупосожжения, неизвестного у финно-угров. Он высказал мысль, что в сложении именьковской культуры наряду с местным финно-угорским населением приняли участие славянские племена, пришедшие из лесостепных районов днепровского левобережья. Главным аргументом А. П. Смирнова в пользу его гипотезы была близость керамики именьковской культуры к посуде славянской волынцевской культуры восточного Поднепровья. Однако считать волынцевскую культуру продолжением именьковской нельзя, так как она

датируется VIII веком н. э., а именьковская относится к V—VII векам н. э. и, следовательно, предшествует волынцевской.

С начала 60-х годов изучением именьковской культуры занимается П. Н. Старостин. Ему сразу улыбнулась удача: обследуя Щербетское селище, размываемое водами Куйбышевского водохранилища, он обнаружил множество железных изделий, представлявших видимо продукцию одного или нескольких кузнецов. Здесь были ножи, шилья, серпы, наральники. Одних топоров было найдено 20 экземпляров.

Украшения, орудия труда и оружие с памятников именьковской культуры (селище Ош-Пандо-Нерь, Кармалинское городище)

В 1965 году П. Н. Старостин подвел итоги исследований, опубликовав “Свод памятников именьковской культуры”. Он картографировал ее памятники и определил территорию, включающую Нижнее Прикамье, оба берега Волги в пределах Татарстана и Ульяновской области.

Памятники именьковской культуры располагаются группами-“гнездами”. Обычно вокруг одного городища группируется несколько селищ. Городища расположены на высоких мысах и защищены валами и рвами. Валы часто имеют кокошничкообразную форму. Одни городища были постоянно обитаемыми, другие служили временными убежищами. Основная масса населения обитала на открытых селищах, площадь которых колебалась от 5 до 250 тысяч кв. м. Располагались селища на высоких надпойменных террасах.

Жилища именьковской культуры представляют собой полуземлянки со стенами срубной конструкции, с центральным столбом или без него. Размеры жилищ от 3,8×3,4 до 8×8 м, глубина 0,4—0,8 м. Отопительными устройствами служили открытые очаги-кострища. В жилищах и за пределами их находились многочисленные хозяйственные ямы для хранения зерна, овощей, рыбы, мясных и молочных продуктов. Стенки ям обжигались при помощи соломы и облицовывались деревом. Сверху они покрывались крышками, обмазанными глиной.

Основу хозяйства именьковских племен составляло пашенное земледелие. Они первыми в Среднем Поволжье освоили эту отрасль. Землю обрабатывали сохами с железными наральниками. Урожай убирали серпами и косами-горбушами. Зерно мололи каменными жерновами. Возделывались пшеница, рожь, просо, ячмень, овес, а также огородные культуры: огурцы, репа. Важную роль играло скотоводство. Разводили крупный рогатый скот, лошадей, свиней. Вместе с племенами именьковской культуры в Среднем Поволжье появилась грубокостная порода крупного рогатого скота, а также кошка, которая должна была охранять от грызунов большие запасы зерна.

Из других отраслей хозяйства у именьковских племен было особенно развито рыболовство. Железные рыболовные крючки, глиняные и каменные грузила встречаются на всех именьковских поселениях. Иногда на поселениях встречаются ямы, предназначенные для хранения рыбы, в них находят множество рыбьей чешуи и костей. О развитии охоты свидетельствуют находки железных и костяных наконечников стрел, а также костей диких животных на поселениях.

Высокого уровня развития у именьковских племен достигла металлургия. Сыродутные горны были исследованы на Маклашеевском II

городище, а также на Рождественском IV, Кармалинском и Шигонском селищах. Металлографический анализ показал, что значительная часть именковских изделий изготовлена с применением стали. Кузнецы владели высокими техническими навыками получения стали путем цементации заготовок и термической обработки их, а также квалифицировано выполняли сварку и ковку. Уровень развития металлургии у именковцев был значительно выше чем у соседних финно-угорских и славянских племен пражско-корчакской и пеньковской культур. Кузнецы работали не только на свою общину, но и снабжали своей продукцией широкую округу. На именковских поселениях встречаются железные изделия: серпы, ножи, топоры, шилья, наральники, рыболовные крючки, косы-горбуши. Развито было и бронзолитейное производство. На Щербетском селище исследованы остатки двух меднолитейных мастерских с очагами и найдены тигли и льячки для разливки металла. Из бронзы изготовляли пряжки, подвески, серьги, посоховидные булавки, пинцеты и другие изделия.

Глиняную посуду изготовляли в каждом хозяйстве. Обычно этим занимались женщины. Глина, из которой формовали сосуды, содержит примесь шамота (толченая глина) и органики (навоз жвачных животных). Сосуды делятся на горшки, миски, диски с бортиками для выпечки хлеба. Горшки различны по размерам и по назначению. Для хранения зерна и других продуктов предназначались огромные, вмещающие 12—20 литров, корчаги. Для варки пищи — горшки средних размеров, в качестве солонок использовались миниатюрные сосудики. Кухонная посуда и сосуды, предназначенные для хранения зерна, обычно имеют бугристую поверхность из-за примеси крупного шамота. Столовая посуда представлена мисками и горшками с тщательно обработанной, лощеной поверхностью, нередко черного цвета. Орнамент встречается редко и обычно состоит из насечек и округлых вдавлений на венчике. В Нижнем Прикамье встречаются сосуды с рядом круглых ямок на шейке. Из глины делались пряслица для веретен, тигли, льячки, а также фигурки животных: лошадей, собак, свиней, кошек.

Именковская культура была датирована П. Н. Старостиным III—IV — VII веками н. э. Другие исследователи считали, что она начинается в V веке н. э.

Определяя территорию распространения именковской культуры, П. Н. Старостин не включил в нее Самарскую Луку и район среднего течения р. Белой, где были известны памятники романовского типа.

Начиная работы в Самарском Поволжье, мы прежде всего познакомились с коллекциями материалов, собранными экспедицией Общества археологии, истории, этнографии и естествознания под руководством В. В. Гольмстен. В своей статье, посвященной классификации керамики Самарской Луки, В. В. Гольмстен среди других типов глиняной посуды выделила грубые бугристые горшки с примесью крупного шамота. Почти все сосуды были лишены орнамента и лишь некоторые из них были украшены насечками и защипами по венчикам. Этот тип посуды В. В. Гольмстен назвала ош-пандинским по городищу Ош-Пандо-Нерь, расположенному близ с. Шелехметь, где эта посуда была впервые найдена. Знакомство с этими сосудами убедило нас в том, что они очень похожи на именьковские. Было принято решение обследовать городище Ош-Пандо-Нерь и прилегающее к нему селище.

Мы приехали в Шелехметь в середине июля 1970 года. Стояла изнуряющая жара. Мы выбрали место для лагеря на берегу волжской протоки, называемой Воложкой. За несколько часов у восточной окраины села Шелехметь вырос наш палаточный городок.

Шелехметь — большое мордовское село, вытянувшееся вдоль Воложки почти на километр. В 70-х годах население его было гораздо многочисленнее чем в 90-х. Местные жители показали нам городище, расположенное на горе Ош-Пандо-Нерь. Название это в переводе с мордовского языка означает Город-Гора-Мыс. Они охотно рассказали нам легенду, связанную с этой горой.

Легенда гласила, что много веков назад на горе стоял прекрасный город, и в нем жила мордовская царица Анге-Патяй. Волга в те далекие времена протекала у самого подножья горы и в город постоянно приезжали чужеземные купцы. Их суда приставали к берегу и их цепями привязывали к высоким столбам, которые, по словам местных жителей, можно было видеть еще совсем недавно.

Город жил спокойно до тех пор, пока к нему не подступили враги и не захватили его. Анге-Патяй сумела вовремя, до прихода врагов, зарыть свои сокровища где-то на горе, а сама скрылась в окрестных лесах. До сих пор эти сокровища никем не найдены, хотя многие пытались завладеть ими. Анге-Патяй умеет отводить от клада любого, кто на него посягает. Когда впоследствии мы осматривали городище, мы увидели на его площадке множество ям, свидетельствующих о том, что претендентов на сокровища Анге-Патяй было немало.

Гора Ош-Пандо-Нерь находится приблизительно в 1 км к западу-северо-западу от с. Шелехметь. Она имеет довольно крутые склоны, гус-

то заросшие лесом. Забираться на нее довольно трудно. Вверху на горе находится узкая длинная площадка, защищенная с востока очень высоким валом и рвом. Она также покрыта лесом. Культурный слой на вершине горы очень тонок и беден находками. Только на склонах городища нам удалось отыскать обломки лепных именьковских и гончарных болгарских сосудов. С горы открывался живописный вид на Воложку, называемую здесь Шелехметским озером, на Львову гору и на долину, находящуюся между горами Ош-Пандо-Нерь и Львовой. Именно в этой долине, называемой Холодным оврагом, располагалось огромное селище, на котором и предстояло нам вести раскопки. Значительная часть селища была распахана, но не засеяна, поэтому студенты разбрелись по пашне и начали собирать обломки сосудов, глиняные пряслица, похожие на косточки счет, кости животных, куски шлака.

Мы выбрали место у подножья горы и заложили небольшой раскоп, разбив его, как это принято, на квадраты размером 2x2 м. День за днем мы снимали культурный слой селища, находя большое количество фрагментов грубых бугристых сосудов с насечками или округлыми вдавлениями на венчиках. Изредка встречались обломки сосудов, поверхность которых была покрыта лощением. Большинство этих лощеных сосудов имело черный цвет. Такое сочетание грубых бугристых и чернолощенных сосудов было характерно для именьковской культуры. Вскоре нашлось еще одно подтверждение принадлежности к именьковской культуре селища Ош-Пандо-Нерь — круглая подвеска с полукруглыми выступами. Такие подвески были пожалуй самым распространенным украшением у племен именьковской культуры. Ежедневно к нам на раскоп приходили местные жители, жаждущие узнать не нашли ли мы клад Анге-Патяй. Они расспрашивали о том, кто и когда жил на поселении, внимательно рассматривали находки, высказывали свои предположения о их назначении. После снятия культурного слоя на фоне материка четко вырисовывалась круглая хозяйственная яма и части двух углубленных в материк построек — полуземлянок, уходивших под стенку раскопа.

Ребята работали не покладая рук. Коля Гулин, расчищавший углубленную постройку, не заметил как забросал землей носилки и куртку сотрудника краеведческого музея Людмилы Никитенко. Пришлось перемещать отвал, в результате носилки были обнаружены, а куртка исчезла безвозвратно, возможно Людмила оставила ее не рядом с раскопом, а где-то в другом месте.

Когда работы были закончены, уже не оставалось никаких сомнений в том, что поселение относится к именьковской культуре. Углубленные в

материк постройки, хозяйственные ямы, крупные грубые бугристые горшки-зерновики, лощеные столовые миски, маленькие, словно игрушечные, миниатюрные сосудики, глиняные сковородки с невысокими бортиками, предназначенные для выпечки хлеба и блинов, подвески с выступами — все было таким же как на поселениях именьковской культуры на территории Татарстана.

Работы подходили к концу, группа практикантов 21 июля должна была уехать в город. За три дня до отъезда Игорь Васильев и Володя Иванов съездили в Куйбышев и возвратились вскоре с загадочным и хитрым видом. Вечерами они надолго уединялись где-то в окрестных оврагах, всем было ясно, что они что-то замышляют.

В день отъезда, прихватив трехведерную кастрюлю и кружки, девочки поехали на машине в лес за малиной для праздничного ужина. Прошло не более трех часов и они возвратились с полной кастрюлей сладкой лесной малины. Вечером в центре лагеря был установлен деревянный идол с огромным крючковатым носом и хищно оскаленными зубами. В его руках было лопата. Идола в течении недели тайно вырезал Гена Пятых. У идола было необычное имя Горпосемог, что означало “городища, поселения, могильники”. Когда солнце закатилось, и над лагерьем сгустились сумерки, рядом с идолом вспыхнул костер, барабанщики забарабанили в днища опрокинутых ведер. Собравшиеся у костра обитатели лагеря увидели приближающегося шамана — почти неузнаваемого Володю Иванова. Лицо его покрыто замысловатой спиралевидной “татуировкой”, а наряд состоял из короткой папоротниковой юбочки. Он очень напоминал маорийского вождя. Исполнив ритуальный танец и принеся жертву богу Горпосемогу, шаман сообщил присутствующим, что ему предстоит совершить над ними обряд посвящения в археологи и принять их в племя белого самарского козла. Шаман по одному вызывал всех обитателей лагеря, задавал им вопросы, заставлял выполнять различные задания, а затем сообщал каждому его новое имя, как правило, отражающее черты характера и склонности посвящаемого. Лена Усанова, любившая запечатлять в акварелях красоты окрестностей Шелехмети, получила имя Этюдос Маляватус, Галя Затеева, тихая на вид, но иногда способная совершить что-то совершенно неожиданное, стала Тихим Омутom Обитаемым. Мне дали имя по тем культурам, изучением которых я занималась до приезда в Куйбышев: именьковской, каракуповской, турбаслинской — Именькара Турбаслинус. Года три спустя, когда я вела раскопки Муромского городка, к этому имени прибавилось еще одно — Владычица Муромская. Все посвящаемые получали медали,

на которых были написаны имена. Посвящение прошло очень весело и живо. Весь вечер не смолкал смех. Каждый посвященный был причащен грогом, сваренным из сухого вина и вишни, хотя шаман уверял, что грог приготовлен из настоя хвостов ящериц. После посвящения было объявлено, что до следующего утра друг друга можно называть только новыми именами. Каждый, кто забудет об этом и назовет другого его обычным именем, должен выполнить его любое задание.

Следующим утром мы проводили студентов-практикантов в Куйбышев, а затем во второй половине дня сняли лагерь и уехали в Винновку, чтобы исследовать городище Каменная Коза.

По почти непроходимым дорогам наша допотопная машина, прозванная Авдодорой Ужасов, с трудом добралась к вечеру до Винновки. В то время когда мы поспешно ставили лагерь, двое участников экспедиции Коля Нефедов и Гена Пенин ехали из Самары в Шелехметь. Зная, что мы должны скоро покинуть лагерь, они очень спешили, поэтому решили добраться по Волге до пристани Шелехметь. Они даже не предполагали, что пристань Шелехметь находится довольно далеко от одноименного села и их разделяет старица Волги, называемая Шелехметским озером. Ко озеру они пришли уже вечером. Нужно было переправиться через него вплавь. Правда, Гена не очень хорошо умел плавать, но у него была пустая полиэтиленовая канистра, с помощью которой он хотел преодолеть водное препятствие. Намотав одежду на голову, путешественники вошли в воду и поплыли. Где-то на середине озера Гена стал тонуть, Коля поспешил ему на помощь. С трудом им удалось добраться до берега, но Генина одежда утонула. Выйдя на берег, ребята обнаружили, что лагеря уже нет, осталось лишь еще теплое зольное пятно от костра. На этом пятне им пришлось скоротать ночь, а наутро пешком они отправились в Винновку. Вид у них был весьма экстравагантный. Коля шел в одних брюках, а рубашку отдал Гене, так как тот утопил всю свою одежду. Только к вечеру голодные и усталые странники добрались до городища Каменная Коза, где стоял лагерь и уже был заложен раскоп.

Жизнь на городище могла бы показаться прекрасной, если бы не полчища комаров, появляющиеся по вечерам неведь откуда. Палатки были без днищ и без серьезной шнуровки, поэтому скрыться от армии кровопийц было абсолютно негде, и это сильно омрачало наше существование. Другим огорчением было отсутствие хлеба в винновском магазине. Хлеб добывали на туристических пароходах, которые приставали в Винновке и останавливались там на несколько часов. Туристы нередко посещали раскоп, и мы проводили для них небольшие экскурсии.

Лагерь теперь назывался Град Козогор. Правителем в нем был посадник — Володя Иванов, пост воеводы занял Гена Пенин, а митрополита — Коля Нефедов. Общими усилиями они пытались сломить сопротивление женской половины лагеря и однажды излишней строгостью спровоцировали настоящий бунт. Все эти игры Володя Иванов запечатлел в альбоме, посвященном Козагорской эпопее.

Каждый день с 7 часов утра на раскопе кипела работа. Раскопки показали, что городище заселялось многократно: сначала в эпоху раннего железа в VII—VI веках до н. э. белогорскими племенами, затем, во второй половине I тысячелетия н. э., племенами городецкой культуры, пришедшими с запада со среднего течения Оки. В V—VII веках н. э. городище было убежищем племен именьковской культуры и, наконец, в X—XIII веках здесь возникла крепость волжских болгар. Судя по тому, что культурный слой был тонким, на городище жили постоянно только городецкие племена. Все остальные использовали его как убежище на случай вражеского нападения.

Часть найденной на городище керамики безусловно относилась к именьковской культуре: те же формы горшков и мисок, те же насечки и защипы на венчиках сосудов, то же сосуществование грубых бугристых и тщательно подлощенных сосудов.

В следующем 1971 году экспедиция университета исследовала селище у деревни Малая Рязань, которое также несомненно принадлежало к именьковской культуре. Сомнений не оставалось: именьковская культура простиралась на юг вплоть до района г. Куйбышева, и Самарская Лука была ее южной окраиной. Самое южное именьковское селище находилось на территории Куйбышева в Овраге Подпольщиков.

Еще один памятник именьковской культуры на Самарской Луке, исследованный нашей экспедицией, — Кармалинское городище. Оно удалено от Волги и расположено в густом лесу. Городище занимает вершину овальной возвышенности. Его площадка защищена системой укреплений, состоящей из двух валов и рвов. Почти вся площадка заросла густым лесом, поэтому для разбивки раскопа был выбран небольшой участок, свободный от леса. Площадь раскопа была не велика, поэтому жилищ не обнаружено, но было вскрыто несколько хозяйственных ям. Все они за исключением одной были расчищены и большая часть участников раскопок покинула городище, и уехала в город, оставив докапывать последнюю яму Олега Кириченко и Алексея Богачева. Они, не торопясь, извлекли чернозем, заполнявший яму, и внимательно просматривали его. Сначала находок не было, но у самого дна они увидели три

сосуда: два горшка и миску с заглаженной поверхностью. Казалось, что все находки уже исчерпаны, но вдруг Алексей, работавший в яме выбросил на отвал вместе с землей какой-то предмет. Олег схватил его и понял, что это согнутая вдвое серебряная пластина, внутри которой были какие-то металлические диски. Олегу показалось, что это какая-то детская игрушка типа погремушки. Но стоило ему чуть отчистить находку, как он понял, что внутри согнутой пластины были серебряные монеты. Леша, увидев монеты, стремглав выскочил из ямы и завопил от радости. Его вопль подхватил Олег. По их признанию они орали так, что вероятно было слышно в деревне. Затем с еще большей тщательностью ребята просмотрели каждую щепотку земли и нашли свернутые в рулон кусочки золотой фольги и сложенную вчетверо серебряную шейную гривну.

Восторгам не было конца. В тот же день, закончив расчистку ямы, удачливые археологи засыпали ее и весь раскоп и отправились в Куйбышев. Вечером Алексей с находками примчался ко мне домой. По его виду я догадалась, что найдено что-то очень незаурядное. Начал он издалека: сначала показал мне сосуды, затем фольгу, серебряные изделия и наконец монеты. Затем он подробно до мелочей описал, как был найден клад.

Значение открытия этого клада очень велико, потому что в нем сохранились серебряные монеты — драхмы, чеканенные в первой половине VI века в Иране правителями из династии Сасанидов Хосровом I и Кавадом. Видимо эти монеты были завезены в Среднее Поволжье иранскими купцами, прибывшими по Волги или караванным сухопутным путем.

Кармалинский клад — третье место находки иранских монет на памятниках именьковской культуры. Ранее иранские монеты были найдены на Троицко-урайском городище и на Именьковском селище в Татарстане. Всего в трех вышеназванных пунктах найдено 10 монет.

Вместе с монетами-драхмами в Кармалинском кладе найдены обломки какого-то серебряного изделия типа втулки, сломанный серебряный наконечник ремня и серебряное шейное украшение — гривна, которая была два раза перегнута, чтобы уместилась в небольшой коробочке. Ясно, что все эти серебряные вещи представляли собой лом, пригодный только для переплавки. Видимо и серебряный лом и монеты были предназначены для изготовления новых серебряных изделий. Серебряные украшения ценились очень высоко. Их было у именьковцев немного. Когда они ломались, их переплавляли. Любопытно, что клад находился на дне зерновой ямы. О том, что подобные ямы служили не только хранилищами зерна, но в них прятали различные ценные вещи, имеются сведения в сообщениях средневековых авторов.

В 70-х годах раскопки именьковских селищ на Самарской Луке проводила сотрудница Куйбышевского областного музея краеведения Руфина Миннуровна Юнусова (Ключникова). На Выползовском селище она исследовала типичное для именьковской культуры жилище — полуземлянку, сгоревшее во время пожара, на Муромском селище близ с. Валы ею были выявлены хозяйственные ямы и ямная печь для обжига глиняной посуды. Так одно за другим исследовались в Самарском крае именьковские поселения. Необходимо было найти хотя бы один могильник. Во время разведок мы внимательно осматривали береговые обнажения, ходили по пашням в надежде обнаружить негоревшие кальцинированные косточки, расспрашивали местных жителей, не встречались ли им глиняные горшки и обгоревшие кости во время земляных работ, но все тщетно! Могильники именьковской культуры неизвестны на Самарской Луке по сей день. Ища их, мы наталкивались на памятники иных эпох, например, на окраине селища Ош-Пандо-Нерь нашли погребения ранних болгар конца VII—VIII веков, но то, что так необходимо было открыть, так и осталось неосуществленной мечтой. Подобные случаи в археологии нередки. Например, крупный специалист по бронзовому веку Южного Урала К. В. Сальников много лет безуспешно искал абашевский могильник. Во время своей первой разведки в Башкирии я нашла необычный курганный могильник у села Нижнее Чуракаево, в котором все курганы имели оградки из крупных каменных плит. Я сообщила о своей находке К. В. Сальникову, предположив, что это могильник бронзового века. Он сказал, что скорее он принадлежит поздним кочевникам и посоветовал мне провести раскопки. Как же мы были удивлены, когда курган оказался абашевским. К. В. Сальников продолжил раскопки Нижне-Чуракаевского могильника и вскрыл еще несколько абашевских курганов. Но массовое исследование абашевских курганов началось уже после смерти К. В. Сальникова, когда мой бывший студент, а ныне доктор исторических наук В. С. Горбунов начал вскрывать курганы с каменными оградками на р. Деме и в других частях Башкирии. Так что находка именьковских могильников на территории Самарской и Ульяновской областей — дело времени. Рано или поздно они будут найдены.

Гораздо более удачливыми в поисках именьковских могильников оказались казанские археологи. П. Н. Старостиным, Е. А. Беговатовым, Е. П. Казаковым были открыты большие именьковские некрополи у сел Богородицкое и Маклашеевка, Ташкирмень и у поселка Коминтерн.

В 70—80-х годах П. Н. Старостиным были исследованы сотни погребений в Рождественском, Богородицком, Маклашеевском и Ташкирменьевском могильниках. Во всех их господствовал обряд трупосожжения. Умерших сжигали на стороне в полном одеянии, с поясами, а женщин и с украшениями. Затем недогоревшие кости оставшиеся на месте костра тщательно очищали от золы и сажу, а иногда возможно даже промывали и, собрав в мешочек, переносили на место захоронения, где предварительно вырывали могилу прямоугольной, овальной или круглой формы. Размеры могил были невелики: длина их редко превышала 1 м, ширина была еще меньше. Незначительной была и глубина могильных ям. Иногда в дне могилы имелась ступенька.

Кости высыпали в могилу, иногда они лежат аккуратной кучкой, в других случаях рассыпаны по всему дну. Почти всегда вместе с костями в могилу ставили глиняные горшки. Число их различно: от одного до трех. Интересно отметить, что горшки всегда неорнаментированные, нередко подлощенные. Вещей в погребениях обычно немного. Из орудий встречаются ножи и пряслица от веретен. Детали костюма представлены в основном поясными пряжками. Украшения встречаются редко. Это бусы, серьги, подвески. Все они носят на себе следы пребывания в огне. Стекланные бусы сильно оплавлены так, что не всегда можно узнать их первоначальный цвет и форму.

Исключение составляет Коминтерновский могильник, где наряду с погребениями, совершенными по обряду трупосожжения встречаются труположения, сопровождаемые довольно большим количеством вещей.

В целом за 70-е годы в изучении памятников имениковской культуры были достигнуты значительные успехи, однако, вопроса о ее происхождении и этнической принадлежности никто в эти годы не касался. По-прежнему одни исследователи считали имениковцев местными финно-угорскими племенами, другие видели в них тюрок, пришедших из Сибири. Я не разделяла этих взглядов, однако долгое время я ничего не могла противопоставить им.

В поисках истоков племен именьковской культуры

В 1980 году вышла в свет книга украинского археолога Евгения Владимировича Максимова "Среднее Поднепровье на рубеже нашей эры", посвященная зарубинецкой культуре. Читая эту книгу, я не могла избавиться от мысли, что все в этой книге мне знакомо, и вскоре я поняла, что зарубинецкая культура имеет удивительно много общего с именьковской культурой Поволжья. Сходство наблюдалось в погребальном обряде (трупосожжения в малых ямах), в расположении поселений группами — "гнездами", в типах жилищ и хозяйственных ям, в делении глиняной посуды на грубую бугристую и лощеную, в типах некоторых украшений. Несмотря на то, что сходство было совершенно очевидным, прежде чем делать какие-то выводы, нужно было воочию увидеть зарубинецкие материалы.

Начались мои путешествия по институтам и музеям. Сначала я посмотрела коллекции, хранящиеся в Институте археологии Украины в Киеве, затем познакомилась с материалами Чаплинского могильника и городища в Минске. Чуть позднее я побывала в Ленинграде, где исследовательница зарубинецких памятников Полесья Ксения Васильевна Каспарова показала мне материалы из раскопок могильников Велемичи и Отвержичи. Чем ближе я знакомилась с зарубинецкими материалами, тем более убеждалась в сходстве их с именьковскими. Казалось бы можно было говорить о прямой генетической связи именьковской культуры с зарубинецкой, если бы не большой хронологический разрыв между ними. Работами К. В. Каспаровой было доказано, что распад зарубинецкой культуры произошел в середине I века н. э., а самые ранние памятники именьковской культуры, известные к началу 80-х годов, датировались не ранее V века н. э. Разрыв более чем в три века был слишком значителен, поэтому следовало подойти к решению вопроса о происхождении именьковской культуры с большой осторожностью. Тем не

мене я отважилась выступить с докладом на секторе славяно-русской археологии Института археологии в Москве.

Отношение исследователей к моей гипотезе было неоднозначным. Одни соглашались с тем, что сходство между зарубинецкими и именьковскими материалами безусловно есть, но большой хронологический разрыв не позволял говорить о преемственности культур, другие отрицали возможность генетической связи зарубинецкой и именьковской культур. Пожалуй самым главным моим оппонентом был А. К. Амброз.

Нужно было искать памятники, относящиеся ко второй четверти I тысячелетия н. э., которые заполнили бы хронологический разрыв между зарубинецкой и именьковской культурой. Но вскоре оказалось, что такой памятник давно уже известен, просто до начала раскопок невозможно было точно определить к какому времени он относится. История его открытия была следующей.

Весной 1973 года мне позвонил куйбышевский краевед Емельян Филимонович Гурьянов и сообщил о том, что узнал от одного из жителей села Ермаково, что в 1,5 км от пристани Лбище вниз по течению Волги есть древняя крепость с валами и рвами. Емельян Филимонович предполагал, что этот "городок" основал Ермак перед походом в Сибирь. Легенда связывала название близлежащего села Ермакова с этим знаменитым покорителем Сибири, а с именем его сподвижника Ивана Кольцо — название села Кольцово, расположенного к западу от пристани Лбище.

В мае 1973 года мы с Емельяном Филимоновичем и группой студентов-археологов отправились на пристань Лбище, расположенную в весьма живописной местности. Прямо над дебаркадером высились скальные обрывистые берега. Деревья росли прямо на камнях. Их причудливо изогнутые корни были почти полностью обнажены. Как только мы начали подниматься по крутой тропе на берег, откуда ни возьмись появился огромный серый козел, который подскочил к Вере Скарбовенко и пытался ее забодать. Вера схватила козла за рога и оба замерли, так как силы их были примерно равны. На помощь к Вере поспешил Володя Кузнецов. Он перехватил у нее рога козла и оба вновь застыли: козел не мог вырваться из рук Володи, Володя не решался его отпустить. Нужно было оказать помощь. К счастью, у меня была трехлитровая банка с водой из родника, которой я окатила козла, тот вырвался из Володиных рук и постыдно бежал. Путь к городищу был открыт, и мы двинулись вслед за Емельяном Филимоновичем.

Городище располагалось на высоком обрывистом берегу Волги, между двумя глубокими оврагами с крутыми склонами. С северной

стороны, где был свободный подход к площадке городища, был сооружен грандиозный вал дугообразной формы. Наибольшей высоты он достигал в центральной части, а к концам понижался. С внешней стороны вал был оформлен в виде одиннадцати бастионов, девять из которых имели полуовальную форму, а два, расположенные справа и слева от центрального бастиона, были прямоугольными. Ров, шедший перед валом, повторял его конфигурацию. Возможно в древности на бастионах стояли башни. Подобная система укреплений в Среднем Поволжье не была известна. Да и за его пределами полных аналогий лбищенскому валу найти пока не удалось. Какой-то талантливый фортификатор изобрел его. Наличие бастионов с башнями на них позволяло обстреливать неприятеля с флангов. Зато внешний вал был самым заурядным прямым и не очень высоким.

Емельян Филимонович вопреки существующим правилам уже пытался исследовать центральный бастион вала, не имея открытого листа, дающего право на раскопки. Он заложил небольшую траншейку, пересекающую бастион, и обнаружил в ней известняковые камни, величиной с кулак и обугленные бревна, принадлежавшие каким-то деревянным конструкциям. Это еще более укрепило в нем уверенность в том, что оборонительные сооружения возведены Ермаком.

Мы осмотрели валы и вышли на площадку городища, полого понижающуюся к Волге. У ее края на самом берегу находилось валособразное возвышение "лбище". Площадка была довольно обширна, она составляла не менее семи гектаров. С нее открывался изумительный вид на широкую пойму противоположного берега Волги с многочисленными протоками и старицами. Вдали дымили трубы Чапаевска и Новокуйбышевска.

Валы и склоны оврагов густо поросли лесом, сама же площадка была свободна от леса. Ее распахали, но еще не засеяли. На ней стояли только две огромных вековых липы.

Студенты, как обычно, разбрелись по пашне в поисках керамики и вскоре собрали довольно много фрагментов сосудов. Они делились на два совершенно различных типа. К первому типу принадлежали обломки довольно тонкостенных сосудов с примесью дробленого камня — железняка красноватого цвета. Судя по сохранившимся верхним частям сосудов, они имели форму банок с вертикальными или слегка выгнутыми внутрь краями. Внешняя поверхность сосудов была покрыта отпечатками штампа, напоминающего оттиски рогожки. Подобная посуда была характерна для городищской культуры, племени которой пришли на Самарскую Луку из районов среднего течения Оки приблизительно в IV века до н. э. Ко вто-

рому типу относились фрагменты грубых бугристых горшков с примесью толченой глины — шамота, не имеющие орнамента.

Набрав довольно увесистый мешок керамики, мы двинулись к пристани, но оказалось, что последняя ракета уже ушла в город, и нам пришлось заночевать в доме бригадира в деревне Лбище.

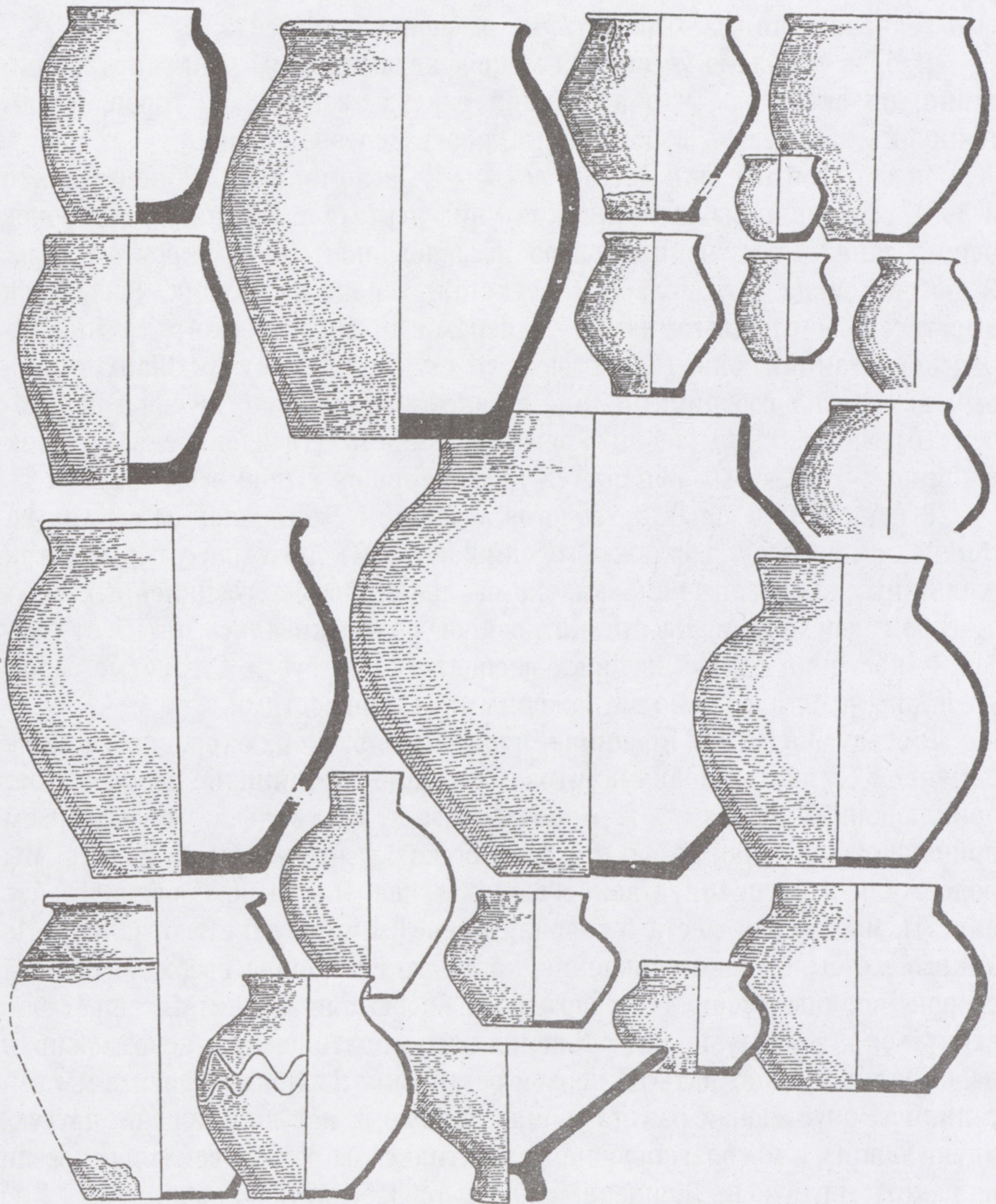
После этой поездки восемь лет мы не вспоминали о Лбище. Только в 1981 году один из выпускников университета Александр Расторопов решил заняться изучением слабо исследованной городецкой культуры. Я посоветовала ему провести раскопки городища Лбища. Весной он вместе со своими питомцами — членами археологического кружка городской станции юных туристов и со студентом Тимуром Шайхутдиновым выехал на городище Лбище и заложил несколько шурфов неподалеку от вала. Одним из шурфов было задето углубленное в материк жилище, и в нем был обнаружен целый горшок с примесью шамота.

В июле отряд юных археологов во главе с Растороповым выехал на Лбище и произвел раскопки городища. В раскопе были открыты три жилищных котлована неправильно овальной формы, соединенных между собой переходами. На дне котлованов прослеживались пятна от очагов — кострищ, вокруг которых располагались грубые бугристые горшки и миски с тщательно заглаженными поверхностями.

В следующем году я решила продолжить раскопки городища вместе с группой студентов-практикантов. Отъезд на городище не обошелся без приключений. Подъезжая к речному вокзалу, мы увидели, что на первом причале стоит какая-то ракета. Кто-то сказал, что это наша ракета. Мы подбежали и беспрепятственно вошли в нее. Никто не проверил у нас билеты, мы заняли места в салоне, и через минуту ракета отчалила. Но каково же было наше удивление, когда ракета пошла вверх по Волге в сторону поляны имени М. В. Фрунзе. Мы побежали к капитану с просьбой вернуться к вокзалу, но тот объяснил нам, что это сделать невозможно, и нам придется подождать до первой остановки. На Поляне Фрунзе мы высадились, опустевшая ракета пошла дальше, а нас посадили на другую, идущую вниз, и мы благополучно возвратились на речной вокзал, пересели на ракету, идущую на Лбище, и, наконец-то, добрались до цели.

На городище цвели вековые липы, воздух был наполнен их ароматом. Мы сложили рюкзаки в тени лип и начали ставить палатки. Не прошло и полчаса, как Андрей Иванов увидел, как большая гадюка вползла в его рюкзак, ему пришлось расправиться с непрошеной гостьей.

Вскоре под липами вырос палаточный городок и потекли размеренные экспедиционные дни.

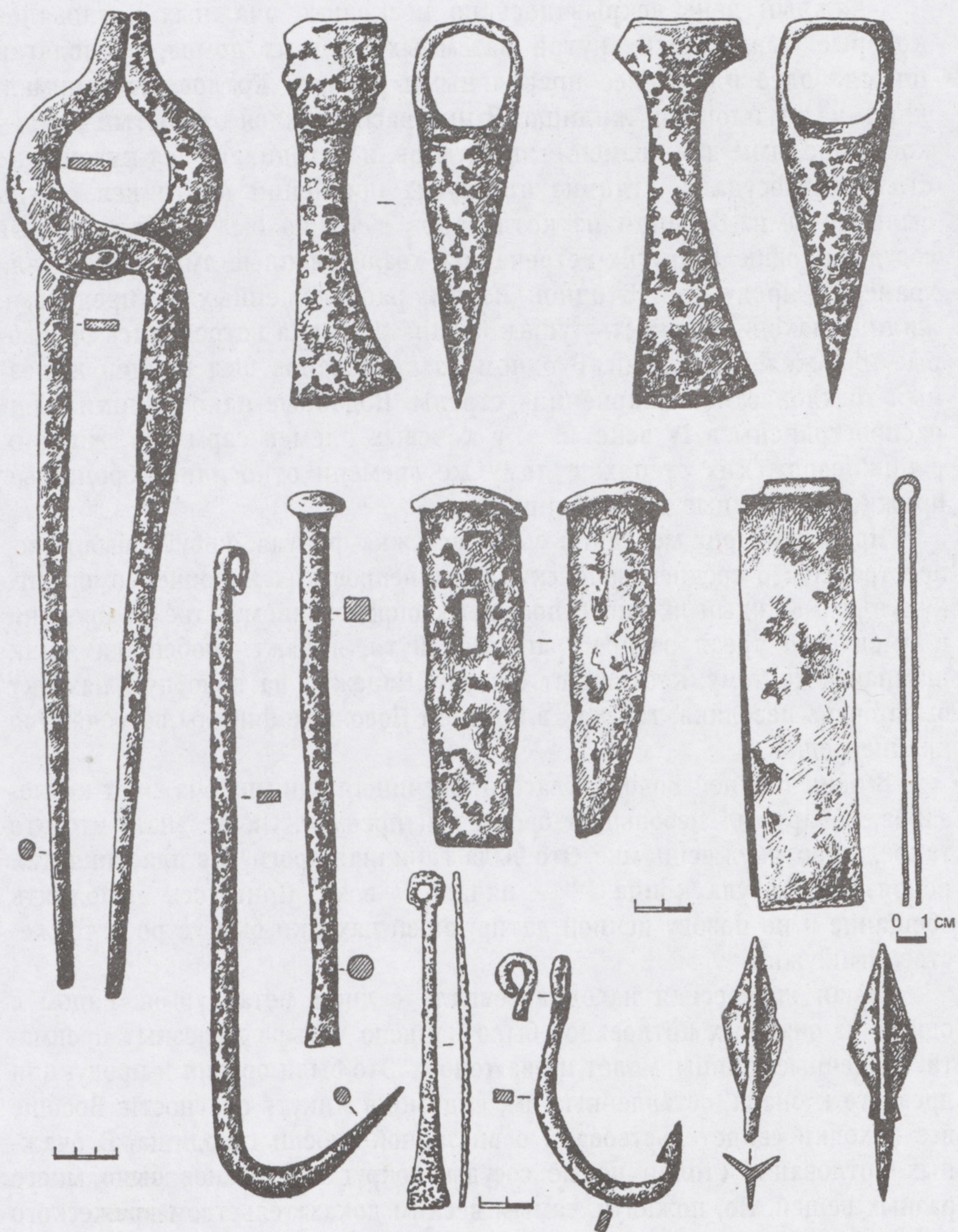
*Горшковидные сосуды из жилищ и из культурного слоя городища
Лбище*

Каждый день вскрывалось по несколько очажных котлованов, которые вырывались внутри наземных срубных домов, располагавшихся более или менее правильными рядами. Котлованы занимали лишь часть площади жилища. В них располагался открытый очаг — кострище, ямы для хранения продуктов, и находилась вся кухонная и столовая посуда, в отличие от других поселений почти вся посуда были целыми. В одном из котлованов в землю был врыт огромный сосуд-зерновик. В других встречались хозяйственные ямы-погребки для хранения продуктов. В одной из ям, расположенных за пределами жилищ, находилась часть тушки барана. Изредка встречались бронзовые или железные вещи. В одном из котлованов был найден железный трехлопастной наконечник стрелы. Подобные наконечники были распространены в IV веке н. э. у кочевых племен сарматов, живших в нижневолжских степях. К тому же времени относились бронзовые пряжки, найденные на городище.

Пределом мопх мечтаний была застежка-фибула. Фибулы были распространены в средневропейских, приднепровских и причерноморских культурах. Каждый их тип относился к определенному отрезку времени и имел свой ареал распространения. Шутя, я даже пообещала ящик шампанского тому, кто найдет фибулу. Надежда на подобную находку была очень невелика, так как в Среднем Поволжье фибулы встречаются крайне редко.

В один из дней Володя Классен, расчищая один из очажных котлованов, обнаружил небольшой бронзовый предмет. Он не знал, что это такое, и протянул вещь мне. Это была типичная прогнутая пластинчатая подвязная фибула конца IV — начала V века. Пришлось выполнять обещание и по поводу ценной датирующей находки был устроен торжественный ужин.

Самая интересная находка совпала с днем металлургов. Рядом с одним из очажных котлованов было найдено четыре железных предмета: кузнечные щипцы, молот и два топора. Это были орудия и продукция древнего кузнеца, оставленные им, видимо, в минуту опасности. Вообще все находки свидетельствовали о внезапной гибели городища. В очажных котлованах стояли целые сосуды, вокруг котлованов было много разных вещей. Но, пожалуй, самым веским доказательством вражеского набега были скелеты убитых людей, лежавших в неестественных позах в разных частях городища. Судя по находкам фибулы, пряжек, трехлопастных наконечников стрел, городище было захвачено врагами и сожжено в самом конце IV века.

Железные и бронзовые изделия с городища Лбище

Лбищенские памятники очень близки к именьковским. Однако нельзя не заметить и некоторых отличий: именьковские жилища — полуземлянки с углубленным основанием, а лбищенские жилые постройки наземные, только для очагов в них вырыты котлованы. Миски на лбищенских поселениях составляют гораздо больший процент по отношению к общему количеству сосудов чем на именьковских. На Лбище больше сосудов с лощеной поверхностью чем на именьковских поселениях. Городище Лбище и другие памятники этого типа датируются IV и возможно III веком н. э., а именьковская культура бытовала с V по VII век.

Исследование городища Лбища и других аналогичных ему памятников подтвердило гипотезу о связи именьковской культуры с зарубинецкой культурой.

Тут необходимо хотя бы кратко познакомить читателя с зарубинецкой культурой. Она сложилась в начале II века до н. э. на территории Верхнего и Среднего Поднепровья и Припятьского Полесья. Поселения зарубинецкой культуры: городища, защищенные валами и рвами и неукрепленные селища. Жилища в Верхнем Поднепровье наземные или слегка углубленные, в Среднем Поднепровье — квадратные или прямоугольные полуземлянки, углубленные в материк на 0,3—0,8 м от современной поверхности. Стены их были каркасно-плетневыми. В Полесье исследованы прямоугольные полуземлянки глубиной не менее 1 м. Во всех жилищах находились открытые очаги-коstriца, иногда огороженные каменной или глиняной стенкой. Крыши, по предположению исследователей, были двухскатными. Кровлей служила солома или камыш, положенные на основу из жердей.

Кроме жилищ на всех зарубинецких поселениях имеются хозяйственные ямы цилиндрической или колоколовидной формы. Внутри они облицовывались корой или деревом и покрывались крышками, обмазанными глиной.

Могильники размещались недалеко от поселений. Никаких внешних признаков в настоящее время могилы не имеют, но имели их в древности, так как случаев нарушения более ранних могил поздними не отмечено. Обряд трупосожжения был главным ритуальным обрядом у населения зарубинецкой культуры. Кремация производилась на стороне за пределами могильника. После нее недогоревшие кости собирали и помещали в могильные ямы прямоугольной, овальной или округлой формы глубиной от 0,2 до 1 м. Обычно кости ссыпали прямо на дно, реже помещали в сосудах-урнах. Иногда часть костей находилась в урнах, другая же высыпалась непосредственно на дно могилы. В Среднем Под-

непровье наряду с трупосожжениями встречаются трупоположения и могилы без останков человека — кенотафы. Во всех погребениях встречаются глиняные сосуды. Обычно их от одного до трех. Часто это горшок, миска и кружка. Из других вещей довольно часто встречаются бронзовые застежки-фибулы, булавки, трапециевидные и круглые с полусферными выступами подвески, а также бусы.

Сосуды изготовлялись из глины с примесью шамота, органики, реже песка или мелко истолченного камня. По способу обработки поверхности сосуды делятся на грубые, бугристые, встречающиеся, главным образом, на поселениях и лощеные, представленные большей частью в могильниках и реже на поселениях. Поверхность последних коричневая или черная. Грубые сосуды, как правило, имеют светло-коричневый цвет. Грубая посуда предназначалась для хранения продуктов и приготовления пищи, лощеная выполняла функцию столовой посуды и использовалась в ритуальных целях. По форме сосуды делятся на горшки, миски и кружки.

Горшки различны по размерам: от огромных корчаг до миниатюрных сосудиков. В корчагах хранили зерно, мясо, рыбу, молоко, мед и воду. Их вместимость до 25—30 литров. Миски — столовая посуда были разнообразны по формам: округлобокие, остросереберные, со сглаженным ребром. Кружки напоминают маленькие горшочки с ручками. Довольно часто встречаются воронкообразные крышки. Наиболее характерны они для Среднего Поднепровья.

Кроме сосудов находятся большие глиняные диски с бортиками или без бортиков. Одна сторона их тщательно заглаженная, другая грубая с отпечатками золы, мякины, зерен. Эти диски служили сковородами-лепешечницами. На них пекли хлеб и блины. Из глины делали биконические пряслица для веретен.

Важную роль в хозяйстве зарубинецких племен играло земледелие. На поселениях часто встречаются серпы, косы, зернотерки, а также отпечатки зерен на днищах сосудов. Серпы были довольно примитивны, но ими можно было срезать колоски таких злаков как просо, ячмень или полба.

Землю, по-видимому, обрабатывали деревянными, очень простыми по устройству ралами, которые у населения Восточной Европы были известны с эпохи бронзы.

Системой землепользования был перелог, при котором восстановление плодородия почвы происходит без участия человека. Пойменные участки использовались ежегодно.

Население зарубинецкой культуры занималось разведением крупного и мелкого рогатого скота, лошадей, свиней. Были у зарубинцев и собаки. Животноводство давало больший экономический эффект, чем земледелие. У населения зарубинецкой культуры было мало зерна, но много мяса, молочных продуктов и кож. Вспомогательную роль играли охота и рыболовство. В зарубинецком обществе развивались различные ремесла: железоделательное, кузнечное, бронзолитейное, керамическое, а также ткачество.

В середине I века н. э. зарубинецкие племена покидают Полесье и переселяются на Волынь и в Верхнее Поднестровье, где смешиваются с жившими там племенами пшеворской культуры.

В третьей четверти I века н. э. происходит распад зарубинецкой культуры. По мнению одних исследователей, он вызван экспансией сарматских племен в Среднее Поднепровье и переселением готов в район нижнего течения р. Вислы. Другие видят причины распада в изменении климата. На рубеже нашей эры уменьшается количество осадков и происходит снижение влажности, вызвавшее высыхание почвы и понижение уровня грунтовых вод, уменьшение лесных массивов. В таких условиях возникает необходимость освоения новых территорий и поиска более плодородных земель. Зарубинецкое население в это время покидает свои исконные земли и устремляется в разных направлениях: на юго-запад, на восток и северо-восток. В короткий срок зарубинецкие племена осваивают Подесенье, восточную часть левобережья Днепра, бассейн Северского Донца. В I—II веках усиливается их влияние на дьяковскую культуру Волго-Окского междуречья и городецкую культуру Средней Оки. В настоящее время позднезарубинецкие поселения и могильники выявлены далеко на востоке: в Тамбовской и Саратовской областях. В период расселения на новые места в их культуре происходят существенные изменения, так как она испытывает влияние других культур: юхновской, пшеворской и культуры штрихованной керамики. Обычно памятники конца I и II веков н. э. называют уже не зарубинецкими, а позднезарубинецкими, так как они по-существу уже принадлежат к иной культуре.

Городище Лбище относится к IV веку, то есть к более позднему времени, чем позднезарубинецкие памятники, тем не менее в его культуре сохраняются черты классической зарубинецкой культуры. Это можно объяснить тем, что вероятно какая-то часть зарубинецких племен, скорее всего из Верхнего Поднепровья, раньше покинула свою территорию и переместилась в Среднее Поволжье до того, как зарубинецкая культура испытала инокультурные влияния. Длительное сохранение черт

классической зарубинецкой культуры в Поволжье также объяснимо. Дело в том, что в начале I тысячелетия н. э. территория современных Ульяновской и Самарской областей была почти незаселенной. Финно-угорские племена ананьинской культуры покинули эту территорию еще на рубеже VI и V веков до н. э. Городецкие же племена, продвинувшись с Оки, обитали только на Самарской Луке и к югу от нее в районе г. Хвалынска и Саратова. Между тем черноземы Среднего Поволжья были весьма плодородны и природные условия этого региона в целом очень благоприятны. Здесь были леса, богатые зверем, реки — рыбой, Волга и ее притоки служили водными путями.

Зарубинецкие племена не испытали в Среднем Поволжье инокультурного влияния и сохранили основные особенности своей культуры, так как пришли на незаселенную территорию.

В 1984 году в Москве состоялось всесоюзное совещание археологов, на котором я сделала доклад о городище Лбище. Помню как руководитель секции Владислав Всеволодович Кропоткин, выступая по поводу моего доклада, сказал: "Зарубинецкие материалы в Поволжье — невероятно, но очевидно".

В 1984 году в Куйбышевском университете состоялось выездное заседание ученого совета Института археологии. В нем приняли участие многие знатоки зарубинецкой, черняховской и других культур Поднепровья: Ксения Васильевна Каспарова, Владислав Всеволодович Кропоткин, Галина Федоровна Никитина, Марк Борисович Щукин, Светлана Петровна Пачкова, Леонид Давыдович Поболь и многие другие. Они познакомились с лбищенскими и именьковскими материалами в музее археологии Поволжья Куйбышевского университета и в областном краеведческом музее, и все были вынуждены признать большое сходство глиняной посуды городища Лбище с зарубинецкой керамикой, хотя объяснить столь длительное сохранение зарубинецких черт они не могли.

Памятники лбищенского типа выявлены пока только на Самарской Луке. Кроме городища Лбища известно еще Переволокское городище и несколько селищ. Однако есть основания предполагать, что число их значительно больше. Просто раскопки этих памятников не производились, а по небольшим коллекциям, собранным во время разведок, их невозможно отличить от именьковских. Есть основания предполагать, что памятники типа Лбища есть и за пределами Самарской Луки. Об этом свидетельствуют находки фрагментов сосудов со сглаженным ребром на городище Ош-Пандо в Мордовии, на Карлинском селище в Ульяновской области и на селище Полянки в Татарстане. Тем не менее

необходимо признать, что памятники лбищенского типа малочисленны по сравнению с именьковскими, которых в настоящее время известно более 600.

В конце IV — начале V века в Среднем Поволжье произошло резкое увеличение численности населения. В то же самое время складывается именьковская культура. Это было связано с массовым притоком в Поволжье населения с запада. Причиной миграции видимо было нашествие гуннов в Европу.

Гунны — кочевые племена, пришедшие из Центральной Азии в конце IV века. Они разгромили алан, племена черняховской культуры и продвинулись на запад в Паннонию на Дунай, все сокрушая на своем пути. Именно в это время прекратила существование черняховская культура, а также резко сократилась численность поселений пшеворской культуры в бассейне р. Вислы на территории современной Польши. Западные племена покинули свои земли и бежали далеко на северо-восток в Поволжье. Причины переселения именно в этот регион ясны. Во-первых, левобережье Среднего Поволжья было очень слабо заселено; во-вторых, здесь уже жили потомки переселившихся с запада родственных племен зарубинецкой и, возможно, пшеворской культур; в-третьих, Среднее Поволжье было весьма благоприятной областью в природном отношении. Здесь были реки, богатые рыбой, леса — зверем, грибами и ягодами, а главное здесь были плодородные черноземные почвы, что создавало условия для интенсивного развития земледелия. Волга и ее притоки служили водными путями, соединяющими этот регион с другими областями.

Переселение западных племен было массовым и видимо единовременным. Пришельцы быстро и легко смешались с родственным им лбищенским населением, и в результате этого смешения сложилась собственно именьковская культура.

Какие же конкретно племена пришли в Среднее Поволжье в эпоху великого переселения народов в конце IV века н. э.? Скорее всего это племена пшеворской культуры. На это указывает сходство погребального обряда именьковцев с обрядом славянской части погребений пшеворской культуры.

Пшеворская культура была распространена в бассейне р. Вислы на территории современной Польши. Она принадлежала германским и славянским племенам, которые часто жили на одних и тех же поселениях и хоронили умерших в общих могильниках. Крупнейший специалист в области славянской археологии В. В. Седов, проанализировав погребения одного из пшеворских могильников, выделил германские и славянские

погребения. Несмотря на то, что и славяне и германцы сжигали покойников, их погребения различались, во-первых, тем, что германцы помещали недогоревшие кости и пепел от сожжения в глиняные сосуды-урны, а славяне сыпали их непосредственно на дно могилы; во-вторых, в германских урновых погребениях часто встречается оружие: копья и мечи, что совершенно не характерно для славянских погребений; в-третьих, несколько различались формы сосудов.

В керамике именьковской культуры много черт, общих с пшеворской керамикой. Совпадают типы многих железных изделий: кос, серпов, скобелей и других. Высокий уровень развития металлургии у именьковских племен соответствует уровню развития этой отрасли у пшеворских племен района Новой Гуры и Светитокжицких гор. Такой же уровень развития металлургии был у племен черняховской культуры.

После исследования городища Лбище многие исследователи присоединились к точке зрения о западном происхождении племен именьковской культуры. Однако, в вопросе об их этнической принадлежности единства не было. Так казанский археолог Альфред Хасанович Халиков считал, что они были балтами, то есть говорили на языках балтийской ветви индо-европейской языковой семьи. Пытаясь доказать свою точку зрения, он ссылался на наличие слов балтского происхождения в мордовских (эрзянском и мокшанском) и в марийском языках. А. Х. Халиков считал, что эти слова заимствованы мордвой и марийцами у племен именьковской культуры.

Мне представлялось, что племена именьковской культуры — славяне. Чем подтверждалась эта гипотеза? Прежде всего сходством погребального обряда именьковских племен и славянской части погребений пшеворской культуры. У тех и других был обычай сожжения покойника где-то на стороне за пределами могильника. Несгоревшие кальцинированные кости высыпаются не в сосуд, а непосредственно на дно могилы. В могилах обычно встречаются сосуды и очень мало вещей. Все металлические вещи в тех и других могильниках носят следы пребывания в огне, а некоторые из них умышленно поломаны.

Характерной особенностью именьковской культуры является отсутствие собственных металлических женских украшений. Если украшения встречаются, то они, как правило, заимствованы у соседних племен. Известный знаток славянских древностей чешский ученый Любор Нидерле отмечал, что у славян не было этнических металлических женских украшений, и объяснял это тем, что славяне предпочитали укра-

шать костюм вышивкой. Это отличает именьковские племена от балтских и финно-угорских племен, у которых металлические украшения были широко распространены и являются непременной принадлежностью каждого погребения.

Совпадает уклад хозяйства именьковских и славянских племен. У тех и других ведущую роль играло земледелие. Возделывались одни и те же культуры: пшеница, рожь, овес, ячмень, горох, но особенно широко распространено у тех и других было просо. Одинаковы типы земледельческих орудий и способы хранения зерна. Однородно устройство зерновых ям, облицованных деревом. Следует отметить, что точно такие ямы у украинцев и южных русских бытовали в XX веке вплоть до коллективизации.

У славян и у именьковских племен сосуществовали два типа построек: подквадратные полуземлянки и длинные дома каркасно-столбовой конструкции. Правда именьковские полуземлянки отличаются большими размерами, а также наличием центрального столба. Отличаются и отопительные устройства. У именьковцев были открытые очаги, а в славянской пражско-корчакской культуре печи-каменки. Но здесь можно вновь сослаться на Любора Нидерле, который писал, что печи-каменки были заимствованы славянами у германцев в начале V века. Те славяне, которые ушли со своей территории ранее этого времени печей-каменок не имели. Л. Нидерле приводит в качестве примера славян, ушедших на Балканский полуостров.

В именьковской культуре широко распространены глиняные диски для выпечки лепешек. Такие же встречены во всех славянских культурах.

В Среднем Поволжье на территории распространения именьковской культуры довольно много рек, имеющих названия славянского происхождения, например, Бездна, Утка, Черемшан, Сок, Сулица. Интересно, что некоторые из этих названий или, как говорят лингвисты, гидронимов, упоминает в своей книге Ибн-Фадлан, посетивший Среднее Поволжье в 922 году н. э. Значит уже в первой четверти X века эти названия существовали, а следовательно имеют не позднее русское происхождение, а видимо восходят к именьковскому времени.

Ижевский этнограф В. В. Напольских нашел в пермских языках заимствования из позднеславянского языка, касающиеся земледелия и других видов хозяйственной деятельности. По его мнению, они могли появиться в VI—VII веках в период общения финно-угров с племенами именьковской культуры.

Видимо неслучайно арабские и персидские авторы, писавшие в X веке о волжских болгарях, обычно называют их саклаб или скалибами, что означает славяне. Многие современные исследователи считают, что это объясняется недостаточной осведомленностью восточных авторов, но с этим едва ли можно согласиться. Славянами называет болгар даже Ибн-Фадлан, секретарь миссии, направленной багдатским халифом Муктадиром в город Болгар по просьбе болгарского царя. Не зная к кому он едет Ибн-Фадлан не мог, поэтому к сведениям, содержащимся в его книге, можно отнестись с доверием.

Каковы же дальнейшие исторические судьбы племен именьковской культуры? Именьковские поселения и могильники прекращают существование не позднее второй половины VII века. Исчезновение их могло быть связано с вторжением в Среднее Поволжье болгар. Археологические материалы свидетельствуют о том, что первая волна болгарской миграции в Среднее Поволжье относится к концу VII века, а отдельные группы болгар видимо начали проникать на территорию именьковской культуры уже в VI веке (погребение в кургане у с. Новоселки).

Многие исследователи считают, что племена именьковской культуры в конце VII века покинули Среднее Поволжье. По мнению В. В. Седова, они переселились на левобережье Среднего Поднепровья, где на рубеже VII и VIII веков появились многочисленные племена со своей вполне сложившейся культурой, которых до этого в Поднепровье не было. Эта культура названа археологами волынцевской по с. Волынцево, где изучены ее памятники. Она была распространена от Брянска на севере до среднего течения рек Псла и Ворсклы. Позднее на основе волынцевской культуры сложилась роменская культура, принадлежащая славянскому племени северян. Возникает вопрос все ли именьковцы ушли из Среднего Поволжья?

В настоящее время ответить на него с полной уверенностью невозможно. Дело в том, что мы до сих пор не знаем в Среднем Поволжье ни одного поселения VIII—IX веков, так как пришедшие болгары были кочевниками. Места их временного обитания выявлены около села Гундоровка в Сергиевском районе и на Самарской Луке близ с. Шелехметь Волжского района. Видимо это следы стойбищ. Долговременные поселения отсутствуют. Это как будто свидетельствует о том, что все именьковское население покинуло Среднее Поволжье. Но можно предположить, что часть этого населения осталась. Дело в том, что именьковских поселений известно очень много — около 600, а раскопки проводились не более чем на 25 поселениях на всей обширной территории этой культу-

ры. По разведочным коллекциям, обычно содержащим небольшое количество обломков посуды при отсутствии находок, датирующих вещей, точно определить время существования поселения просто невозможно. Например, до начала раскопок городища Лбища мы считали, что оно относится к числу типичных именьковских памятников и датируется V—VII веками н. э., раскопки его позволили установить, что городище Лбище более ранний памятник, относящийся к IV, может быть даже к III веку н. э. Раскопки других поселений возможно позволят выявить именьковские материалы VIII—IX веков.

О том, что какая-то часть именьковского населения не покинула Среднее Поволжье свидетельствуют находки на болгарском селище у с. Пальцино в Ульяновской области наряду с болгарской керамикой большого количества обломков сосудов, очень напоминающих именьковские. Среди лепных сосудов болгарских поселений домонгольского периода, есть горшки, очень похожие на именьковские.

Полностью совпадают типы зерновых ям болгар и племен именьковской культуры. У болгар, пришедших в Среднее Поволжье пряслица изготовлялись из черепков сосудов, а у болгар домонгольского периода появляются пряслица, идентичные именьковским.

Территория Волжской Болгарии полностью совпадает с ареалом именьковской культуры, за исключением Бельско-Икского междуречья, откуда именьковские племена видимо были вытеснены племенами кушнарниковской культуры, которых считают венграми.

Видимо пришлое болгарское население ассимилировало оставшиеся в Среднем Поволжье группы именьковских племен. Не случайно один из восточных авторов X века Шамсетдин Димашки писал о том, что волжские болгары на вопрос, кто они такие, отвечают: "Мы — народ смешанный из тюрок и славян".

Смешение пришедших болгар с оставшимися в Среднем Поволжье славянами произошло видимо довольно быстро, возможно это объясняется тем, что, еще живя в Подонье, болгары поддерживали тесные контакты со славянами, жившими в непосредственной близости от них. Болгары, ушедшие на Дунай, также очень быстро смешались со славянами и даже восприняли их язык.

Старомайнское городище

После завершения работ на городище Лбище встала задача исследования именьковских памятников на территории Ульяновской области. Выбор пал на Старомайнское городище, которое интенсивно разрушалось Куйбышевским водохранилищем. Расположено оно было в живописнейшем месте, на высоком обрывистом мысу, окруженном со всех сторон Майнским заливом. Часть его уже была размыва Куйбышевским водохранилищем. В нескольких километрах к западу от городища река Майна впадала в Волгу и с городища было видно, как проносятся по ней быстрые ракеты и проплывают величавые теплоходы. К югу от городища, километрах в шести, за заливом находился районный центр Старая Майна. С востока за заливом стеной вставал сосновый бор. И только к северу была суша, здесь находилась небольшая березовая роща и простиралась поля, занимавшие всю площадь обширного селища, начинавшегося сразу за внешним валом городища. А дальше за полями стояла маленькая полуопустевшая деревенька Грязнуха, не пожелавшая примириться со своим неблагозвучным названием и присвоившая себе имя "Поселок Волжский". Когда-то эта деревня стояла ближе к районному центру на берегу р. Майны, но в связи с созданием Куйбышевского водохранилища была перенесена. В деревне жили в основном старики. Именно поэтому единственный представитель более молодого поколения Иван Антонов, скучавший в одиночестве, стал постоянным посетителем наших вечерних "заседаний" у костра. Он гостеприимно приглашал нас в свой сад, где мы с больших количествах поглощали малину. Одной из достопримечательностей окрестностей Грязнухи был "барский" сад, насаженный еще в прошлом столетии, вокруг барского дома, от которого ныне остался один фундамент. По словам старожилов, дом разобрали в конце 20-х годов, чтобы перенести его на другое место, но поставить его так и не удосужились.

В саду еще плодоносили некоторые деревья и кустарники: яблони, груши, вишни, но особенно много было слив. В траве краснела дикая клубника. Сад был излюбленным местом отдыха студентов, здесь они

обогащались витаминами и загорали на солнце. Был на краю деревни и другой заброшенный сад — вишневый, и в него мы иногда совершали набеги. В лесу поблизости от городища росла лесная малина — словом только ленивый мог здесь лишиться себя даров природы.

Окруженное с трех сторон водой Старомайское городище казалось изолированным, отрезанным от всего мира. Это создавало ощущение покоя, полноценного отдыха. Добраться до городища можно было только на лодке, преодолев шестикилометровый залив. Другой путь был более далеким: на катере можно было доплыть до турбазы километрах в десяти от городища и дойти оттуда пешком. Именно этим путем мы добирались в первый наш приезд на Майну в июле 1984 года.

Когда мы, наконец, оказались в березовой роще около городища, уже темнело. К тому же накрапывал дождь. Едва мы успели поставить два больших шатра и внести в один из них продукты и инвентарь, как хлынул настоящий ливень. Все укрылись во втором свободном от продуктов шатре. Людей было много и лечь было просто невозможно, поэтому я легла на раскладушку на улице под дождем и, засыпая, почувствовала, что кто-то набросил на меня плащ-палатку. Ночью дождь прошел и было очень тепло. Мне навсегда запомнился этот ночлег под дождем.

То лето не баловало нас хорошей погодой. Все последующие дни после приезда шли дожди. С трудом удалось поставить остальные палатки и разбить раскоп. Но начинать раскопки было невозможно. Земля была насквозь пропитана водой и копать ее было нельзя.

Уже на второй день выяснилось, что в Грязнуху привозят хлеб в ограниченном количестве и давать его нам отказались. Мне пришлось ехать в Старую Майну. Старик-лодочник перевез меня и возвратился в Грязнуху. Было трудно рассчитывать на то, что кто-то поедет туда в столь дождливую погоду, поэтому я рисковала остаться в Старой Майне до следующего дня.

Прежде всего я отправилась в горком партии, где была принята третьим секретарем. Я объяснила ситуацию и попросила оказать содействие в обеспечении экспедиции хлебом. Так как перебои с хлебом были не только в Грязнухе, но и в Старой Майне, мне дали записку на хлебозавод, по которой я могла в тот же день получить хлеб, а в последующие дни его должны были привозить для нас в Грязнуху.

Окрыленная успехом я под проливным дождем пошла на хлебозавод, чтобы привезти в лагерь хоть несколько буханок. По пути я зашла на маслозавод и купила большие картонные коробки, которые очень

быстро промокли. Я еще не знала, как я буду возвращаться через залив, но, подойдя к хлебозаводу, вдруг увидела машину и шофера, грузившего в нее хлеб. На вопрос, куда идет машина, шофер ответил: “В Грязнуху”. Я даже не сразу поверила ему. Это было огромное везение, так как машины ходили из Майны в Грязнуху редко. Теперь можно было привезти хлеба на несколько дней. Получив хлеб, я благополучно добралась до городища окольной дорогой километров в пятьдесят длиной.

Прошло несколько дней, дожди наконец прекратились и мы пошли осматривать городище и прилегающее к нему селище. Мыс, на котором находилось городище, разрушался сразу с двух сторон: с южной — водохранилищем, а с юго-западной — огромным оврагом. В обнажениях над красной материковой глиной залегал темный, насыщенный золой культурный слой с углубленными в материк жилищными котлованами, цилиндрическими и колоколовидными хозяйственными ямами.

Раскоп был заложен у самого обрыва. Штык за штыком снимался культурный слой. Когда он полностью был расчищен, результаты работ превзошли наши самые смелые предположения. Почти в центре раскопа был выявлен неглубокий котлован жилища размером 9×4,8 м. У краев котлована по периметру располагались столбовые ямы прямоугольной формы. В них некогда были врыты столбы, составлявшие каркас жилища.

Дом делился на две половины, хотя следов перегородки не прослежено. Восточная половина была жилой, отапливаемой. Пол в ней был тщательно утрамбован. В средней части этой половины находился очаг-кострище в виде скопления золы и прокаленного пятна под ним. Поверх золы лежала свернутая в трубочку недогоревшая береста. Вокруг костра располагались небольшие ямы, в одной из которых находилась миска. Возможно ямы были предназначены для хранения посуды.

Западная половина была неотапливаемой. В ней обнаружено несколько хозяйственных ям. Две из них лишь частично находились в жилище, так как выходили за его пределы. Почти в центре располагалась очень глубокая яма, в которой хранилась рыба, так как было найдено очень много рыбьих костей и чешуи. Сохранность жилища была прекрасной. Его довольно легко можно было реконструировать. Мне было очень жалко, что никто из археологов не видит этого прекрасного сооружения. Зато студенты могли в полной мере представить себе раннесредневековый дом.

Неподалеку от жилища находилась яма для обжига посуды с сильно прокаленными стенками. Она соединялась с другой ямой, в которой стояла готовая продукция: два горшка и три миски, опрокинутые друг

на друга вверх днищами. Рядом стояла на боку, прислоненная к стенке сковорода — лепешечница.

В экспедиции было трое школьников. Их добровольным ментором был студент Ростик Калин. Он проводил с детьми все свободное от работы время. Раздобыв где-то старую рассохшуюся лодку, ребята под руководством Ростика в тайне от всех занялись ее починкой. Наконец, тщательно просмоленная лодка была готова, и Ростик попросил отпустить его с раскопа на два часа раньше, как раз тогда, когда кончалось время работы школьников. Мы были еще на раскопе, когда довольно далеко от берега мы заметили лодку с алыми парусами. Между тем погода испортилась, внезапно подул сильный ветер. На заливе поднялись огромные волны. Юные мореплаватели гребли, но не могли противостоять ветру и их лодка не двигалась с места. Ситуация была довольно опасной. Помочь школьницам мы не могли, так как у нас не было другой лодки, а добраться вплавь по волнам было едва ли возможно. Я знала, что из сидевших в лодке только Ростик и 14-летняя Наташа Кравцова умели плавать. Два девятилетних Саши только еще постигали премудрость плавания. Мы с волнением ожидали чем кончится это рискованное путешествие. К счастью, ветер изменил направление и незадачливые моряки, наконец, смогли приблизиться к берегу. Мне пришлось сделать серьезное внушение Ростикю.

Между тем приближался день военно-морского флота и студенты решили в честь его провести морской парад. Они выпросили у местных жителей несколько лодок. Утром, поставив их в ряд, вся мужская часть участников экспедиции выстроилась на лодках. Все они были в розовых “семейных” трусах с крупными белыми горошинами и белых панاماх. Командовал парадом адмирал Александр Набоков. Общая для всех участников парада форма у него была дополнена бушлатом.

После парада начались учения. Доблестные моряки потопили вражескую подводную лодку, которую мастерски изображал Ростик, запустив торпеду (Лену Ковалеву), а затем глубинную бомбу (Ларису Плахову).

У подножья городища в залив врзалась узкой полосой песчаная коса. Утром на косе в ряд сидели чайки, напоминая жемчужины, нанизанные на нить. Коса то уменьшалась, когда вода прибывала, то увеличивалась, когда вода отступала. К северу от косы была большая отмель шириной в несколько десятков метров, к югу коса резко обрывалась, и была значительная глубина. Пожалуй, нигде в Поволжье я не встречала места более удобного для купания чем в Майне. В перерыв все устремились на косу купаться и загорать. Правда первый год работ на Ста-

ромайнском городище был очень дождливым и прохладным, поэтому купаться удавалось далеко не каждый день. Зато в последующие годы было очень много жарких дней и студенты вдоволь насладились купанием.

Каждая экспедиция начиналась моей инструкцией по технике безопасности. Я категорически запрещала заплывать далеко от берега, обещая сразу же выдворить нарушителя из лагеря, поэтому студенты далеко не заплывали. Лишь в 1990 году нашлись весьма дерзкие нарушители. Произошло это так. Мы работали на раскопе до полудня. Было очень жарко, поэтому я разрешила в последний перерыв искупаться всем желающим освежиться. Студенты сбежали на песчаную косу и через 10 минут были уже на раскопе. Я снимала план каких-то сооружений, поэтому не заметила, что два человека: Андрей Осташкин и Наташа Папина не возвратились на раскоп. Ребята, конечно, сразу заметили их исчезновение, и кто-то сбегал вниз к воде и обнаружил только их одежду. Среди студентов началась паника. Кое-как доработав до перерыва, они снова ринулись к воде, осмотрели весь берег, но никого не нашли. Когда студенты уже решили пойти ко мне и сообщить о пропаже людей, к берегу подплыла лодка, в которой сидели Андрей и Наташа. Они рассказали, что решили добраться вплавь до стоянки теплоходов, находившейся километрах в пяти на противоположном берегу залива. Сначала плыли легко, затем устали и с трудом добрались до берега. Выйдя на берег, они в изнеможении опустились на землю, не допуская даже мысли о возвращении вплавь. Просидев около часа, они увидели подплывающую моторку и упростили ее хозяина довезти их до городища.

Когда путешественники вернулись, я все еще была на раскопе, и ребята решили скрыть от меня все это происшествие. Однако, дня через два Сережа Краснов проговорился, и я узнала всю эту историю. Чтобы сдержать обещание, я потребовала, чтобы нарушители дисциплины немедленного покинули лагерь, и только долгие мольбы и поручительства однокурсников спасли их от этой кары, тем более до отъезда оставалось всего два дня.

Семь полевых сезонов провели мы на Старомайнском городище, исследовав значительную часть его. Постепенно нашим взорам открывалось огромное поселение, занимавшее мыс и примыкавшую к нему обширную территорию. В именьковское время был только один, но очень мощный вал, имевший кокошничкообразную форму. С наружной стороны он был крутым и обрывистым, а с внутренней пологим, плавно переходящим в площадку городища. С восточной стороны по краю мыса также прохо-

дил небольшой вал. За валом простиралось большое селище, занимавшее не только незащищенную часть мыса, но и выходило за его пределы.

Через три—четыре столетия после того как именьковцы покинули городище, на него пришли болгары. Они построили еще два вала, отличающихся от именьковских наличием проездов.

В именьковский период существования городища на мысу, защищенном валом, находился поселок. Дома располагались более или менее правильными рядами параллельно берегу Майны. Они были разными по размерам и по конструкции. Одни из них прямоугольные, со слабо углубленным основанием в землю. Ширина их обычно составляла около 5 м, длина различная: от 9 до 22 м. Основу, каркас домов составляли затесанные столбы квадратные или прямоугольные в сечении, стены состояли из горизонтально уложенных бревен, возможно также затесанных и имеющих заостренные концы, вставляемые в пазы стоявших столбов. Крыши были двухскатные, каркас их был из жердей, а кровля соломенная. Выход из дома обычно находился в юго-западной стене дома. Иногда дома делились на два, а в одном случае на три отдельных помещения. В одном из них обычно находилась кухня. В центре ее располагался открытый очаг-коstriще, иногда окруженный невысокой каменной стенкой. Неподалеку от очага находились ямы, в которых стояли большие сосуды для хранения продуктов: зерна, мяса, рыбы, молочных продуктов, меда. Здесь были обнаружены жернова, на которых размалывалось зерно, стояла кухонная и столовая посуда, а также многочисленные диски — лепешечницы, на которых пекли блины и лепешки.

Вдоль стен располагались скамьи или нары для сна. В самом большом доме, длина которого составляла 22 м, было три помещения. Крайнее с запада помещение было кухней с очагом и ямами для продуктов. В двух других помещениях тоже были очаги, но вокруг них почти не было посуды, в ямах, находившихся в этих помещениях, не было больших сосудов, видимо эти ямы были предназначены не для хранения продуктов, а для каких-то иных целей.

Кроме длинных домов встречены квадратные, довольно большие жилища размером 8×8 или 7×7 м. Основания этих жилищ были более углубленными в материк. Дома были бревенчатыми срубными. В центре их находился центральный столб, поддерживавший кровлю. крыша была четырехскатной, ее основа состояла из жердей, а кровля из соломы. Неподалеку от столба, близко от центра находился очаг. Обычно он разводился в неглубокой цилиндрической в плане яме. Видимо центральный столб приходилось обмазывать глиной, чтобы он не загорелся

от находящегося поблизости очага. В углах также были вырыты неглубокие ямы, цилиндрические в плане. Назначение их не вполне ясно. Возможно в них ставили деревянные бочки для воды. В одном из квадратных домов кроме очага, расположенного в яме, в северо-восточном углу обнаружена печь-каменка.

Иногда дома имели пристройки, в которых также располагались хозяйственные ямы. Некоторые ямы выкапывались в непосредственной близости от стен и часть их выходила за пределы дома. Видимо выходящая за пределы дома часть ямы тщательно укрывалась деревянными крышками, обмазанными глиной. Такие ямы были предназначены для хранения корнеплодов: репы, редьки, которые выращивались именьковцами. Ямы были очень удобны, так как их содержимое можно было извлекать, не выходя из дома. Кроме того, такие ямы могли служить запасными выходами из жилищ в случае какой-то непредвиденной опасности.

Пол во всех жилищах был земляной, тщательно утрамбованный, ровный. Во всех жилищах на полу прослеживается толстая сажистая прослойка — видимо следы рухнувшей кровли. Иногда пол был обмазан глиной. В полу одного из жилищ была вырыта небольшая ямка, в которой был погребен новорожденный ребенок. Обычай хоронить младенцев под полом жилищ был распространен у многих народов.

Вокруг жилищ находились многочисленные ямы, многие из них были предназначены для хранения продуктов. Самыми крупными были ямы для зерна. Они имели цилиндрическую или колоколовидную расширяющуюся книзу форму. Стенки их обжигались при помощи соломы и облицовывались деревом. Диаметр и глубина ям обычно составляли около 1 м. Сверху ямы покрывались деревянными крышками, обмазанными глиной. Очень часто в таких ямах встречаются обугленные зерна пшеницы, овса, ячменя. Просо иногда сохраняется даже не в обугленном виде, представляя собой спекшуюся массу желтоватого цвета, в которой заметны оболочки зерен. Зерно в таких ямах без доступа воздуха могло храниться годами. Иногда в ямах прятали особо ценные вещи, например, привозимые иранскими купцами монеты правителей династии Сасанидов. В одной из ям найдены обугленные желуди — корм для свиней.

Иную форму имели погреба для хранения молочных и мясных продуктов. Нередко они цилиндрические с примыкающей к ним менее глубокой ямой прямоугольной формы. Рыбу хранили в самых глубоких, до 2 м и более, ямах, напоминающих колодцы.

Дома и расположенные вокруг них ямы обычно обносились плетнем или забором и составляли усадьбы, принадлежащие отдельным се-

мьям, которые уже выделились из общины и вели индивидуальное хозяйство. Семья, а не община к этому времени была уже основной экономической ячейкой. Судя по всему, все дома были выстроены почти одновременно, вероятно в V веке. Характер некоторых находок свидетельствует, что первые поселенцы городища пришли с запада, передвигались они по р. Ока и где-то в среднем его течении вступали в контакты с финно-угорскими племенами, оставившими рязано-окские могильники. Об этом свидетельствуют некоторые находимые в жилищах вещи: серебряный перстень с шумящими подвесками, фибула крестовидной формы, так называемого рязано-окского типа, подвески-колокольчики и другие. Чем это можно объяснить? Торговыми связями? Приходом в Среднее Поволжье части финно-угорских племен с Средней Оки? А может быть это результат межплеменных браков, заключаемых между представителями, переселяющихся с запада племен с финно-угорским женщинами, жившими на Оке?

Находки орудий труда позволили определить основные отрасли хозяйства обитателей Старомайнского городища. Это наральники — железные палочники примитивных пахотных орудий рал, применяемых для вспашки луговых земель, серпы, косы-горбуши. Ясно, что земледелие играло ведущую роль в жизни именьковских племен. Уровень развития земледелия у именьковцев был выше чем у финно-угорских племен Среднего Поволжья, у которых, по мнению исследователей, ведущей системой земледелия было подсечно-огневое, так как пахотных орудий, способных переворачивать пласты земли не найдено.

Анализ найденных на городище костей показал, что его обитатели разводили крупный и мелкий рогатый скот, лошадей и свиней. Немаловажную роль в их хозяйстве играли охота и особенно рыболовство.

В течение всех лет работы на Старомайском городище мы пытались найти могильник, где его обитатели хоронили своих умерших сородичей. Однажды в обнажении обрыва мы увидели очертания могильных ям. Сразу же заложили там раскоп, однако могильник оказался мусульманским. Он принадлежал болгарам, жившим на городище через триста лет после именьковцев. Правда студент Дима Стащенко нашел несколько обгорелых косточек, но считать их остатками именьковских погребений было нельзя. Открытие именьковского могильника, связанного со Старомайским городищем — дело будущего.

Загадки каменных курганов

Одной из достопримечательностей Самарской Луки являются курганные могильники, тянущиеся цепью вдоль ее южной оконечности между поймой и Жигулевскими горами.

Насыпи курганов содержат большое количество известняковых камней, благодаря этому курганы, находящиеся на полях, остались нераспаханными, хотя попытки их распахать предпринимались неоднократно. Летом курганы выглядят весьма живописно, так как все они поросли дикими мальвами и выделяются среди полей в виде нежно-розовых островков.

Исследование курганов на Самарской Луке началось в 20-х годах XX столетия. В 1920 году профессор Самарского университета П. А. Преображенский открыл в 4,5 км к западу от села Рождествено курганный групп. 14 мая 1922 года в Рождествено выехала группа слушателей высших этнолого-археологических курсов под руководством В. В. Гольмстен, которая не только обследовала открытый П. А. Преображенским курганный могильник, но и открыла два других, расположенных к западу от него, между селами Рождествено и Новинки.

В сентябре того же года экспедиция Общества археологии, истории, этнографии и естествознания произвела раскопки трех курганов в I Новинковском могильнике, расположенном близ села Новинки и курганов во II Новинковском могильнике, находящемся в 5 км к западу от с. Рождествено. Экспедиция почти не финансировалась университетом, поэтому средства на проезд и питание участники вносили сами. В этих условиях крупномасштабные работы были невозможны. Курганы копали "колодцами", закладывая прямоугольные или квадратные раскопы в их центральной части. В настоящее время никто уже не копает курганы таким образом, так как при таком способе раскопок погребения, находящиеся не в центре курганов остаются неисследованными. Всего было расчищено 5 погребений. Все они оказались очень бедными. Это затруднило определение культурной принадлежности курганов, однако благодаря находке поясной накладки и наконечника стрелы удалось датиро-

вать курганы VIII—IX вв. К сожалению, результаты этих раскопок остались неопубликованными.

Уже в первый год работ Средневолжской археологической экспедиции Куйбышевского университета в 1970 году мы решили возобновить работы по исследованию курганов Самарской Луки. Для раскопок был выбран могильник, открытый профессором П. А. Преображенским в 4,5 км к западу от с. Рождествено, впоследствии получивший название III Рождественский.

Наш лагерь находился у восточной окраины села Шелехметь. Каждый день около 7 часов утра мы садились в кузов нашей допотопной машины, прозванной студентами “Автодород ужасов” и отправлялись на место раскопок. В то засушливое лето дороги были особенно пыльными. Машина буквально утопала в клубах пыли, которая проникала в крытый брезентом кузов, и студенты вылезали из машины с коричневато-серыми от пыли лицами. Однако вскоре способ избавления от пыли был изобретен. В брезентовом тенте, покрывавшем кузов, было много дыр и студенты стали просовывать в них головы. Жители Шелехмети с изумлением смотрели на проносившуюся мимо их домов крытую машину, напоминающую многоглавого дракона. Дороги на Луке были еще не заасфальтированными и сильно разбитыми. Однажды во время поездки в поселок ДРД “Автодору” так подбросило на ухабе, что сидевшая в кабине студентка Нина Ярославцева откусила частицу собственного языка и посадила огромную шишку, ударившись головой о верх кабины.

Студентов было много, поэтому мы начали раскопки сразу трех курганов. Перед началом раскопок измеряется диаметр и высота кургана. Двумя взаимоперпендикулярными полосками — бровками, проходящими через центр кургана, он делится на четыре сектора. Затем каждый сектор делится, в зависимости от размеров кургана, на два или три кольца. Снятие насыпи начинается с внешнего кольца. После снятия насыпи и почвы во внешнем кольце производится его тщательная зачистка. Если в этой части кургана есть погребение, могилу нетрудно заметить, так как она обычно выделяется на фоне материка более темной окраской, мягкостью и рыхлостью заполнения. После снятия внешнего кольца, раскапывается второе, расположенное ближе к центру, и так до тех пор, пока насыпь и почвенный слой не будут сняты до материка. Перекрещивающиеся в центре кургана полоски — бровки оставляются до тех пор, пока не раскопан весь курган. На них хорошо видно, из чего состоит насыпь кургана, какие слои и прослойки в ней имеются, во сколько приемов она сооружалась. Коро-

че говоря, бровки оставляются для того, чтобы можно было вычертить на миллиметровке профиль кургана.

Раскопки курганов на Самарской Луке — дело нелегкое, так как в их насыпях содержится огромное количество крупных известняковых камней, представляющих иногда огромные трудноподъемные глыбы. Нашим мужчинам пришлось серьезно потрудиться, вынимая и перемещая эти камни. Тем более, что большую часть практикантов составляли девушки, потому что почти всех ребят курса отправили работать в стройотряд.

Первый курган порадовал нас впускным погребением. Могила была вырыта в насыпи кургана спустя некоторое время после того, как он был сооружен. Костяк взрослого человека лежал на спине головой на север. Руки были согнуты в локтях и их кисти покоились на тазовых костях. В области пояса погребенного была найдена железная пряжка трапециевидной формы. В другой части насыпи мы нашли небольшое, видимо детское железное стремя восьмеркообразной формы. Студенты радовались, предвкушая богатство основного погребения, очертания которого уже прослеживались в центре кургана. Однако наши надежды не оправдались: центральная могила была почти пустой, в ней найден был лишь стилетообразный железный предмет с навершием в виде двух спиральнозакрученных волют. Мы решили, что погребение разграблено в древности. Это очень огорчило начинающих исследователей. Почти пустыми оказались могилы в двух других исследованных курганах. Подобные разочарования нередки в жизни археологов. С древнейших времен курганы привлекали к себе внимание людей, жаждавших наживы. Грабители, не жалея сил, проникали в могилы, разрушая костяки погребенных людей и забирая все, что их сопровождало. Жажда обогащения была сильнее страха перед умершим. Впрочем, как выяснилось позднее, пустота могил Рождественского могильника — результат не ограбления, а ритуальных действий, совершаемых родичами покойного, спустя некоторое время после его захоронения. Но об этом речь пойдет чуть позднее.

К III Рождественскому могильнику мы возвращались еще дважды в 1978 и 1979 годах. В одном из курганов оба погребения оказались разрушенными. Кости были разбросаны в беспорядке, однако вместе с ними были найдены серебряные и золотые пуговицы, железный рыболовный крючок и бесформенные обломки железных предметов.

В другом кургане центральное погребение было нарушено грабительским вкопом. Все кости были разбросаны по могиле, непо потревожен-

ными оставались лишь кости ног. Среди костей найдены обломок железного ножа, два наконечника стрел и рыболовный крючок.

Два других погребения, находившиеся в северной части кургана, не были ограблены. Одно из них принадлежало молодой женщине, вместе с ней было найдено глиняное пряслице, надевавшееся на веретено и железная стилетообразная булавка с волотовидным навершием. В другом погребении были найдены железные пряжка и кольцо. Судя по форме наконечников стрел, погребения относились к VIII веку.

В 1980 году экспедиция университета продолжила раскопки курганов на Самарской Луке. На этот раз объектом исследования стал II курганный Рождественский могильник. Он находился в 5 км к западу от с. Рождествено на мысу, образованном надпойменной террасой Волги. К югу от него простиралась широкая пойма Волги с сочными высокими травами, которые почему-то никто не косил. До Волги было довольно далеко, родников рядом с курганами не было, поэтому воду для питья приходилось приносить с собой. Лагерь наш на этот раз находился на западной окраине села Шелехметь. В нашем распоряжении был автобус и мы быстро добирались до могильника.

В тот год все сотрудники экспедиции и студенты старших курсов работали в Краснодарском крае, где исследовали курганы в зоне строительства гидромелиоративных сооружений. На Самарскую Луку приехали только первокурсники-практиканты. Из сотрудников были я, Юрий Анатольевич Семькин, только что закончивший наш университет, а также научный сотрудник музея краеведения Руфина Миннуровна Ключникова. Вскоре после нашего приезда в Шелехметь, прибыло пополнение — студенты Пензенского пединститута под руководством доцента Виталия Ивановича Лебедева и группа членов археологического кружка городской станции юных туристов во главе с Александром Васильевичем Растороповым. Это позволило вести работу сразу на двух памятниках: на II Новинковском могильнике и на селище Ош-Пандо-Нерь. Пензенцы разбили свой лагерь неподалеку от нашего и каждый вечер между лагерями пылал один общий костер и гитаристы из обоих городов спешили сменять друг друга. Между соседями завязалась настоящая дружба. И в последующие годы некоторые пензенские студенты приезжали работать в нашей экспедиции.

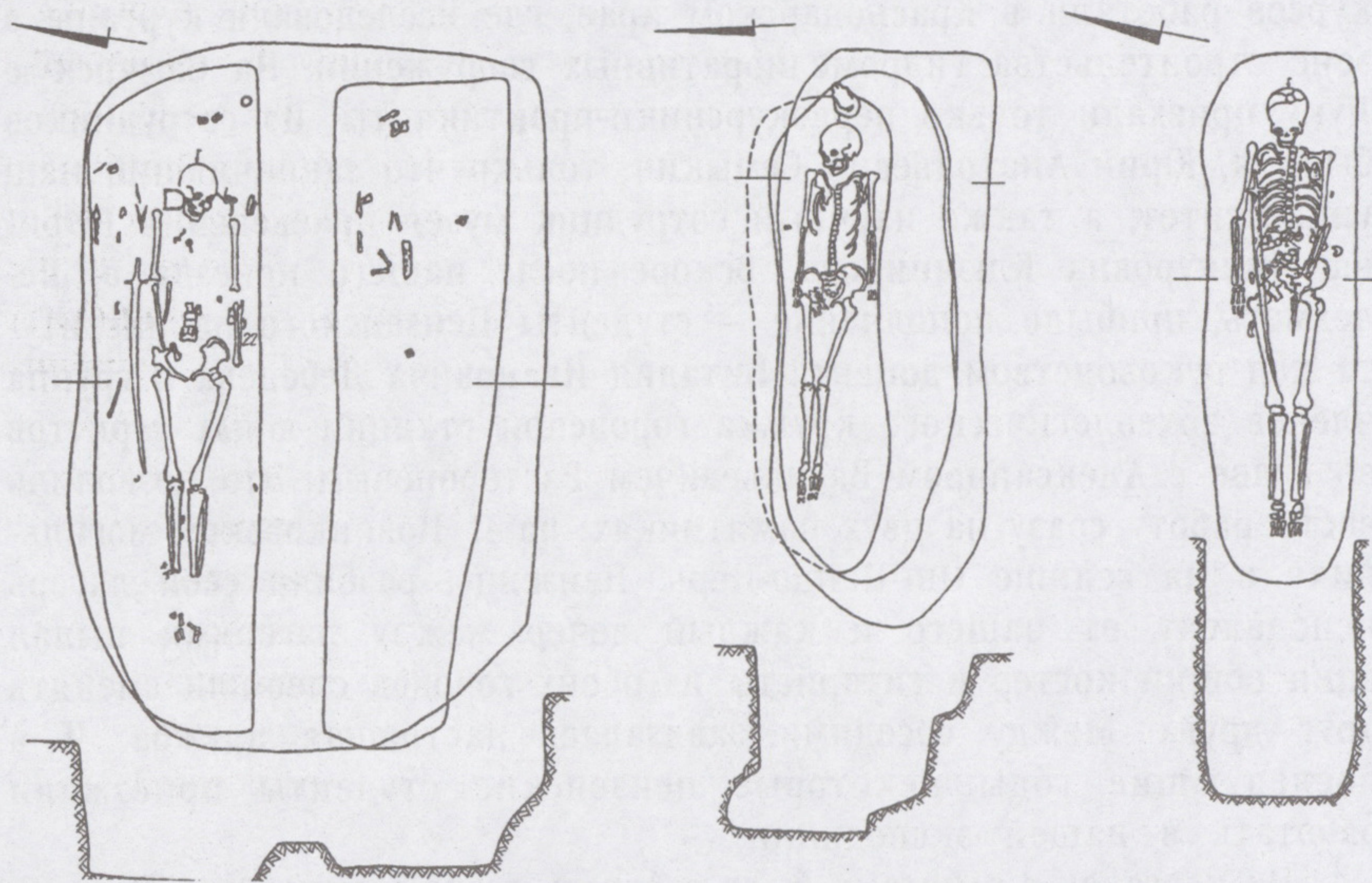
На курганах с ребятами было работать легко и интересно. Все они понимали с полуслова: старательно расчищали камни, переносили их за пределы кургана и снимали земляную насыпь. Пензенцы под руковод-

ством Александра Расторопова вскрывали самый большой курган N 4, пять остальных курганов достались нашим студентам.

Нам удалось проследить, что земля для сооружения насыпи бралась из неглубоких ровиков, окружавших почти все курганы. Могильник возник на месте более древнего поселения именьковской культуры, относящегося к V—VII векам н. э. Поэтому насыпи курганов состояли из культурного слоя этого поселения и в них встречались фрагменты сосудов именьковской культуры, а иногда железные и бронзовые изделия.

Все курганы были обложены камнями. На одних из них обкладки представляли сплошной щит из плотно прилегающих друг к другу камней, на других камни лежали более разреженно, наконец третьи курганы имели лишь выкладки непосредственно над могилами. В насыпях курганов встречались зубы и кости лошадей, а иногда целые конские черепа. Над центральными погребениями самых крупных курганов были мощные многослойные кладки из камней.

После снятия насыпи на фоне красноватой материковой глины четко вырисовывались погребения. Могилы имели овальную или прямоугольную форму. Размеры прямоугольных ям обычно соответствовали росту погребенных в них людей, а овальные могилы были более простор-

Планы погребений Новинковского курганного могильника

ными, их длина достигала 2,8–3 м, а ширина — 1–2,5 м. Обычно они имели ступеньку в южной стенке и подкоп-подбой в северной. Подбой или ступеньки были и у некоторых прямоугольных ям. Почти все исследованные погребения были разрушены еще в древности, несмотря на это во многих из них были найдены вещи. В мужских погребениях — наконечники стрел, железные поясные пряжки, в женских — пряслица, бусы, серьги и браслеты. Девочки аккуратно ножами и кисточками расчищали погребения, стараясь не сдвинуть с места ни одной косточки, ни одной сопровождающей погребенного вещи. Все погребения описывались, фотографировались и точно зарисовывались в уменьшенном в 10 раз виде.

Работы 1980 года позволили детально проследить погребальный обряд Новинковского II курганного могильника, а находки ряда вещей уточнить его дату. Например, серьги в виде незамкнутого кольца с многогранником на одном конце изготавливались во второй половине VI — VII вв. н. э., а цилиндрические бусы из непрозрачного стекла с восемью полукруглыми выступами-“бородавками” — в VIII веке. Следовательно могильник мог быть датирован концом VII — VIII веками.

Тот год мне запомнился тем, что практиканты-первокурсники не только отличались трудолюбием, но и были щедро наделены чувством юмора. Ни дня в лагере не проходило без каких-нибудь смешных историй и розыгрышей. Особенно большим выдумщиком был Костя Кузнецов. Однажды он нашел плоскую песчаниковую плитку и, процарапав на ней древнерусскую надпись “...Всеслав есмь...”, показал ее одному своему однокурснику. Я не назову его имени, потому, что воспоминания об этом случае до сих пор огорчают его. Надпись была полустертой, поэтому когда разыгрываемый однокурсник показал мне плитку, я, будучи посвященной в этот маленький заговор, сказала ему, что эта не надпись, а лишь “игра природы”, что еще более распалило его, и он стал горячо убеждать меня, что “это не игра природы, а самая настоящая древнерусская надпись”. К вечеру шутник “по секрету” сообщил ему, что надпись якобы — дело рук Саши Маслова. Обманутый затаил обиду на Сашу и решил ему жестоко отомстить. Проснувшись рано утром в день Сашиного дежурства, он налил в умывальник кисель. Ничего на подозревавший и ни в чем неповинный Саша умылся киселем.

И у костра обычно лидировал Костя Кузнецов. Он рассказывал такие забавные истории, что все смеялись буквально до упаду. Недаром в день посвящения Костя — человек богатырского сложения получил имя Мамонт Хохотдамский.

В то время как одна часть студентов перемещала камни на курганах, другая часть их под руководством Руфины Миннуровны Ключниковой трудилась на раскопках именьковского селища Ош-Пандо-Нерь близ с. Шелехметь. Однажды, идя на их раскоп, я обратила внимание на то, что из стенки глубокой водомоины, проходившей через все селище торчат человеческие берцовые кости ног. Рядом с водомоиной мы заложили раскоп, в котором обнаружили четыре погребения. Одно из них было поздним, вероятно мордовским, с фабричной стеклянной бусиной, но три относились к тому же времени, что и исследуемые нами курганы. Могила была неглубокими: не более 60 см от современной поверхности. В верхней части их заполнения в один слой были уложены небольшие известняковые камни. Это были каменные закладки. Погребенные лежали головами на северо-восток. В одной из могил была похоронена женщина, с которой были обнаружены серьги, стилетообразная булавка с волютовидным навершием и бронзовый браслет, надетый на руку. Второе погребение принадлежало подростку, лежавшему с разворотом на правый бок. Ноги были подогнуты в коленях. В погребении обнаружен глиняный сосуд. Совершенно необычным было третье погребение. Несмотря на то, что могила по ориентировке и форме не отличалась от предыдущих и имела такую же закладку из камней, погребение в ней было совершено по обряду трупосожжения. В средней части могилы лежала кучка довольно крупных камней, на которую были уложены сильно обгоревшие кости человека, в том числе кусочки черепной крышки. К югу от камней лежали череп и кости ног взнузданного коня. Они были уложены в анатомическом порядке, так как так как будто в могилу была помещена живая лошадь. В зубах конской головы находились железные удила.

Поясной набор болгарского воина состоял из пряжки и определенного количества блях-накладок, которые должны были подчеркивать его ранг в иерархии кочевнической армии (Новинковский могильник)

Вещи из погребений: серьги, браслеты, железная стилетообразная булавка с волутами, глиняный сосуд — все было аналогично вещам из курганных погребений. Видимо и курганы, и грунтовые погребения на территории селища Ош-Пандо-Нерь принадлежали одним и тем же племенам, жившим на Самарской Луке в конце VII—VIII вв. н. э.

В трудах незаметно промелькнули три недели. Наступил день посвящения. Ребята задолго начали готовиться к нему. Накануне отъезда с самого утра за кустами в овраге шли репетиции. На кухне под руководством нашего заботливого завхоза и шеф-повара Вали Мусалиевой готовили праздничный ужин.

В 6 часов вечера барабанщики ударили в днища опрокинутых ведер, приглашая всех обитателей лагеря на площадь, в середине которой стоял старый идол, вырезанный в той же Шелехмети десять лет назад. Через несколько минут с устрашающими криками выскочил шаман Леша Богачев, и началось посвящение. Все посвящаемые явились в невообразимых костюмах. Здесь был свирепый пират с повязкой на глазу — Марина Солодовник, греческая гетера в белоснежной тунике и сандалиях — Витя Кузнецов, нагруженный множеством ненужных в походе вещей начинающий турист-чайник Андрей Смолин, а также феи, болотные кикиморы и даже Баба-Яга.

Веселье продолжалось всю ночь до рассвета, а ранним утром автобус увез практикантов на пристань Рождествено и они отбыли в город.

Лагерь опустел на несколько дней до приезда новой группы практикантов. Охранять его остались Юрий Анатольевич Семькин и пять студентов, специализирующихся по археологии: Леша Богачев, Олег Кириченко, Миша Мальцев, Саша Набоков и Леша Ушаков.

В первую же ночь после отъезда практикантов произошло небольшое событие, запомнившееся всем. Леше Богачеву приснился какой-то страшный сон и он во сне завопил на весь лагерь. Юрий Анатольевич рассказал потом как, пытаясь выбраться из своей туго зашнурованной палатки, он буквально разбил лоб. Подбежав к Лешиной палатке, он увидел его стоящего в спальном мешке. Обращаясь к Юрию Анатольевичу, Леша спросил: “Зачем Вы идола прозанумеровали?” — а затем спокойно лег на место и уснул.

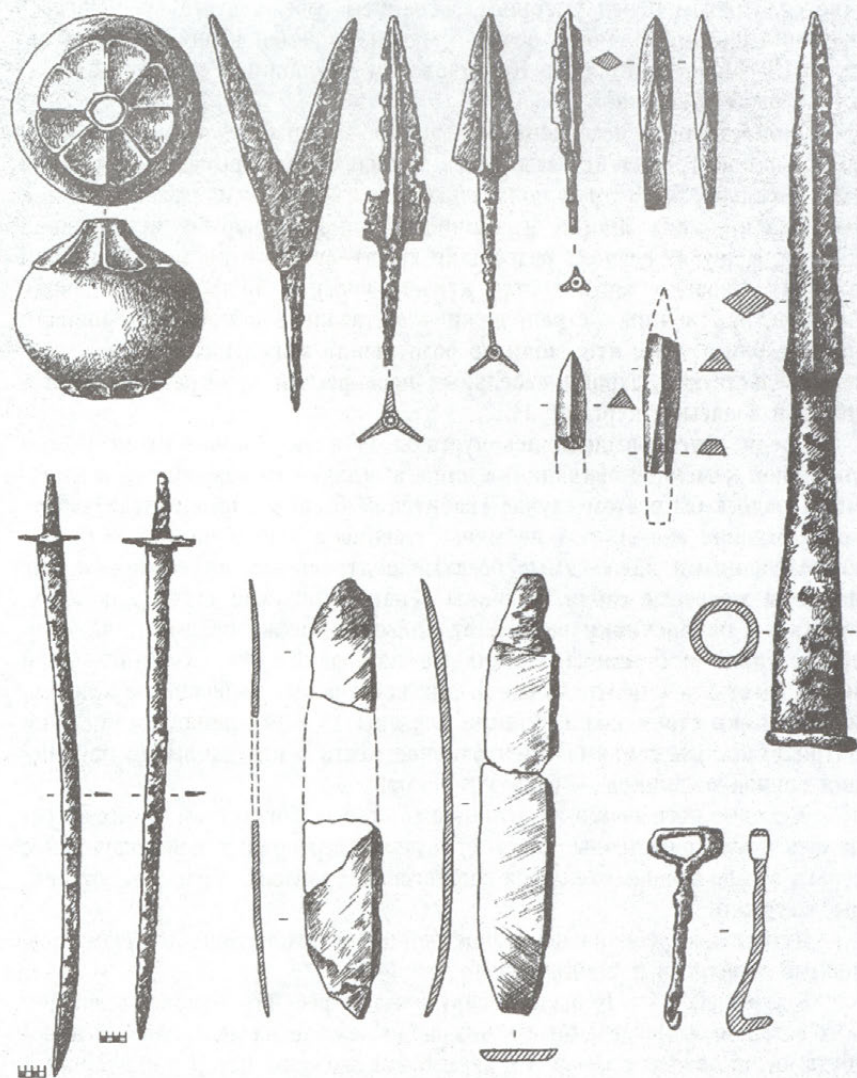
Прошло почти два десятилетия со времени раскопок могильников у с. Новинки, уже защитили диссертации в Институте этнологии в Москве Олег Кириченко и Михаил Мальцев, успешно преподают историю в школах Марина Солодовник, Валя Мусалиева, Алексей Ушаков, Наталья Бодрова. Стал кандидатом наук археолог Алексей Богачев. Вот уже де-

сять лет он ведет раскопки курганов новинковского типа на Самарской Луке. Вместе с другими выпускниками университета Ризой (Володей) Багаутдиновым и Сергеем Зубовым он опубликовал книгу о праболгарах на Волге. Но сколько бы времени не прошло, все участники раскопок Новинковских курганов запомнят то счастливое лето 1980 года.

Зимой 1981 года в университет обратилась дирекция совхоза "Красное Знамя" с просьбой освободить от курганов поле, на котором мы начали работы в 1980 году. Университет заключил договор с совхозом и летом того же года мы продолжили раскопки. Снова основной контингент рабочих экспедиции составили практиканты. В этом году работы в Краснодарском крае не проводились, поэтому недостатка в сотрудниках не было. Работой на отдельных курганах руководили Вера Александровна Скарбовенко, Валентина Николаевна Зудина, Наталья Петровна Салугина, Юрий Анатольевич Семькин, Владимир Николаевич Мышкин. На этот раз лагерь мы разбили поближе к курганам на восточной окраине с.Новинки. Вновь началась расчистка каменных обкладок, их зарисовка, фотографирование, описание. После снятия насыпи курганов камни грузили на машины и увозили их с поля. Иногда это были целые обломки скал, которые поднять на машину мы не могли. Тогда приходилось выкапывать глубокие ямы, сбрасывать камни в них и засыпать.

Всего в 1981 году было раскопано 14 курганов. Один из них, не имевший каменной обкладки был кенотафом, то есть курганом без погребения. Видимо он был насыпан в память о воине, погибшем где-то на стороне во время похода.

Все остальные курганы как и исследованные в предыдущем году имели каменные обкладки или наброски над могилами. В овальных и прямоугольных могилах со ступеньками в одной из продольных стенок лежали погребенные, скелеты их были частично или полностью разрушены. Иногда все кости были в беспорядке разбросаны по всей могиле. Чаще было разрушено только туловище, а кости ног лежали потревоженными. Наконец, обнаружено немало погребений, где разрушена только грудная клетка. У некоторых погребенных были отчленены кисти рук или стопы ног. Почти во всех этих могилах были найдены вещи. Часто над разрушенными погребениями залегали мощные выкладки из камней, которые не могли остаться неразобранными, если бы в могилы проникали грабители. Это натолкнуло нас на мысль о том, что погребения были разрушены не в результате ограбления, а в ритуальных целях обезвреживания покойника еще до сооружения насыпи. Появление обряда разрушения костяков с целью обезвреживания покойников объяс-

Предметы вооружения (наконечники стрел, сабля, палаш, колчаный крючок, костяные накладки на лук, кистень, наконечник копья) из раннеболгарских могильников Самарской Луки

няется страхом перед умершим, желанием избежать его вредоносного влияния на живых. Такой обряд отмечен у племен черняховской культуры III—IV вв., а также в Нетайловском могильнике салтово-маяцкой культуры VIII—IX вв.

Видимо после помещения умершего с принадлежавшими ему вещами в могилу, она не засыпалась землей, а перекрывалась бревнами или досками. Когда труп полностью разлагался, могилу раскрывали и разрушали скелет. Иногда ограничивались только нарушением грудной клетки, в других случаях разрушали все туловище и кости складывали в кучку. Нередко часть костей куда-то уносили. Большинство вещей: пряжки, наконечники стрел, ножи — оставались в могилах. Забирали лишь сабли. О том, что сабли до разрушения могил находились в них, свидетельствуют находки сабельных перекрестий в погребении кургана 18 и в насыпи кургана 23.

Среди других выделялись курганы 13 и 14. Насыпи их не имели сплошной каменной обкладки, а лишь выкладки из камней над могилами. Казалось бы в этом случае грабителям было легче определить местонахождение могил, тем не менее именно в этих курганах остались неограбленными даже самые богатые центральные погребения. В них найдены железные сабли, колчаны с наконечниками стрел, накладки, пряжки и наконечники ремней от поясов, а также предметы конской сбруи: удила и стремяна. Остальные погребения этих курганов были менее богаты чем центральные. В них встречались рыболовные крючки, наконечники стрел, ножи. Видимо курганы 13 и 14 принадлежали двум патриархальным семьям, а центральное место в них занимали погребения воинов-всадников — глав этих семей.

Женские погребения не отличались особым богатством. В них встречались немногочисленные бусы, бронзовые, серебряные и позолоченные серьги в виде овального кольца с подвеской, бронзовые браслеты, пуговицы, застежки.

Детские погребения были еще беднее: в них находились глиняные лепные горшочки и единичные бусы.

В курганах 14 и 19 были обнаружены погребения, отличающиеся от всех остальных. Погребенные в них люди лежали на левом боку с подогнутыми в коленях ногами. Их руки были сложены перед лицом. Рядом с головами погребенных стояли плоскодонные горшки с орнаментом в виде треугольников и ромбов. Подобная поза погребенных и горшки с геометрическим орнаментом были типичны для племен срубной культуры эпохи бронзы, живших в середине II тысячелетия до н. э. на огром-

ной территории от р. Белой на востоке до Днепра на западе. Значит два этих кургана были насыпаны еще в эпоху бронзы. Затем спустя более двух тысячелетий в этих курганах были совершены погребения и их насыпи были досыпаны и обложены камнями. Подобное вторичное использование курганов отмечается довольно часто.

В конце августа работы на Новинковском II курганном могильнике закончились, все находки были привезены в кабинет археологии университета. Предстояла большая работа по изучению этих материалов.

Внимательное исследование материалов позволило установить, что самые ранние курганы отличались особенно большими размерами и содержали наибольшее количество камней в насыпях. Это прежде всего курган 4 диаметром 16 м, высотой 1,3 м. В его насыпи были обнаружены два впускных, то есть совершенных после насыпки кургана погребения, из которых одно не содержало никаких вещей, а во втором найдены два браслета, две пряжки и три серьги разных типов. Для определения времени этих погребений была особенно важна серьга в виде незамкнутого кольца с многогранником на одном конце. Такие серьги были встречены в погребениях VI—VII веков могильников Кавказа, а также Кушнаренковского и Ново-Турбаслинского могильников в Башкортостане. Важно отметить, что такая же серьга была найдена на Самарской Луке в жилище VI века на поселении Ош-Пандо-Нерь и на Кармалинском городище. Оба этих памятника относятся к именковской культуре, которая прекращает существование во второй половине VII века.

В кургане 7 был найден мечевидный наконечник ремня с боковыми выступами, такие наконечники были широко распространены в погребениях второй половины VI—VII вв. в Прикамье. Наконечники этого типа относят к поясным украшениям “геральдического” типа, так как накладки и щитки пряжек напоминали средневековые рыцарские гербы. Время существования геральдических поясных наборов VI—VII вв.

Таким образом, стало ясно, что первые средневековые курганы Новинковского могильника были сооружены не позднее конца VII века. Все остальные курганы видимо насыпаны в первой половине VIII века. Об этом свидетельствовали детали роскошных воинских поясов: пряжки, накладки, наконечники ремней. У кочевников эпохи средневековья пояса были своего рода знаками отличия: чем доблестнее был воин, тем богаче украшен его пояс. Пояс был предметом гордости воина-кочевника. В конце VII века на смену поясных украшений геральдических типов пришли иные типы накладок, пряжек, наконечников ремней. Поясные пряжки этого времени имели овальные или трапецие-

видные рамки, полуовальные щитки, украшенные растительным орнаментом. Соединение рамки и щитка было шарнирным. Наконечники ремней представляли собой продолговатые пластины, один конец которых прямоугольный, другой закругленный. Накладки этого времени, весьма разнообразные: прямоугольные, квадратные, полуовальные, в виде полумесяца и другие.

Все описанные предметы поясной гарнитуры были распространены в погребениях конца VII—VIII веков неволинской культуры Прикамья, а также в погребениях Крыма того же времени. Следовательно, новинковские погребения с такими поясными пряжками и накладками относились к тому же времени. К VIII веку относится большинство бус, найденных в погребениях. Таким образом, можно было не сомневаться в том, что средневековые погребения Новинковского II могильника совершались в период с конца VII века до конца VIII века.

Погребальный обряд Новинковского II могильника коренным образом, отличается от обряда, характерного для именьковской культуры, бытовавшей в Среднем Поволжье в предшествующий период. Погребальный обряд — очень важный этнический признак. У каждого народа он был свой, неповторимый, передающийся из поколения в поколение. Каждая деталь обряда имела глубокий смысл и строго соблюдалась. У племен именьковской культуры был распространен обряд трупосожжения, а у племен, оставивших II Новинковский могильник и подобные ему памятники был обряд трупоположения. Только в бескурганном Шелехметском могильнике было найдено одно трупосожжение, которое довольно значительно отличалось и от именьковских наличием каменной наброски в верхней части заполнения могилы, кладки из камней и наличием черепа, костей ног и шкуры коня в могиле. Различие погребального обряда именьковских и новинковских племен свидетельствует об отсутствии между ними родственных связей. Население, оставившее памятники новинковского типа, не имело местных корней, оно пришло откуда-то в Среднее Поволжье. Судя по всему, пришельцы вели кочевой или полукочевой образ жизни, так как их поселения в Среднем Поволжье почти неизвестны. Исключение составляет селище Ош-Пандо-Нерь II на Самарской Луке и Гундоровское селище на р. Сок.

В северной части именьковского селища Ош-Пандо-Нерь были обнаружены обломки гончарных сосудов с сетчатым лощением, серьга в виде кольца овальной формы с подвеской, стилетообразная булава с валютовидным навершием. Все эти вещи аналогичны найденным в погребениях Новинковского II могильника, и это дает основание предпола-

гать о том, что на территории северной части именьковского селища Ош-Пандо-Нерь в конце VII или в VIII веке возникло поселение или временное кочевье новинковских племен.

На Гундоровском поселении были обнаружены фрагменты лепных сосудов, похожих на найденные в новинковских погребениях, а также стилетообразная булавка с волотовидным навершием. Видимо, оказавшись в Среднем Поволжье, пришельцы начали переходить от кочевого образа жизни к оседлости.

Откуда же пришли на Самарскую Луку племена, оставившие могильники новинковского типа? Нам удалось найти район, где в период, предшествующий появлению новинковских курганов, в VI—VII веках был распространен погребальный обряд, близкий к новинковскому. Это было Северное Причерноморье. В Николаевской, Херсонской, Запорожской областях, а также в Крыму были выявлены две группы кочевнических погребений. Одну из этих групп составляли погребения, впущенные в насыпи более ранних курганов. Они открыты у сел Христофоровка, Новая Одесса, Черноморское. Погребенные лежали в могилах, имеющих ступеньки вдоль одной или обеих продольных стенок в вытянутом на спине положении головами на северо-восток, восток, а в одном случае на северо-запад. Вещей в погребениях мало: это лепные горшки, пряжки, реже поясные накладки или костяные обкладки луков. В могилах никогда не встречаются туши коня и очень редко кости барана — остатки пищи для погребенных.

Все детали обряда этих погребений очень близки к обряду не центральных, а впущенных в насыпь погребений Новинковского II могильника. Отличие заключается лишь в том, что нет следов разрушения костяков, что, как уже отмечалось, прослежено в могильниках типа Новинковского.

Вторую группу составляют погребения, открытые у сел Костогрызово, Сивашовка, Сивашское, Портовое. Погребенные лежат в широких овальных могилах со ступеньками в одной из продольных стенок и с неглубоким подбоем в другой, либо в узких ямах также овальной формы. На ступеньках или на перекрытиях ямы обычно лежат конские черепа, части туш или целые туши коня. Погребенные помещены в могилу в вытянутом на спине положении головой на северо-восток, реже на запад. Рядом с ними, а иногда на них лежали колчаны с трехлопастными наконечниками стрел, обкладки луков, а иногда сабли (погребение у села Портовое). Нередко в могилах встречаются поясные накладки. Все эти погребения относятся к несколько более раннему времени, чем

Новинковский II могильник. Детали погребального обряда этой группы очень близки к обряду центральных погребений курганов 13 и 14.

Тот факт, что погребения аналогичные первой и второй группе причерноморских впускных погребений встречаются в одних и тех же курганах, свидетельствует о принадлежности погребенных в них людей к одному и тому же этносу (народу). Различие в их погребальном обряде объясняется различным положением погребенных в обществе. Погребенные в широких могилах с предметами вооружения, с поясными наборами и предметами конской сбруи принадлежат воинам-всадникам, главам богатых патриархальных семей, воинам-всадникам, а остальные — рядовым членам семей. У племен, оставивших могильники новинковского типа, было ярко выражено имущественное и социальное неравенство. Богатые и знатные семьи сооружали над могилами сородичей высокие курганы с крупными камнями в насыпях, бедные семьи хоронили умерших в грунтовых могилах с каменными набросками в верхней части заполнения.

Какому же этносу принадлежали вышеописанные причерноморские погребения? Этот вопрос до сих пор остается спорным. Археолог А. И. Айбабин считает их хазарскими. Украинские ученые Р. С. Орлов, А. Т. Смиленко, И. А. Баранов связывают их с болгарами. Нам представляется, что вторая точка зрения более обоснованная, так как в VI—VII веках в Северном Причерноморье, Приазовье и на Северном Кавказе жили именно болгары. Об сообщают различные письменные источники.

Прародина болгар

Самым ранним источником о болгарях является труд армянского историка VII века Моисея Хоренского "История Армении", в который он включил фрагменты из произведения сирийского историка III века Мар-Абас-Катины. Этот автор хорошо знал имя болгар и сообщал о проникновении отдельных групп болгарских переселенцев в Закавказье. Первое из таких переселений он относит ко времени правления царя Вахаршака (131—118 гг. до н. э.). Подобные переселения совершались неоднократно, переселенцы продолжали жить в Закавказье и во времена самого Мар-абас-Катины. Эти сведения согласуются с сообщениями греческого хронографа 354 года, в котором приводится список народов, обитавших севернее Кавказа, завершающийся именем болгар (*vulgares*). Речь идет о совершенно конкретной группе племен: имя болгар еще не стало общим наименованием причерноморских кочевников, как это случилось позднее в VI—VII веках.

Некоторые современные историки ставят под сомнение появление болгар на юге Восточной Европы на рубеже новой эры и считают, что они пришли в период гуннского нашествия в конце IV века н. э.

С конца V века имя болгар начинает довольно часто встречаться в византийских письменных источниках. Иоанн Антиохийский сообщает о том, что византийский император Зенон призывал болгар на помощь в его борьбе с готами в 480 году. При этом он отмечает, что болгары — племя ранее неизвестное в Византии и союзные отношения с ними установлены впервые. После битвы 480 года, в которой болгары потерпели поражение, они участвовали в многочисленных походах и сражениях как на стороне Византии, так и против нее.

К середине VI века относятся вполне достоверные сведения об обитании болгар в степях юго-востока Европы. В хронике сирийского автора Захария Ритора говорится о том, что "за Каспийскими воротами живут булгары со своим языком — народ языческий и варварский. У них есть города." В другом месте он сообщает, что "болгары живут в палатках, существуют мясом скота и рыб, дикими зверьми и оружием".

Готский историк VI века Иордан в своем труде "О происхождении и деяниях готов" сообщает, что места расселения болгар тянутся над Понтийским морем.

В VI веке болгары подверглись нападению авар, вступивших в союз с аланским вождем Сароziem, и были подчинены ими. Вслед за аварами в степи Предкавказья вторглись орды Тюркского каганата, подчинившие себе болгар на несколько десятилетий. Борьба болгар против поработителей способствовала консолидации болгарских племен, сплочению их, и это привело к освобождению из-под власти Тюркского каганата и созданию большого самостоятельного союза болгарских племен, известного под названием Великая Болгария. Во главе этого союза стоял болгарский хан Органа. Заключив в 619 году союз с Византией, болгары успешно боролись против тюрков, отстаивая свою независимость и добиваясь расширения и укрепления своего племенного союза. Наибольшего, хотя и кратковременного, могущества этот союз достиг при хане Кубрате, к которому власть перешла по наследству от его дяди Органы.

Кубрат воспитывался при дворе византийского императора, так как его дядя Органа, заключив договор с Византией в 619 году, оставил своего малолетнего племянника в Константинополе в качестве заложника. Иоанн епископ Никиусский, живший в VII веке, сообщает сведения о жизни Кубрата и о его дальнейших связях с византийским двором. По сообщению Иоанна, Кубрат был благосклонно принят в Константинополе, крещен и воспитан при императорском дворе вместе с сыном императора Ираклеоном. Подросший Кубрат сумел добиться значительного влияния при дворе, был близок к императору Ираклию и впоследствии оказал поддержку Ираклеону в борьбе за престолонаследие после смерти императора Ираклия.

Таким образом, после смерти Органы во главе болгарского союза встал человек, тесно связанный с Византией, достаточно образованный и искусный в вопросах политики. Он достиг немалых успехов в деле объединения болгарских племен и борьбе их с тюркским владычеством. Епископ Иоанн пишет, что "силой животворящего крещения Кубрат победил всех варваров и язычников". Он успешно боролся против западного Тюркского каганата и аваров, заключил союзный договор с Ираклием, который прислал ему богатые подарки и удостоил сана патрикия. Кубрату пришлось бороться с тюрками в период нового подъема их могущества, однако он сумел отстоять независимость ранее освобожденных болгарских племен и объединил их в Великую Болгарскую державу. В 30—40 годах VII века под контролем болгар находилась значительная

территория как к востоку, так и к западу от Азовского моря, но основным ее ядром были земли между Доном и Кубанью. Византийский автор Феофан Исповедник (760—818 гг.) сообщает, что “на восточных берегах Меотийского (Азовского) озера за Фанагорией выше реки Куфиса (Кубани) находится Великая Болгария и живут соплеменные болгарам котраги”. Там же помещает Болгарию другой византийский автор патриарх Никифор (758—829 гг.): “Около Меотийского озера по реке Кофин (Кубани) была расположена великая Болгария и жили там котраги, одноплеменные с ними”.

В состав Великой Болгарии входили не только болгары, но и другие родственные им племена: кутригуры, утигуры, котарги и т. д.

Сведения византийских авторов подтверждаются сообщениями такого важнейшего источника как “Армянская география” Моисея Хоренского, который размещает различные болгарские племена к северу от реки Валданис (Кубань) в районе Болгарских гор, которые отождествляются с Ергенями, тянущимися от Волги до Маныча или со Ставропольской возвышенностью. Столицей Великой Болгарии был город Фанагория. Здесь жил и умер Кубрат.

Созданное в обстановке борьбы с ордами Западно-Тюркского Каганата объединение болгарских племен не было прочным государственным образованием, главным образом из-за отсутствия экономической базы. Оседание кочевых племен только еще начиналось. В состав союза наряду с болгарами входили иные по происхождению соседние племена: аланы, кутригуры (котраги) оногуры и многие другие. Между ними неизбежно возникала борьба за главенство в объединении. О том, что прочность союза в немалой степени держалась на авторитете хана Кубрата, можно судить по тому, что союз племен распался вскоре после его смерти. Правление Кубрата было периодом первого и последнего объединения большинства болгарских племен во главе с единым вождем, личный авторитет которого, созданный в освободительной борьбе против тюрков был несомненно велик. Дата смерти Кубрата точно не установлена, известно лишь, что он умер в годы царствования византийского императора Константина II (641—668 гг.), скорее всего в первой его половине.

Византийцы Феофан Исповедник и патриарх Никифор независимо друг от друга описывают события, произошедшие после смерти Кубрата. Феофан сообщает: “Во времена Константина на западе Кубрат обладатель Болгарии и Котрагов скончался, оставив пятерых сынов, которым завещал никогда не расходиться, ибо таким только образом могли они

всегда владычествовать и оставаться непоработанными от другого народа. Но в непродолжительном времени по кончине его, пять сынов его пришли в несогласие и разошлись все, каждый с подвластным ему народом. Старший сын по имени Батбай, соблюдая завещание отца, остался в земле своих предков, второй сын, брат его по имени Котраг, перешедший за Танаис (Дон) поселился насупротив старшего брата, четвертый и пятый перешедши за Истр или Дунай, один, покоряясь Хагану Аварскому остался с народом своим в Паннонии Аварской (на территории современной Венгрии), другой перешедший в Пентаполис при Равенне покорился царям Христианским. Потом третий по старшинству перешедши Данапр (Днепр) и Данасорис (Днестр) и остановившись у Ольги, реки, текущей севернее Дуная, поселился между первыми реками и сей последней". В переводе — ошибка: Феофан имел в виду не реку Ольгу, а местность, называвшуюся Оглом. Патриарх Никифор также говорит о распаде союза, внося некоторые коррективы в рассказ Феофана. Первый из сыновей Кубрата "по имени Ваян, остался, согласно приказу отца на родной земле по сию пору. Второй, именуемый Котрагом переправившийся через реку Танаис поселился напротив него, четвертый перешел реку Истр в Паннонию, которая ныне находится под властью аваров и поселился путем заключения союза среди местных племен, пятый же, обосновавшийся в Равеннском Пантополисе, стал подданным ромеев. Последний из них третий брат по имени Аспарух, перейдя реки Донапр и Данастр, поселился в местности около Истра, заняв удобную для поселения местность, называемую на их языке Оглом, неудобную и недоступную для врагов".

В легенде, передаваемой обоими авторами отражена и связана с именем Кубрата вся древнейшая история болгар, например с сыновьями Кубрата связываются события, совершившиеся задолго до смерти их отца. Это относится к четвертому и пятому сыновьям, имена которых не названы, и видимо само существование их является вымыслом византийского автора, сообщения которого были использованы в конце VIII—IX веках Феофаном и Никифором. Переселение части болгар в Паннонию и участие в событиях на Дунае относится к V веку, а в середине VI века они были подчинены аварам. Переселение же группы болгар в Италию относится к 30-м годам VII века и связаны с неудачами их участия в борьбе за престолонаследие в Аварском каганате. Таким образом, автор переданной Феофаном и Никифором легенды пытался связать воедино все сведения о болгарях и начать их историю с Кубрата, представив его родоначальником всех болгар. Имя сына Котрага совпадает с

названием племени котрагов или кутригуров, входивших в состав болгарского союза. Известно, что после распада державы Кубрата они отделились от нее, но продолжали жить на их исконной территории, простиравшейся к западу от Дона. Два других сына Кубрата Батбай и Аспарух являются реальными историческими личностями, предводителями двух крупных союзов болгарских племен. Сведения о них содержатся в ряде исторических источников, в частности в "Армянской географии" VII века, где Батбай упоминается как вождь кубанской группы болгар, а Аспарух как предводитель племени выхандор (унногундуrow), занимавших территорию в районе ергеней или Ставропольской возвышенности.

Появление этой легенды есть отражение противоречий между отдельными вождями болгар, в том числе и сыновьями Кубрата и борьбы их за престолонаследие, приведшей к распаду Великой Болгарии.

После распада болгарского союза болгары потеряли гегемонию над окружающими племенами. Их сопротивление Западно-Тюркскому каганату было ослаблено и каганат усилил свой натиск на местные племена, в первую очередь на болгар. В этот период хазарские племена, входившие в состав Западно-Тюркского каганата, создали большое племенное объединение, столкнувшееся с разобщенными и ослабленными болгарскими племенами, подчинили себе Ваяна (Батбая), заставив его платить им дань. Аспарух же с подчиненными ему племенами под давлением хазар ушел на запад к Днепру и Дунаю. Именно с военным натиском хазар связывает автор "Армянской географии" VII века уход части болгар во главе с Аспарухом на запад на Дунай. Сведения об изгнании хазарами болгарских племен унногундуrow на Дунай содержатся и в письме хазарского царя Иосифа к испанскому еврею Хасдаю Ибн-Шафрута.

Поселившись на островах Дунайской дельты, болгары Аспаруха начали совершать опустошительные набеги на земли Византийской империи, обезопасив себя постройкой ряда укреплений. Поход византийского императора Константина IV Поганата против дунайских болгар окончился в 679 году неудачей.

Болгары, преследуя бегущую от них византийскую армию, двинулись на запад, заняли Добруджу и дошли до Одессы (Варны). Оттуда они начали нападать на римские владения, уводя людей в плен, поэтому византийский император поспешил заключить мирный договор с болгарскими племенами, по которому Византия должна была платить дань болгарам. Византийский историк Грегор сообщает, что на Балканы во главе с Аспарухом пришли не отдельные военные дружины болгар, а значительная их группа, переселившаяся с женщинами, детьми и всем имуществом. Сплочен-

ность этой группы, военная ее организация, основанная на родовой дисциплине, обеспечила подчинение болгарами славян, живших в северной части Балканского полуострова. Оттеснив славянскую знать или вступив с ней в контакт, болгары создали государство, зачатки которого в виде "союза семи племен" появились у славян еще до их прихода. Никаких крупных столкновений между болгарской и славянской знатью видимо не было, так как ни один источник не упоминает об этом. Довольно быстро болгары были ассимилированы славянами, перешли к оседлости, восприняли славянский быт, верования и язык и вошли в состав болгарской народности.

Ни в одном из письменных источников нет сведений о переселении болгар на Среднюю Волгу. Впрочем это легко объясняется. Византийских авторов в первую очередь интересовали народы, жившие по соседству с империей и поддерживающие с ней мирные или военные контакты. Внимание византийских историков VIII—X веков было обращено к Дунайской Болгарии. О дальнейшей судьбе болгар, оставшихся в Приазовье, сведений также почти нет. Зато с середины X века в арабских, персидских, русских, византийских источниках очень часто начинает упоминаться Болгарское государство на Средней Волге и Нижней Каме. Таким образом, события, обусловившие переселение болгар на Волгу, выпали из поля зрения историков. Чтобы восстановить их, нужно было обратиться к археологическим источникам.

В 50-х годах в Среднем Поволжье были исследованы могильники VIII—IX веков. Археолог Н. Я. Мерперт раскопал могильник у с. Кайбелы в Ульяновской области, В. Ф. Генинг и А. Х. Халиков — Большие Тарханы в Татарстане. Погребальный обряд и вещи, находимые в могилах, резко отличались от обряда и вещевого материала более ранних именьковских и финно-угорских племен Поволжья, вместе с тем они имели много общего с обрядом и инвентарем степного, как считали исследователи, болгарского варианта салтово-маяцкой культуры Подонья. Для окончательного решения вопроса о том, какому этносу принадлежат погребения Кайбельского и Больше-Тарханского могильников, были привлечены данные науки о физическом типе человека — антропологии. Изучив черепа из болгарского Зливкинского могильника в Подонье, из раннеболгарского могильника Нови-Пазар на Балканском полуострове и из Кайбельского и Больше-Тарханского могильников в Среднем Поволжье, антропологи пришли к выводу, что все они относятся к одному брахикранному (короткоголовому) типу в отличие от долихокранных (длинноголовых) черепов из катакомбных погребений аланского варианта салтово-

маяцкой культуры. Сомнений не оставалось: в Больше-Тарханском и Кайбельском могильниках были погребены болгары, пришедшие из степей Приазовья, Подонья и Причерноморья.

Самые ранние погребения этих могильников датировались не раньше второй половины VIII века, между тем распад Великой Болгарии и расселение болгар, как уже отмечалось выше, происходило во второй половине VII века. Возникало противоречие между письменными и археологическими источниками. Другое противоречие было заключено в самих археологических источниках. Дело в том, что существовавшая до прихода болгар именьковская культура прекратила существование во второй половине VII века, возможно не дожив до конца его. Логично было бы предположить, что причиной этому послужило вторжение болгар, но если самыми ранними болгарскими памятниками в Среднем Поволжье считать Больше-Тарханский и Кайбельский могильники, то между ними и именьковскими памятниками существовал хронологический разрыв более чем в полвека. Только открытие и исследование могильников у села Новинки, а затем целого ряда подобных ему у сел Брусяны, Малая Рязань, Выползово позволило разрешить все эти противоречия. Стало ясно, что первая волна болгар проникла в Среднее Поволжье уже в конце VII века. Эта волна была достаточно многочисленной, а отдельные группы болгар, судя по единичным погребениям, исследованным в Среднем Поволжье, начали проникать сюда уже во второй половине VI века.

Исследования антропологами Н. М. Рудь, И. Р. Газимзяновым и А. А. Хохловым черепов из Новинковского, Брусянского, Малорязанского курганных могильников подтверждают их принадлежность самой древней группе болгар, переселившейся в Среднее Поволжье. Все они брахикранные, по большей части европеоидные, хотя есть черепа с примесью монголоидности и даже монголоидные. Это свидетельствует о том, что болгары, еще находясь в Причерноморье и Приазовье, были неоднородны. Видимо в болгарский союз входили различные по происхождению племена. Недаром все письменные источники упоминают среди болгарских племен котрагов (кутригуров), унногундуоров (выхандор) и других.

В создании болгарской культуры принимали участие различные по происхождению племена, об этом свидетельствует анализ погребального обряда могильников новинковского типа. Наличие курганов с ровиками и каменными обкладками, закладка могил камнями, встречающиеся иногда в могилах черепа и даже туши лошади — это черты, характерные для

тюркских племен Алтая. С другой стороны нельзя не заметить особенности погребального обряда, унаследованные от ираноязычных сарматов и их потомков — алан: наличие подбоев в могилах, следы огня и куски мела в могилах. Многие типы вещей из могильников новинковского типа имеют прототипы в позднесарматских памятниках.

Город, исследованию которого стоит посвятить жизнь

В феврале 1970 года в институте археологии в Москве состоялась защита моей кандидатской диссертации, посвященной раннесредневековым памятникам Южного Приуралья. Когда были объявлены результаты голосования членов ученого совета, ко мне подошел мой оппонент профессор Алексей Петрович Смирнов и, поздравив меня с успешной защитой, спросил чем я собираюсь заниматься в ближайшие годы. Я ответила ему, что едва ли изменю средневековью и, видимо, продолжу исследование именьковских и болгарских памятников. А. П. Смирнов поддержал меня и посоветовал особое внимание уделить раскопкам Муромского городка — самого южного города Волжской Болгарии, расположенного на Самарской Луке между селами Вальи и Жигули. “Это город, исследованию которого стоит посвятить целую жизнь, — сказал он. — Желаю Вам серьезно и основательно заняться его изучением”.

Алексей Петрович Смирнов с 20-х годов проводил археологические исследования в Поволжье. Его перу принадлежали десятки статей и монографий, посвященных древней и средневековой истории финно-угорских народов — предков современных марийцев, мордвы, удмуртов. Однако главным делом его жизни было изучение Волжской Болгарии. На протяжении многих лет он возглавлял Болгарскую археологическую экспедицию. Результаты его исследований нашли отражение в монографии “Волжские булгары” и во многих его статьях. Все отечественные болгароведы были учениками Алексея Петровича. Так совершенно неожиданно для себя я получила благословение патриарха болгарской археологии.

Готовясь к раскопкам Муромского городка, я понимала, что его нельзя исследовать урывками, закладывая небольшие раскопы. Необходимы были многолетние крупномасштабные работы. Кроме того у меня не было опыта раскопок средневековых феодальных городов, исследование которых — дело весьма сложное, так как их культурный слой обычно не

только отличается значительной мощностью и насыщенностью различными находками, но и содержит большое количество разновременных построек: жилищ, хозяйственных ям, производственных сооружений. Нередко более поздние из них возникали на месте более ранних, разрушая их. Неопытный археолог может не разобраться в этих сооружениях, не проследить последовательности их возникновения, пропустить какие-то детали. В ведь археолог, как сапер, ошибается раз и навсегда. Если во время раскопок он составил неправильный чертеж, дал неполное или неточное описание, то никто из последующих поколений археологов не сможет исправить эти ошибки, так как любой памятник во время раскопок разрушается и остаются лишь фото, чертежи и описания. Именно поэтому перед началом исследования Муромского городка я побывала на раскопках первой столицы Волжской Болгарии — города Болгара, где я многому научилась у опытного болгароведа прекрасного полевика Тamarы Александровны Хлебниковой. Еще раньше, в течение зимы, я изучала все, что было известно о государстве волжских болгар.

Болгары не были коренными обитателями Среднего Поволжья. Византийские письменные источники сообщают, что в VI—VII веках они жили в Приазовье, где в 30-х годах VII века возник их племенной союз, известный под названием Великая Болгария. Создателем этого союза был хан Кубрат. После его смерти во второй половине VII века союз распался и часть болгар, не выдержав натиска восточных соседей — хазар, покинула Приазовье. Видимо, именно в это время произошло переселение первой миграционной волны в Среднее Поволжье. вторая миграционная волна болгар переселилась на Волгу в конце VIII или в начале IX века.

Болгары были кочевниками-скотоводами, но в Поволжье они столкнулись с оседлым земледельческим населением именьковской культуры. Вопрос о характере их взаимоотношений до сих пор до конца не выяснен. С VIII века в Среднее Поволжье начали проникать оседлые финно-угорские племена из Прикамья и Приуралья, а в IX в угорские племена с Южного Урала. Уже на рубеже IX и X веков в Среднем Поволжье складывается Болгарское государство¹. Судя по письменным источникам, это оно объединило различные в языковом отношении племена. В состав его вошли тюркоязычные болгары, финноязычные племена, переселившиеся из Прикамья и, возможно, жившие в Среднем Повол-

¹ В отличие от приазовских и дунайских болгар волго-камских часто называют булгарами, а их страну Волжской Булгарией.

жье до прихода болгар славяне. Не случайно все восточные авторы X века называют Волжскую Болгарию страной славян и Волгу — ас-Саклаб (славянской рекой), а болгар скалибами, то есть славянами. Весьма интересные сведения о происхождении волжских болгар мы находим у персидского автора Шамсетдина Димашки, который писал: “Булгары, идущие на хадж в Мекку, на вопрос: “Кто они такие?” — отвечают: “Мы — народ смешанный из тюрков и славян”.

Еще в Приазовье болгары контактировали со славянами. Не случайно, переселившись на Дунай, они очень быстро восприняли славянский язык. В Среднем Поволжье победил тюркский язык, но целое столетие болгар продолжали называть славянами. Восточные авторы сообщают, что основное население Булгарии в начале X века состояло из четырех племенных групп, подчиненных царю Алмушу: собственно болгар, сувар (саван), эсегель (асиль) и берсула.

Арабский автор Ибн Русте сообщает, что все болгарские племена “относительно образа жизни... стоят на одной и той же ступени”. Взаимоотношения между различными по происхождению племенами были то мирными, то враждебными. Восточные авторы сообщают: “Их три группы: берсула, эсегил и булгар: все они находятся в войне друг с другом, — когда же появляется враг, они становятся друг с другом друзьями”.

В начале X века многие племена, вошедшие впоследствии в состав населения Волжской Булгарии, еще вели полукочевой образ жизни. Ал-Балхи — арабский географ первой половины X века писал: “Дома у них (у булгар) деревянные и служат зимними жилищами, летом же жители расходятся по войлочным юртам”. О наличии юрт у булгар писал и другой арабский автор — Ибн Фадлан.

В первой половине X века у булгар существовали поселения сельского типа и начали возникать города Болгар, Биляр, Сувар, Ошель. Во второй половине X века возник Муромский городок на Самарской Луке и ряд других городов. Уже в X веке Волжская Болгария стала широко известной в Средней Азии, на арабском востоке, на Кавказе, в Киевской Руси и Западной Европе. В X веке Болгария занимала еще сравнительно небольшую территорию от Камы — на севере до р. Большой Черемшан и Самарской Луки — на юге, от р. Свияги — на западе до р. Зай — на востоке.

Во главе государства стоял царь — малик. Арабский писатель Ибн-Русте сообщал, что болгары платили царю подать лошадьми и другим, то есть видимо продуктами земледелья. От всякого, кто женился, царь брал

себе по верховой лошади. С мусульманских купцов, прибывших в Болгарию на судах, бралась пошлина — десятая часть ввозимых товаров. В начале X века болгарский царь Алмуш, пользуясь поддержкой багдатского халифа, объединил все болгарские земли. С этого времени в условиях экономического и политического роста государства в Волжской Болгарии складываются предпосылки объединения всех разноязычных групп населения в единую болгарскую народность.

В связи с тем, что языческая религия уже не отвечала интересам феодальной знати, болгарский царь обратился к багдатскому халифу Муктадиру с просьбой помочь ему в распространении ислама, а также в сооружении крепости для защиты от царей-противников. В 922 году в Болгарию прибыло посольство от халифа. Среди членов миссии был весьма образованный человек Ибн-Фдлан, который подробно сообщил о своем путешествии в страну болгар и описал их и другие народы, встречавшиеся миссии на пути в Поволжье. Миссия помогла болгарскому царю в распространении мусульманской религии. Ислам был объявлен государственной религией. Болгарский царь принял мусульманское имя Джафар ибн Абдаллах. Начали строиться мечети. Установились тесные связи с Багдадским халифатом и другими мусульманскими странами Востока. Археологические исследования болгарских могильников позволили проследить процесс постепенного вытеснения языческой религии мусульманской. К концу X века централизация государства в основном завершилась. Было сломлено сопротивление непокорного города Суvara и уничтожен его суверенитет. Столицей Волжской Болгарии стал город Болгар.

До 60-х годов X века Волжская Болгария находилась в зависимости от Хазарского каганата и платила ему дань. В 964—965 годах русский князь Святослав предпринял победоносный поход на хазар и разгромил их государство. Благодаря этому Волжская Болгария обрела независимость, быстро усилилась и расширила свои владения. Болгары захватили земли финно-угорских племен на территории современной Пензенской области и земли в Нижнем Прикамье, постоянно продвигаясь все выше по Каме. Следы их пребывания выявлены даже в финно-угорских землях Верхнего Прикамья. К XII веку Волжская Болгария простиралась от р. Цны до р. Вятки от современной Чувашии до Самарской Луки.

В течение X—XI веков болгары окончательно перешли к оседлости. Пашенное земледелие стало ведущей отраслью хозяйства. Основными орудиями обработки почвы были тяжелый однолемешный плуг — са-

бан, предназначенный для вспашки целинных черноземных почв и легкая соха с двумя железными сошниками для обработки подзолистых почв. В земледелии господствовала переложная система. Возделывались пшеница, рожь, овес, ячмень, горох, конопля и некоторые огородные культуры. Второй важнейшей отраслью экономики являлось скотоводство — разведение крупного и мелкого рогатого скота и лошадей.

Высокого уровня развития достигли ремесла: металлургия, металлообработка, ювелирное, косторезное, кожевенное, камнерезное, плотницкое и другие. Изделия болгарских ремесленников славились далеко за пределами Среднего Поволжья, особенно ценилась прекрасно выделанная кожа из шкур животных, которую на востоке называли булгари.

Болгария поддерживала связи не только с мусульманским Востоком, но и с Русью. Взаимоотношение с ней были то мирными, то враждебными. Русские князья совершали походы на Болгарию в 977, 985, 994, 1120, 1164, 1172, 1183, 1186 годах. В свою очередь болгары в XI веке неоднократно предпринимали походы на Муром и Суздаль, Устюг и другие русские города. Видимо опасность нападения русских князей заставила болгар перенести столицу из Болгара в Биляр. В то же время неоднократно между Болгарией и Русью заключались мирные договора, например, в 1006 году договор о торговле. Мирный договор был заключен также в 1229 году незадолго до татаро-монгольского нашествия.

В X веке в условиях экономического и политического подъема сложились предпосылки для сложения единой болгарской народности с самобытной культурой. Введение ислама стимулировало освоение арабской письменности и возникновение школ. С X века в Булгарии развивалась архитектура, в городах возводились каменные здания: мечети, бани, дома феодалов. Известны имена болгарских ученых и поэтов, например, историка Чакуба Ибн-Нугмана (умер в 1064 году), написавшего “Историю Булгарии”, философа Хамида Ибн-Идриси (первая половина XII в.) поэта Кол-Гали, создавшего поэму “Кыйссан Йусуф”.

В 1236 году Волжская Болгария была разгромлена вторгшимися в Европу татаро-монгольскими полчищами. Были сметены с лица земли крупнейшие города Булгарии: Биляр, Сувар и другие. Многие из них уже не возродились. Лишь город Болгар вновь поднялся из пепла и пережил новый подъем в золотоордынский период в XIII—XIV веках. Территория Волжской Болгарии вошла в состав Золотой Орды.

Интерес к изучению Волжской Болгарии возник еще в XVIII веке. В 1722 году Петр I посетил место, где находился город Болгар и предпри-

сал охранять развалины сооружений золотоордынского периода: Черной и Белой палат, Малого минарета и других.

Участники Академических экспедиций XVIII века П. С. Паллас и И. И. Лепехин подробно описали город Болгар и несколько других болгарских городищ, в том числе и Муромский городок. В XIX веке изучением болгарских памятников Среднего Поволжья занимались К. И. Невоструев, С. М. Шпилевский, Ш. Марджани, П. А. Пономарев, А. И. Штукенберг, Н. Ф. Высоцкий и другие. Крупномасштабные планомерные исследования Волжской Болгарии и в частности ее столицы г. Болгара начались в 1938 году. Их проводила Болгарская экспедиция Института истории материальной культуры Академии Наук СССР при участии Государственного исторического музея и Государственного музея Татарии под руководством А. П. Смирнова. Работы экспедиции продолжались до 1949 года с перерывом в годы Великой Отечественной войны.

В 1950—1954 и 1957 годах археологическое исследование Болгара производились Болгарским отрядом Куйбышевской археологической экспедиции Академии Наук СССР. С 1964 года эти работы были продолжены Поволжской экспедицией под руководством А. П. Смирнова. В 1969 году был создан Болгарский историко-архитектурный заповедник, который ведет исследования Болгара по сей день. С 1967 года начинаются раскопки другого Болгарского города — Биляра Билярской археологической экспедицией под руководством А. Х. Халикова. Исследования Биляра продолжаются до настоящего времени. В 70-х годах раскопки города Суvara производила Т. А. Хлебникова.

Самый южный город Волжской Болгарии, древнее название которого нам неизвестно, вошел в литературу под именем Муромского городка.

Впервые Муромский городок был обследован академиком И. И. Лепехиным, который описал его, назвав татарским шанцем, окруженным тремя валами. Описание Муромского городка можно найти и у П. С. Палласа, который также посетил его.

Археологическое исследование Муромского городка началось в 1929 году и было продолжено в 1930 экспедицией Общества археологии, истории, этнографии и естествознания при Самарском университете под руководством В. В. Гольмстен. В работе экспедиции приняли активное участие слушатели высших этнолого-археологических курсов при Самарском университете.

Экспедицией было заложено несколько траншей в западной части города, соединенных затем в раскоп, и выявлено два кирпичных здания. К сожалению, результаты этих раскопок остались неопубликованными и

мне пришлось знакомиться с дневниками В. В. Гольмстен в архиве Ленинградского отделения Института археологии Академии Наук СССР.

Начиная работы на Муромском городке, я понимала, что на много лет придется отказаться от раскопок памятников других культур, в том числе именьковской культуры, которой я занималась в предшествующие годы. Что же заставило меня обратиться к Муромскому городку? Прежде всего то, что он занимал особое место среди болгарских городов. Он был самым южным среди них и находился на Самарской Луке, со всех сторон окруженной Волгой. Следовательно был защищен самой природой. К югу от Луки начинались степные просторы, заселенные кочевниками. Муромский городок изначально должен был играть роль важного стратегического пункта на южной окраине Болгарского государства. По площади этот город не уступал домонгольскому Киеву. К тому же Муромский городок был очень слабо исследован. На площади в 150 га В. В. Гольмстен был заложен всего один сравнительно небольшой раскоп в западной части внутреннего города. Исследование Муромского городка — одного из крупнейших городов Волжской Болгарии могло раскрыть новые страницы истории Болгарского государства.

Всю зиму мы готовились к летней экспедиции: закупали палатки, спальные мешки, лопаты, ведра и котлы для кухни. В хлопотах быстро пролетели зима и весна. Началась экзаменационная сессия у студентов. Стояла нестерпимая жара, хотелось как можно скорее покинуть раскаленный город и начать экспедиционную жизнь на лоне природы.

Наконец настал день отъезда, полный хлопот и волнений. Сначала — ожидание машины, затем погрузка инвентаря и оборудования и, наконец, выезд студентов рейсовым автобусом. Несмотря на то, что каждый год повторяется одно и то же, дни отъезда не перестают для меня быть радостными и запоминающимися.

В тот первый год мы добирались до Муромского городка на рейсовом автобусе Куйшыев-Сызрань. Миновав село Валы, мы попросили шофера остановиться у поворота на с. Жигули и вышли из автобуса, оставив его почти пустым. По дороге, ведущей в с. Жигули, мы прошли около трех километров к западу и нашим глазам предстал Муромский городок, вернее место, где он некогда находился. Это было обширное плато, изрезанное оврагами, повышающееся к западу и северу. Город находился как бы в низине. Со стороны Волги и Усы он не был виден. С южной стороны город был защищен двумя оборонительными линиями, каждая из которых состояла из вала и рва, идущих с востока на запад параллельно дороге. Один из валов вблизи от дороги поворачивал к северу,

был задернован и четко выделялся на фоне пашни, другой уходил далее на запад и внезапно обрывался, так как был распахан. Строителями городища в качестве оборонительных сооружений умело использовались глубокие отроги Яблоневого оврага. Видимо, их углубляли и стенки делали более отвесными.

Вся площадь города была распахана. Всюду на пашне встречались обломки красноглиняных гончарных сосудов, кости животных, биконические глиняные пряслица, напоминающие косточки от счет. Иногда можно было найти какое-либо железное или бронзовое изделие.

Мы разгрузили машину и отнесли инвентарь и продукты в домик, одиноко стоявший к югу от дороги Валы—Жигули. Половину этого домика занимала семья рабочего нефтепровода, проходящего поблизости, а другая половина была незаселенной и нам позволили в ней разместиться до тех пор, пока не будет разбит лагерь. Студенты разбрелись по пашне в поисках находок, а я с Верой Скарбовенко и Геной Пятых отправилась выбирать место для лагеря. Вскоре мы нашли подходящий участок в восточной части города недалеко от места, где сходились три оврага. Согласно легенде, рассказанной нам жителями с.Валы, в этом месте был зарыт клад — золотая карета, наполненная драгоценностями. Мы переночевали в домике, а к обеду следующего дня на небольшом нераспаханном мысу вырос наш палаточный город. Начались раскопки города.

Первая ночь в лагере не прошла без приключений. Студентка Таня Кольга то ли во сне, то ли проснувшись среди ночи и, не поняв, где она находится, громко закричала на весь лагерь, разбудив всех его обитателей. Я выскочила из спального мешка и стремглав бросилась на крик, но когда добежала до Таниной палатки, она сказала, что ей на голову упал ее чемодан, стоявший в изголовье.

Жизнь в лагере потекла размеренно и спокойно. Дежурные вставали часов в 5 и готовили завтрак. Подъем всех остальных был в 7 часов, а в 8 часов начиналась работа на раскопе. В самые жаркие часы с 12 до 5 был перерыв, а в 5 мы снова выходили на работу. Вечером после ужина все собирались у костра, где начинались импровизированные концерты, продолжавшиеся далеко за полночь. Гитаристы сменяли друг друга. Пели песни Окуджавы, Кукина, Визбора, Городницкого и иногда обращались к творчеству местных поэтов и бардов. Довольно популярна была, например, белогвардейская трилогия сочиненная студентами Куйбышевского пединститута.

Иногда в лунные ночи кто-то из сидевших у костра студентов начинал рассказывать страшные истории, и вскоре на противоположном склоне оврага появлялась фигура в белой одежде, плывущая как бы не касаясь земли. Смельчаки бросались вдогонку за приведением, но оно внезапно исчезало где-то за кустами.

Несмотря на то, что лагерь находился всего в двух с половиной километрах от оживленной трассы Самара—Москва и в 300 м от дороги, ведущей из Валов в совхоз Жигули, мы жили в полной изоляции от окружающего мира. Никто никогда не посещал нас, и это создавало атмосферу покоя и отдыха. Впрочем, пребывание в экспедиции это всегда лучший отдых. Особенно если человек в городе занят умственным трудом. Хотя бы месяц в году ему необходимо жить вдали от достижений цивилизации, без телевизоров и магнитофонов, слушать музыку природы: шелест листьев, стрекотание кузнечиков, журчание ручьев, щебетание птиц. За месяц нервная система хорошо отдыхает от постоянно обрушивающегося на нас потока информации, поэтому в город возвращаешься бодрым, помолодевшим, счастливым. Благотворно действует на организм и физический труд и небогатая жирами экспедиционная пища, получаемая всегда в одно и то время и, особенно, прикосновение босых ног к земле, ходьба босиком по росе, по лужам, по стерне.

В последние годы я все чаще сталкиваюсь со стремлением некоторых студентов избежать прохождения археологической практики. Я с сожалением смотрю на тех, кто приносит справки о существующих, а иногда и вымышленных болезнях, потому что эти люди лишают себя возможности получить мощный заряд бодрости.

Каждый день мы по семь часов трудились на раскопе и каждый день приносил новые, пусть небольшие открытия. Наш раскоп находился в западной части внутреннего города недалеко от раскопа, заложенного в 1929—1930 годах. В южной его части мы вскрыли угол здания, частично исследованного В. В. Гольмстен. К раскопу примыкала с севера длинная траншея, в которой были обнаружены следы производственных сооружений: медеплавильной печи, кузнечного горна, а также инструменты ювелира и т. д. О том, что поблизости находились железодельные горны, свидетельствовали многочисленные находки шлаков и нескольких железных криц. Год спустя мы обнаружили один из них — глинобитную печь цилиндрической формы с вертикальным проемом для выемки готовой железной крицы. В таких горнах получали железо путем восстановления его из окислов, засыпая чередующиеся слои же-

лезной руды и угля. Уголь поджигали и, чтобы обеспечить необходимую для восстановления железа температуру, в горн вдували воздух через специальные отверстия, в которые вставлялись глиняные трубочки — сопла с надетыми на них кожаными мехами.

Нам удалось обнаружить следы кропотливой работы металлургов по обогащению железной руды. Неподалеку от горна находились круглые жаровни, под которыми разводился огонь. На них просушивалась промытая руда.

Медеплавильная печь полусферической формы напоминала опрокинутую чашу. Она была сложена из глины и камней. В верхней части печи имелось отверстие, через которое производилась ее загрузка. Внутри печи обнаружены чередующиеся слои медной руды и угля, окрашенного ярко-зелеными окислами меди. В яме находившейся под печью, был обнаружен толстостенный сосуд прямоугольной формы, также окрашенный внутри окислами: в него стекал расплавленный металл. Вокруг печи встречались медные шлаки, кусочки меди, земля была местами окрашена в зеленый цвет.

Неподалеку от медеплавильной печи находилась мастерская медника, изготавливавшего посуду и другие изделия из медных листов. Где-то поблизости находилась и мастерская ювелира, так как был обнаружен маленький железный молоточек, а также бронзовая матрица для изготовления золотых и медных полых шариков.

Исследовать Муромский городок было нелегко. Приходилось тщательно ножом и кисточкой расчищать сооружения, зарисовывать, фотографировать, подробно описывать их. Людей на раскопе было довольно много, а у меня лишь две помощницы — Вера Скарбовенко и Лена Усанова. Опыт их был невелик, но они очень старались и успешно справлялись с возложенными на них обязанностями.

В тот год среди первокурсников, проходивших практику, было пять человек, впоследствии ставших профессиональными археологами: Ирина Мажанова (Васильева), Сергей Агапов, Нина Габелко (Моргунова), Володя (Риза) Багаутдинов, Ирина Тихомолова. Все они были увлечены археологией и работали с большим усердием.

Работы на Муромском городке продолжались и в течение восьми последующих лет. За девять лет было заложено 24 раскопа в разных частях города. Ежегодно в экспедиции проходили практику первокурсники исторического факультета. Их руками извлечены и тщательно просеяны сотни кубометров земли, расчищены десятки сооружений: жилищ, гончарных горнов, печей, хозяйственных ям, найдены тысячи фрагментов

сосудов, железных, бронзовых, костяных, стеклянных изделий. Без них раскопать Муромский городок было бы невозможно.

Каждый год работ экспедиции дополнял наши знания о Муромском городке и приносил какие-нибудь сюрпризы. В 1973 году однажды прошел сильный дождь и на размытой пашне оказалось большое количество различных вещей. На поиски их мы отправили двух школьников: Юру Колева и Володю Ульянова, а также нескольких студентов. Ребята приносили то плужный лемех, то косу-горбушу, то кузнечный молот-ручник. Мы стали давать им задания и, удивительно, что они их выполняли, принося датирующие вещи: бронзовую поясную пряжку, сердоликовую бусину биконической формы и даже монету — серебряный германский денарий XI века.

В 1972 году на Муромском городке работал дружный и веселый курс, поступивший в университет в 1971 году, в раскопе заложенном в западной части внутреннего города был обнаружен ров, служивший самым первым оборонительным сооружением X века. Глубина рва составляла более двух с половиной метров. Студентам пришлось изрядно потрудиться, пока, наконец, после снятия тринадцати горизонтов показался материк. Лето было очень знойным и засушливым, но из-за отсутствия в лагере автомашины ездить за 10 километров на Волгу не удавалось, приходилось ограничиваться обливанием водой из ручья. Случались даже солнечные удары, но студенты не унывали. Не проходило дня без каких-либо выдумок. Трудности практики не испугали студентов этого курса и семь из них: Саша Выборнов, Наташа Салугина, Оля Христинина, Валя Зудина, Люся Кузнецова, Алла Ватазина, Володя Кузнецов стали впоследствии археологами, при этом шестеро защитили кандидатские диссертации.

Курс, поступивший в университет в 1974 году, был особенно артистичным. В день посвящения в археологи студентами этого курса был поставлен спектакль по сценарию студентки IV курса Ирины Тихмоловой. Нивесть откуда взялись яркие выразительные костюмы. Персонажами спектакля были древние болгары, русы и даже посол багдадского халифа Муктадира-Ибн-Фадлан. Этот же курс подготовил оперу на темы экспедиционной жизни.

Годы работы на Муромском городке были самыми интересными и незабываемыми не только для меня, но и для всех студентов. За девять лет Средневожской археологической экспедицией на Муромском городке было вскрыто около четырех тысяч квадратных метров. Конечно это ничтожно мало по сравнению с общей площадью города, составляв-

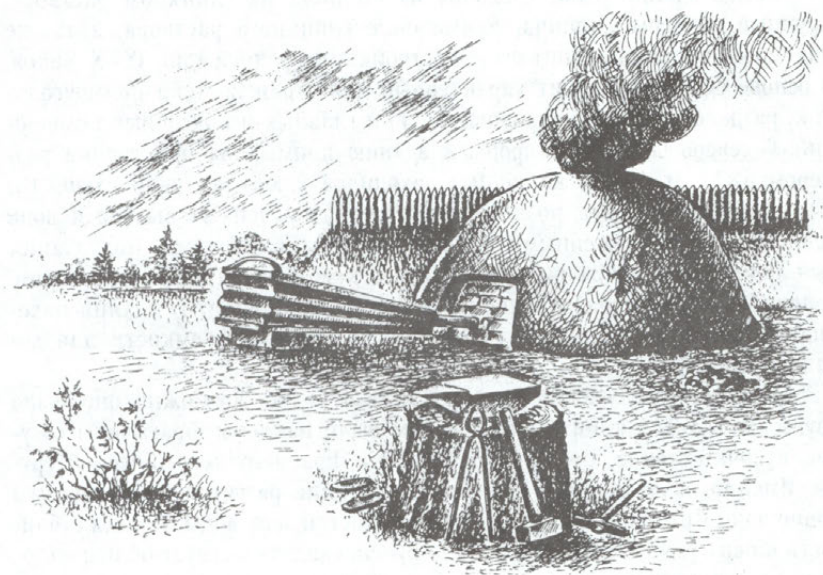
шей 150 гектаров, но все-таки нам удалось раскрыть некоторые тайны Муромского городка. Постепенно страница за страницей восстанавливалась история его возникновения и развития.

В V—VII веках на территории будущего города существовало несколько поселений именьковской культуры. На одном из них нам удалось найти жилище-полуземлянку. Самое крупное поселение находилось к югу от Муромского городка, там, где было расположено мусульманское кладбище его обитателей. Все эти поселения прекратили существование задолго до возникновения города, не позднее VII века н. э.

В середине X века болгары, жившие на Самарской Луке, облюбовали участок, расположенный между двумя глубокими отрогами Яблоневого оврага в западной части Самарской Луки на равном расстоянии от ее северной и южной оконечности. Они построили бревенчатые дома с глинобитными печами, вырыли погреба для хранения продуктов и стали пахать землю, сеять хлеб и пасти стада. В западной части поселка задымили железоделательные домницы и медеплавильные печи, зазвенели молоты кузнецов.

Обитатели городка позаботились о своей безопасности. Они углубили овраги, зачистили и сделали вертикальными их склоны. С западной стороны, там где не было оврагов, они вырыли ров шириной восемь метров и глубиной более двух метров. Ров видимо был заполнен водой, так как водоносный слой на Муромском городке залегал неглубоко. Сооружение рва происходило в момент возникновения поселения, так как выкид из него лежит непосредственно на погребенной почве, а не на культурном слое. Подобные рвы являются древнейшими оборонительными сооружениями волжских болгар. Они найдены в некоторых наиболее ранних городах Болгарии, в частности в первой ее столице — городе Болгаре.

В XI веке ров был засыпан и вместо него был сооружен вал. С наружной стороны от вала вырыт новый, более глубокий ров. Город быстро рос. Он вышел за пределы внутреннего города, расположенного между отрогами оврага. Уже в начале XI века территория к северу от внутреннего города была заселена. Здесь также выросли деревянные дома. У оврага, отделяющего внутренний город от внешнего, в конце X века была построена баня из кирпича. Вероятно ее строили среднеазиатские мастера, возможно те самые, которые в X веке возвели в городе Биляре здание, определяемое археологом А. Х. Халиковым как караван-сарай. С таким определением билярского здания трудно согласиться, видимо оно как и здание

Медеплавильная печь Муромского городка. Реконструкция Ю.А.Семькина

на Муромском городке было баней. Обе постройки удивительно близки друг к другу по размерам, форме и планировке.

Здание, исследованное в северной части Муромского городка имело прямоугольную форму. Его размеры 10,8×10 м. Фундамент здания был сложен частично из кирпича, частично из крупных подтесанных известняковых камней. Кирпич крупномерный размером от 29×29×5 см до 25×25×5 см. Преобладали кирпичи размером 27×27×5 см и 26×26×5 см. Под полом основной центральной части здания проходили каналы отопительной системы. Основу ее составляли два магистральных канала, шедших от топки, примыкавшей к зданию с северо-восточной стороны. Топка, видимо, находилась внутри деревянной пристройки. Она была сложена из кирпича, сильно обожженного в процессе ее эксплуатации. Подпольная система отопления была обычна для кирпичных построек Волжской Болгарии, Средней Азии, Китая и вообще для Востока.

Стены здания были сложены из кирпича на глиняном растворе. Крупные размеры кирпича, применение глиняного раствора, а также планировка здания роднит его с постройками Средней Азии IX—X веков. В основе его плана лежит характерный для стран Востока прямоугольник, разделенный на квадратные ячейки главных и подсобных помещений. С северо-западной стороны к зданию примыкала пристройка размером 6×1,5 м. Выход из здания находился в юго-западной стене. Он был обращен к оврагу, по которому протекал ручей. От выхода к воде вели ступени с уложенными на них каменными плитами. Пол здания был покрыт водонепроницаемыми известково-алебастровым раствором. В полу помещения, находившегося в северо-западном углу здания находились два прямоугольных углубления, возможно это емкости для холодной воды.

О количестве этажей здания судить трудно, возможно оно было двухэтажным. В здании и рядом с ним были найдены фрагменты сосудов, кусочки стекла, хрустальная бусина и фрагмент керамической трубы. Именно находка этого фрагмента, наличие разветвленной системы подпольного отопления и углублений-емкостей для воды, а также близость к оврагу, по которому протекал ручей, свидетельствует об использовании здания в качестве бани. В эпоху средневековья в странах Востока, как и в древнем Риме, бани играли роль своеобразных клубов, где не только мылись, но и проводили свой досуг, общались друг с другом. Бани более позднего золотоордынского периода изучены в г. Болгаре. Например, знаменитая Красная Палата.

Расположение бани за пределами внутреннего города вполне объяснимо. К моменту ее строительства в конце X века территория внутреннего города была очень плотно застроена, а северная часть внешнего города едва начинала заполняться постройками. Баня находилась как бы на границе внешнего и внутреннего городов. Она сооружалась в момент начала заселения северной части внешнего города, так как строительный мусор образовавшийся при постройке бани лежит непосредственно на почве, а не на культурном слое. В архитектуре и строительной технике бани, как уже отмечалось, проявляются черты, характерные для архитектуры Средней Азии IX—X веков до ее завоевания в XI веке тюрками-сельджуками: крупномерный кирпич со сторонами 26—29 см, применение глинистого раствора, квадратная планировка, подпольная система отопления. Скорее всего баня была построена в конце X века. Некоторые особенности бани отличают ее от других зданий Волжской Болгарии. Во-первых, это отсутствие антисейсмических приемов в строи-

тельстве — отсутствие глиняных подушек под основанием здания и расширяющихся к основанию фундаментов, во-вторых широкое применение в качестве строительного материала известняковых камней, из которых сложена часть фундамента. Известняковыми и сланцевыми плитами перекрывались дымоходы.

В северной части внешнего города видимо находилось торжище, недаром именно там была найдена западно-европейская монета германский денарий XI века. В XI веке северная часть внешнего города была обнесена валом и рвом. В настоящее время этот вал разрушен, но весной на пашне можно проследить глинистую полосу, оставшуюся на месте вала.

Видимо не позднее XI века город начал расти и к югу. В XII веке строились две оборонительные линии, охватившие Муромский городок с юга и юго-запада. В южной части города наряду с деревянными домами возводили постройки из сырцового кирпича и глины. Многие из них были довольно велики по площади.

В западной части города по-прежнему были сосредоточены ремесленные мастерские. Здесь находились цилиндрические горны-домницы для получения железа из луговых и болотных руд, кузницы, где ковались орудия труда и предметы вооружения, медеплавильные печи и мастерские медников, изготавливавших посуду и другие изделия из меди. Чуть поодаль у вала располагался гончарный горн, в котором обжигался кирпич и посуда. Где-то поблизости находилась мастерская медника, так как сохранились обрезки медных листов и медный сосуд.

Видимо в западной части внутреннего города селились ремесленники, снабжавшие своей продукцией не только горожан, но и жителей окрестных селищ, составлявших сельскую округу Муромского городка. В непосредственной близости от ремесленных мастерских находились два больших кирпичных здания, примыкавших друг к другу в виде буквы Г. Они частично были исследованы экспедицией под руководством В. В. Гольмстен в 1929—1930 годах. В их планировке и строительной технике было много общего со зданием, расположенным в северной части внешнего города. Видимо это также были бани. Судя по меньшим размерам кирпича (25×25×5 см) они были построены позднее чем северное здание, в XI или даже в начале XII века.

Ремесленники составляли значительную часть городского населения. В XII веке ремесленные мастерские стали возникать в южной части внешнего города. В 1978 году экспедицией университета там внешнего города был исследован гончарный двухярусный горн круг-

лой формы. В нем обжигалась глиняная посуда. Болгарские гончары славились своим искусством. Они изготавливали на ножном гончарном круге корчаги, горшки, миски, кувшины, кружки, чаши. Посуда украшалась линейным, волнистым, зубчатым орнаментом и обжигалась в горнах, приобретая красивый красный или коричневый цвет. Болгарские ремесленники умели изготавливать и поливную посуду, покрытую зеленовато-коричневой глазурью. Иногда на днищах сосудов ставились клейма, возможно каждый мастер имел свое клеймо. Впрочем, некоторые исследователи считают клейма родовыми знаками людей, заказавших гончарам сосуды.

В жизни Муромского городка как и других болгарских городов большую роль играла торговля как внутренняя так и внешняя. Особенно важное значение имела транзитная торговля с Востоком, в которой Волжская Болгария выступала как поставщик товаров и посредник в торговых связях Руси, Западной Европы и народов севера с Хазарией, Средней Азией, Кавказом, Багдатским Халифатом и Персией. Через Волжскую Болгарию шел великий волжский путь. Восточные письменные источники сообщают, что со стороны Каспия по Итилю (Волге) поднимались караваны судов с Кавказа, из Хорезма и Персии. Этот путь против течения они преодолевали за два месяца, а вниз по течению за двадцать дней. Существовал и сухопутный путь из Хорезма в Болгарию, описанный Ибн-Фадланом. Во время раскопок Муромского городка и других болгарских городов среди костей различных домашних и диких животных встречены немногочисленные кости верблюдов. Видимо это останки животных, прибывавших с караванами и по какой-то причине забитых в Болгарии.

Через Болгар и Итиль, по сообщению арабского автора X века Аль-Мукаддаси, проходили разнообразные товары: меха соболей, горностаев, хорьков, ласок, куниц, лисиц, бобров, зайцев, коз, выделанная конская кожа (юфть), мед, орехи, кора тополя, береста, высокие шапки, рыбий клей, бобровая струя, амбра, мечи, стрелы, кольчуги, ковры и славянские рабы. Все эти товары поставлялись Болгарией, Русью и Севером. Города Персии Нишапур и Себзевар имели постоянные связи с Болгарией. С Востока в Волжскую Болгарию поступали предметы роскоши: ковры, шелковые ткани, пряности, благовония, поливная посуда, изготовленная из особой белой глины — кашина и из красной глины. На Муромском городке найдены сосуды, покрытые разноцветной поливой, привезенные из Хорезма, Азербайджана, Армении и Грузии. Особенно интересны фрагменты фаянсовых сосудов с рисунком, нанесенным золотистой краской — люстром, происходящие из городов Ирана. Встречены сфе-

роконусы — сосуды для перевозки благовоний и различных химических веществ, изготовлявшиеся в Средней Азии. Скорее всего они были изготовлены в Самарканде.

О торговле с Русью свидетельствуют находки стеклянных браслетов синего, зеленого, фиолетового цветов, пряслица из розоватого камня шифера, добываемого в окрестностях древнерусского города Овруча, неподалеку от Киева. О связях с Прибалтикой говорят находки янтарных украшений. Видимо торговцы наряду с ремесленниками составляли значительную часть населения Муромского городка.

Как и во всех средневековых городах часть населения занималась земледелием и скотоводством. Выращивались злаковые и огородные культуры. Все восточные авторы подчеркивали роль земледелия в жизни волжских болгар “Болгары — народ земледельческий и возделывают всякого рода земляной хлеб как то: пшеницу, ячмень, просо и другие”, — писал Ибн-Русте в X веке. Ибн-Фадлан свидетельствовал, что просо и мясо лошади, а также пшеница и ячмень составляют основную пищу болгар. Все это прекрасно подтверждается находками, происходящими с Муромского городка. Это прежде всего земледельческие орудия лемехи от тяжелых плугов — сабанов, сошники — наконечники сох для вспахивания легких почв, мотыги, косы-горбуши и серпы для уборки урожая, а также жернова для размола зерна. Найдены большие ямы цилиндрической формы, в которых часто находятся обугленные зерна пшеницы, ячменя, овса, а иногда желтоватая спекшаяся масса — просо, которое порою сохраняется даже не будучи обугленным. По уровню развития земледелия Болгария не отставала от Руси, и известны случаи, когда в неурожайные годы Русь закупала у болгар жито (хлеб).

Не менее важную роль в жизни обитателей Муромского городка играло скотоводство. Судя по находкам огромного количества костей, мясо было повседневной пищей болгар. Разводили лошадей, крупный и мелкий рогатый скот. Кости свиней отсутствуют, так как ислам запрещал употребление в пищу мяса этого животного.

Болгары были прекрасными рыбаками, недаром грузила от сетей и крупные рыболовные крючки постоянно встречаются на Муромском городке и на других болгарских поселениях. Кости осетровых рыб, находимые в культурном слое и в хозяйственных ямах поражают своими огромными размерами. О существенной роли охоты можно судить по находкам костяных и железных наконечников стрел, а также костей медведя, лося, волка, куницы, лисицы, зайца, бобра и других диких животных.

Железные изделия с Муромского городка

Все находки свидетельствуют о высоком уровне жизни обитателей Муромского городка. Несколько меньше получено сведений о духовной жизни населения города. К сожалению, не удалось найти остатков мечетей, но они несомненно были, так как ислам уже с X века был государственной религией. О внедрении ислама свидетельствуют погребения, обнаруженные в огромном могильнике, расположенном к югу от города. В нем похоронены жители Муромского городка. Погребенные лежат в гробах, в типичной для мусульман X—XII веков позе: на спине головой на запад с лицом, обращенном к югу, к священному городу Мекке. С ними нет никаких вещей. В могилах обнаружены только гвозди от гробов, да в одном из погребений — наконечник стрелы, видимо послуживший причиной смерти погребенного.

Другой могильник находился к западу от города. Возможно он более поздний, функционировавший в последний период существования города. О некоторых пережитках языческих представлений и верований говорят находки амулетов, изготовленных из костей животных и птиц и из просверленных плоских галек овальной форма черного цвета.

Можно встретить глиняные сосуды с зооморфными ручками, это свидетельствует о некоторых отступлениях от ислама, ибо он запрещал изображать человека и животных и предписывал ограничиваться растительными орнаментами.

Муромский городок предстает перед нами как феодальный город с глубоким имущественным и социальным расслоением горожан. В городе жили феодалы, дома которых еще предстоит исследовать, ремесленники и торговцы, строившие себе бревенчатые избы и глинобитные дома, и простой люд, ютившийся в полуземлянках и небольших наземных постройках. Часто встречающиеся находки железных замков свидетельствует о накоплении богатств известной частью населения города.

Горожане, не жалея сил, строили оборонительные сооружения, стремясь обезопасить себя в случае вражеского нашествия. Они были готовы в любую минуту встать на защиту своих владений. Многие из них были вооружены. Недаром находки боевых топоров, наконечников стрел и копий, кинжалов, перекрестий от сабель, колечек от кольчуг на Муромском городке довольно часты.

Несмотря на бдительность горожан, им не удалось отстоять свой город в 1236 году в тяжелые дни татаро-монгольского нашествия. Враги ворвались в него и смели его с лица земли, оставив руины и пепелища. Население было частично истреблено, частично взято в плен и продано в рабство. Кому-то возможно удалось укрыться в Жигулевских

горах, покрытых лесами. Во время работ, проводимых в 1929—1930 годах экспедицией под руководством В. В. Гольмстен, были обнаружены скелеты, в костях одного из которых застрял железный наконечник стрелы.

После татаро-монгольского нашествия город не возродился, слишком тяжелый урон был ему нанесен, слишком много его обитателей полегло во время вражеского набега. Прошли века, и поросли бурьяном пепелища, время сгладило память о цветущем средневековом городе, некогда стоявшем на Самарской Луке. Даже имя его было забыто. Но до сих пор живут легенды о нем. Жители сел Валы и Жигули расскажут вам о том, что в городе жил народ-муромцы, которые перебрасывались топорами с обитателями другого городища, находящегося на берегу Волги в лесу. Вероятно, речь идет о Задельной горе, где до сих пор сохранились валы и рвы. Появление предания о муромцах, видимо, можно объяснить тем, что предки нынешних обитателей сел Валы и Жигули приехали на Самарскую Луку откуда-то из района города Муром, где, как известно, некогда обитала летописная мурома. Видимо, существовали легенды, связанные с муромскими городищами. Переехавшись на Самарскую Луку, русские перенесли с собой эти легенды. В. В. Гольмстен вслед за местным населением называла данный памятник Муромским городком. Под этим названием он и вошел в литературу.

Поиски Великой Венгрии

Августовским утром 1975 года небольшой отряд Средневожской археологической экспедиции выехал в Борский район, чтобы обследовать дюны реки Самарки. Нас было пятеро, не считая собаки Лады: две Тани Скупова и Щеглова, Володя Камаев, Юра Семькин и я. Для меня эта поездка в Борский район не была первой. Еще в 1970 году со студенткой Башкирского университета Ларисой Кучеровой мы обследовали дюны в окрестностях сел Борское, Немчанка и Коноваловка и открыли более десятка памятников. Мне хотелось еще раз осмотреть дюны и одновременно ознакомить с методикой проведения разведок новое пополнение археологического кружка.

Мы ехали в кузове “с ветерком”. Навстречу нам нескончаемым потоком двигались машины, везущие в город хлеб. Прибыв в Борский район, мы пошли вдоль р. Самары, осматривая песчаные дюны. Стояли тихие и теплые последние дни уходящего лета. На бескрайних бахчах блестяли на солнце арбузы. Сторожа бахчей угощали нас ими.

Дюны — песчаные холмы, тянущиеся вдоль реки Самары. В эпоху мезолита и неолита люди селились на дюнах поближе к воде, так как рыболовство и охота на водоплавающую птицу были важнейшими их занятиями. На местах обитания людей остались их следы: черепки разбитой посуды, кремневые орудия, их заготовки и отходы производства — отщепы кремня. Культурный слой, состоящий из песка, непрочен и легко раздувается ветром, поэтому находки часто лежат прямо на поверхности. Иногда в результате раздувания песка обнажаются неглубоко зарытые погребения. Сколько бы раз археологи не осматривали дюны, они всегда находят все новые следы прежней жизни. В этот раз нам удалось выявить несколько местонахождений кремневых пластин и фрагментов сосудов.

В каждом населенном пункте мы проводили опрос местных жителей, выясняя, не находили ли они во время земляных работ каких-либо древних вещей. На разъезде Немчанка нам сообщили, что весной на дюне были обнаружены человеческие кости, сабля и какие-то украшения, и рекомендовали обратиться к местному пастуху

А. П. Петрову, который сам лично видел погребения и собрал часть найденных вещей.

Мы отправились разыскивать А. П. Петрова, который пас стадо неподалеку от разъезда. Он повел нас на место находки. Это была обыкновенная песчаная дюна. По словам А. П. Петрова, весенние воды размыли песок и обнажили два лежавших на глубине приблизительно 50—60 см человеческих костяка. Оба находились в вытянутом на спине положении и были обращены головами на запад. Вместе с ними лежало оружие: наконечники стрел и сабля, а также металлические украшения. На фалангу пальца одного из погребенных был надет перстень. Петров рассказал, что к месту нахождения погребений сбежались вездесущие ребята и начали собирать вещи, нисколько не заботясь об их целостности. Например, саблю, которая сильно проржавела, они брали неосторожно и большая часть ее полностью разрушилась. Бесследно исчезли и некоторые вещи, сопровождавшие погребения, однако, самые интересные из них А. П. Петров взял и сейчас хранит их у себя дома.

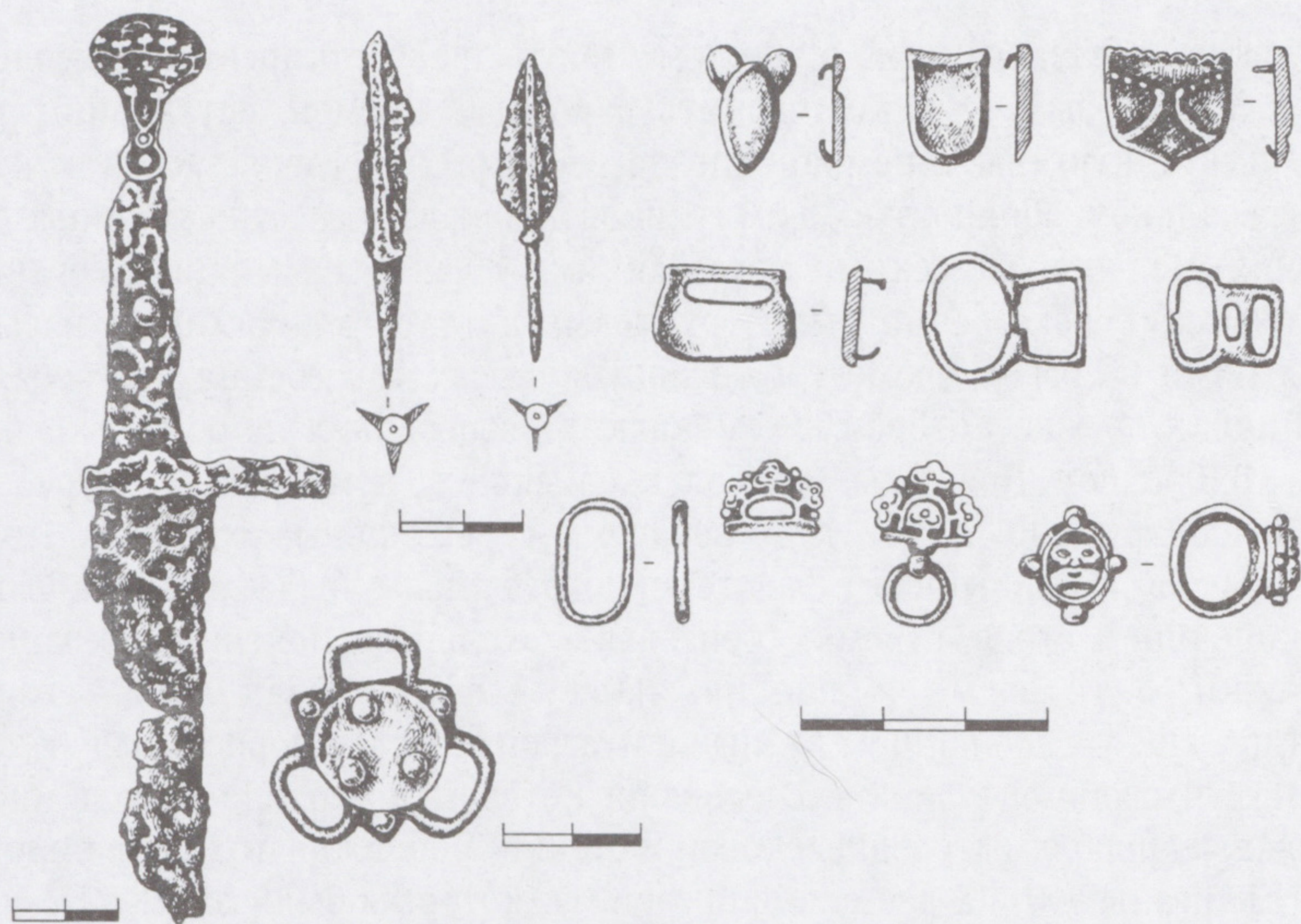
Вечером мы пришли домой к А. П. Петрову и он передал нам находки. Среди них был обломок железной сабли с сохранившейся рукоятью, с серебряным навершием в виде луковицы, железный трехлопастной наконечник стрелы, серебряные тrenzельные кольца, принадлежавшие к конской сбруе, серебряный перстень со щитком в виде бородатой человеческой личины и набор серебряных поясных накладок и пряжек. Все вещи А. П. Петров передал нам. Поблагодарив его, мы поехали располагаться на ночлег. Студенты были в восторге от столь неожиданной удачи. Я предложила им датировать находки и определить к какой культуре они принадлежат. Обе Татьяны занимались эпохой бронзы, поэтому они затруднились ответить на мои вопросы. Володя Камаев и Юра Семькин, писавший свою первую курсовую по металлургии Волжской Болгарии, высказали предположение о том, что погребение болгарское и датируется VIII—IX веками. После этого посыпались вопросы, обращенные уже ко мне. Студентам хотелось узнать как можно больше о найденных погребениях. Я сказала, что дата определена ими в основном правильно, хотя вероятнее всего погребения относятся к IX веку. Это действительно раннеболгарское время, но найденные захоронения едва ли принадлежат самим болгарам, так как в погребениях болгар редко встречаются серебряные изделия. Скорее всего они оставлены какой-то другой этнической группой, позднее вошедшей в состав Волжской Болгарии. Сабля с серебряным навершием, перстень и поясные накладки более всего напоминали мне аналогичные изделия из курганов VIII—

IX веков, исследованных в Южном Приуралье башкирским археологом Н. А. Мажитовым. Однако говорить о родстве племен, оставивших приуральские курганы и немчанские погребения, я не решалась, так как в погребальном обряде этих памятников наблюдались существенные различия. Над приуральскими погребениями обычно насыпаны курганы, а немчанские погребения были грунтовыми, то есть курганных насыпей над ними не было. Кроме того в приуральских погребениях встречалась глиняная посуда, которой в немчанских погребениях не обнаружено.

В Среднем Поволжье наиболее близкое к немчанским погребение было обнаружено в 1969 году во время строительных работ на 116 километре в г. Куйбышеве. Вместе с погребенным была найдена сабля, наконечники стрел, стремя, трензельные кольца и поясные накладки и пряжки. В то время я еще не знала, что год назад в 1974 году в Татарстане у с. Большие Тиганы при строительстве дороги был обнаружен грунтовой могильник, исследование которого позволило решить многие сложные проблемы средневековой истории Поволжья и Приуралья.

Курганы VIII—IX веков в Башкирии, к которым были близки Немчанские погребения, относятся исследователями к кушнаренковской культуре, племена которой появились на территории Южного Приуралья во второй половине VI века. По мнению большинства археологов, они пришли из Сибири и язык их принадлежал к угорской ветви финно-угорской языковой семьи. Культура кушнаренковских племен ярка и самобытна. Особенно оригинальна их посуда. Сосуды изготовлялись из хорошо отмученной и промешанной глины, были тонкостенны и очень прочны. Они имели цилиндрическое горло и яйцевидное шаровидное или реповидное тулово с округлым дном. Орнамент располагался на шейке и плечиках сосуда. От отличался тонкостью и изяществом. Обычно несколько рядов горизонтальных линий чередовались с рядом отпечатков короткого зубчатого или полулунного штампа, коротких перекрещивающихся линий или мелких треугольников, направленных вершинами в разные стороны. У некоторых сосудов было орнаментировано дно. Орнамент на дне представляет собой многоконечную звезду или крест: в нем нетрудно распознать изображение солнца.

Кушнаренковские сосуды встречены в памятниках Башкортостана VI—VII веков в Бирском, Кушнаренковском, Турбаслинском могильниках, на Романовском II, Кушнаренковском, Ново-Турбаслинском селищах, а также на городище Уфа II. Во всех этих памятниках они представлены сравнительно небольшим количеством наряду с другими типами посуды: бахмутинским, романовским (именьковским) и турбаслинским. Только на

Вещи из разрушенных погребений близ разъезда Немчанка

западе Башкортостана в междуречье Белой и Ика обнаружены отдельные поселения, где кушнаренковская посуда встречается без других типов сосудов (Куштирякское селище). Однако слой этих поселений очень тонок и беден находками. Это наводит на мысль о том, что кушнаренковцы вели подвижный, кочевой образ жизни. Их поселения можно считать скорее временными сезонными стойбищами.

Появление единичных кушнаренковских сосудов на турбаслинских и бахмутинских поселениях видимо является результатом межплеменных браков: кушнаренковские женщины, выходя замуж за иноплеменников селились на их поселениях и приносили с собой свою посуду.

О кочевом образе жизни как будто свидетельствует и погребальный обряд кушнаренковских племен. У них были курганные могильники. Обычно под небольшими курганными насыпями содержится от одной до трех могил. Многие насыпи в настоящее время полностью распаханы. В насыпях курганов встречаются черепа, челюсти и кости ног лошадей.

Погребения совершались в неглубоких ямах прямоугольной или овальной формы. Погребенные лежали головой на север или северо-запад. В изголовье обычно стоит глиняный сосуд и лежат кости животных, чаще всего лопатка или плечевые кости лошади.

В мужских погребениях встречаются наборы вещей, типичных для воинов-кочевников. Это предметы конской сбруи, включающие удила, стремена, уздечки с серебряными накладками разных форм и трензельными кольцами. Богатые поясные наборы: серебряные пряжки, накладки, наконечники ремней, изменялись со временем. В VI—VII веках были распространены так называемые геральдические накладки и пряжки, напоминающие по форме рыцарские гербы. Позднее в VIII—IX веках на смену геральдическим поясным украшениям пришли квадратные с прорезями, сердцевидные и другие поясные накладки. Изменился также тип пряжек и наконечников ремней. Непременной принадлежностью мужских погребений было оружие: наконечники стрел, костяные накладки луков, иногда сабли с серебряными навершиями в украшенных серебряными накладками ножнах. В единичных погребениях Лагеревского и Каранаевского могильников найдены железные шлемы. В Стрелитамакском могильнике обнаружены маски из серебряного листа с прорезями для глаз.

В женских погребениях VI—VII веков встречаются серьги в виде незамкнутого кольца с многогранником на одном конце (Куштиряжское погребение), штурвалообразные и круглые с полукруглыми выступами подвески, пастовые и сердоликовые с белой инкрустацией бусы, а также поясная гарнитура геральдического типа. В погребениях VIII—IX веков набор вещей становится более богатым. В них встречаются височные подвески, серьги в виде незамкнутого кольца овальной формы с подвеской, подвески, прикреплявшиеся к косам, в виде двух направленных в разные стороны лошадиных головок с колоколовидными привесками внизу, ожерелья из стеклянных и пастовых бус, включающие серебряные подвески сердцевидной формы. Руки погребенных украшались браслетами с гранеными концами с точечным орнаментом и перстнями со щитками. Как и в мужских погребениях в женских встречаются наборы поясных накладок, пряжек и наконечников ремней.

Территория распространения кушнаренковских племен весьма обширна: она простирается от Камы (Кузебаевское городище) до южной излучины р. Белой (Красногорский и Береговский курганные могильники), от р. Ик (Куштиряжские поселение и погребение) до среднего течения р. Ай (Лагеревский курганный могильник) и даже до восточного склона Уральского хребта (погребения на озере Синеглазово).

Объединение памятников VI—VII и VII—IX веков в одну культуру диктуется сходством глиняной посуды, встречающейся в погребениях. Совпадают в основном формы сосудов и их орнаментация, хотя есть и

некоторые отличия. Так в VIII—IX веках сосуды становятся более тонкостенными и непрочными, изготовлены они менее тщательно. Исчезают сосуды с яйцевидным и преобладают с реповидным туловом. Орнамент становится небрежнее.

Изучение кушнаренковской керамики очень важно для решения вопроса о происхождении кушнаренковских племен. Кушнаренковская посуда наиболее близка керамике памятников Зауральской лесостепи: Перейминского могильника, Молчановского и Логиновского городищ. Именно поэтому археолог В. Ф. Генинг еще в 1961 году высказал гипотезу о западно-сибирских истоках кушнаренковских племен. Позднее в 1968 году эту точку зрения поддержали В. А. Могильников, Е. П. Казаков и автор этих строк. Подтверждением правоты всех этих исследователей являются находки памятников с керамикой очень близкой к кушнаренковской в Курганской и Челябинской областях, по которым можно проследить пути миграции племен из Западной Сибири в Приуралье.

В вопросе об этнической принадлежности кушнаренковских памятников почти все вышеупомянутые исследователи едины, считая кушнаренковцев уграми. Лишь В. Ф. Генинг считал их самодийцами.

Чем же можно объяснить переселение предков кушнаренковских племен из Сибири в Приуралье? Скорее всего оно было связано с политической обстановкой, сложившейся в середине VI века в Центральной Азии. Алтайские племена тюрков-тугю во главе с каганом Бумынем разгромили Жужанский каганат и создали на его месте в 552 году Тюркский каганат, объединивший большинство племен Алтая и Центральной Азии. Вся история каганата состояла из постоянных войн. В 70-х годах VI века власть каганата распространилась до Северного Кавказа и степей Северного Причерноморья. Поэтому вполне возможно, что уже в начале третьей четверти VI века тюрки усилили свой натиск на угорские племена Западной Сибири. Впрочем могли быть и причины экологического характера, например, ухудшение климата.

На территории западных районов Башкортостана исследована еще одна группа памятников, которую археологи нередко ошибочно отождествляют с кушнаренковской культурой. По городищу у с. Кара-Якупово, исследованному в 1962 и 1968 годах автором этой книги, она названа кара-якуповской. Памятники этой группы немногочисленны: известно семь городищ и четырнадцать селищ. Характерным признаком всех этих памятников является глиняная посуда: круглодонные горшки со слабо отогнутыми наружу шейками и шаровидными или яйцевидными туловами. Сосуды изготовлены из хорошо промешанной глины с приме-

сю песка. Они тонкостенные, но прочные. Орнамент располагается на шейках сосудов и изредка спускается на плечики. Он состоит, главным образом, из рядов “жемчужин” (выпуклин, образующихся путем наколов с внутренней стороны), круглых ямок, наклонных насечек, иногда перекрещивающихся, наклонно поставленных отпечатков короткого зубчатого штампа, и очень редко встречающихся горизонтальных линий. Своей тонкостенностью, тщательностью изготовления, а также некоторыми элементами орнамента эта посуда напоминала кушнаренковскую и это дало основание некоторым исследователям объединять кушнаренковские и кара-якуповские памятники в одну культуру. С этим невозможно согласиться, поскольку различий между кушнаренковскими и кара-якуповскими памятниками гораздо больше чем сходства. Прежде всего это то, что кушнаренковцы вели кочевой, а кара-якуповцы оседлый образ жизни. У последних есть городища и селища с довольно значительным культурным слоем. Они занимались земледелием, о чем свидетельствуют находки жерновов на Кара-Якуповском городище и на Удельно-Дуванейском селище, а также зерен полбы на Кара-Якуповском городище.

Сходство посуды весьма относительно. Кара-якуповская керамика несколько грубее и толстостеннее чем кушнаренковская, шейки кара-якуповских сосудов слегка отогнуты наружу, а у кушнаренковских почти всегда — прямые, цилиндрические. Из элементов орнамента совпадают только перекрещивающиеся насечки, наклонные отпечатки зубчатого штампа и горизонтальные линии. Следует отметить, что сосуды кара-якуповского типа лишь в единичных случаях встречаются в погребениях кушнаренковских курганов VIII—IX веков.

Памятники кара-якуповского типа датируются VII—IX веками. Судя по характеру орнаментации сосудов, своим происхождением они связаны с Сибирью. Вопрос об этносе племен, которым они принадлежали пока не может быть решен окончательно.

Но вернемся к кушнаренковским племенам.

В 1974 году у с. Большие Тиганы Алексеевского района в Татарстане экспедицией Казанского университета и Института языка, литературы и истории Казанского филиала Академии Наук под руководством Е. А. Халиковой был исследован могильник, случайно открытый во время строительства дороги. Всего было вскрыто 33 могилы. Они располагались неправильными рядами, вытянутыми с юго-юго-запада на север-северо-восток. В центре находился ряд богатых мужских погребений, а среди них один кенотаф, то есть могила, не содержащая останков человека. Такие кенотафы обычно сооружались в честь воинов, погибших

где-то на стороне во время похода. Кенотаф отличался от других могил большими размерами (3×1,5 м). В нем находился сосуд, серебряные пластины, прикрепленные к коже, арабская монета — диргем, сабля в ножнах, ремень с серебряными бляшками, костяная обкладка лука, кости лошади. В восточной части в подбое обнаружено погребение двух детей от одного до четырех лет с серьгами, браслетом, ожерельем с подвеской и монетой-диргемом. Возможно дети были принесены в жертву.

Во всех остальных могилах погребенные лежали в вытянутом положении на спине головами на запад, иногда с небольшим отклонением к северу. Нередко сохранялись остатки досок от гробовищ, кусочки войлока и грубой ткани, а также остатки покрытий из дубовой коры или бересты, в которую заворачивали погребенных.

Все погребенные были в одежде, от которой сохранились ткань, кожа, мех. С ними были вещи: оружие, орудия труда, предметы конской сбруи, украшения. В 24 погребениях находились лепные сосуды кушнаренковского типа с цилиндрическими шейками и округлыми или реповидными туловами. В мужских погребениях встречались остатки мясной пищи, обычно бедренная кость ноги лошади. Половина могил взрослых людей (семь мужских и четыре женских) сопровождалась захоронением частей коня: в одном случае — черепа; в остальных черепа и костей ног, а иногда и хвоста, видимо в этих случаях в могилах находились и лошадиные шкуры. Кости лошади помещались у ног погребенных, чуть выше дна могилы.

Интересной особенностью является наличие в пяти мужских погребениях лицевых покрытий из ткани с наглазниками из округлых или прямоугольных пластин, имеющих маленькие отверстия для пришивания к ткани.

В мужских погребениях найдены стремена, удила, уздечные кольца, наконечники стрел, накладки луков, сабли с серебряными навершиями, поясные пряжки, накладки, наконечники ремней.

В женских погребениях большое количество украшений, аналогичных найденным в кушнаренковских курганах Приуралья: арочные и коньковые подвески с прикрепленными к ним колокольчиками на цепочках, серьги в виде овального кольца с подвесками, перстни, браслеты, ожерелья из бус и подвесок сердцевидной формы. Очень часто под нижней челюстью лежали цепочки, видимо прикреплявшиеся концами к височным подвескам. Несмотря на то, что могильник бескурганый, он по многим деталям погребального обряда и по характеру посуды и вещей аналогичен кушнаренковским курганным могильни-

кам Приуралья: Лагереvскому, Старо-Халиловскому, Каранаевскому, Муракаевскому и другим.

Большетиганский могильник относится к VIII—IX векам.

К кругу памятников кушнарeнковского типа относятся и уже упоминавшиеся погребения у разъезда Немчанка и на 116 километре г. Самара. Следовательно территория обитания кушнарeнковских племен простиралась не от р. Ик, а от р. Волги на западе до восточного склона Урала на востоке. Е. А. Халикова, исследовавшая Больше-Тиганский могильник, обратила внимание на то, что погребения имеют очень много общего с венгерскими могильниками конца IX—X вв., исследованными на р. Дунай. Одинакова, во-первых топография могильников, во-вторых, расположение могил вокруг нескольких богатых захоронений мужчин-воинов, в-третьих, вытянутое положение погребенных головой на запад, в-четвертых, помещение в могилу черепа, ног и шкуры коня, в-пятых, применение лицевых покрытий из ткани с серебряными пластинами на глазах.

Общей чертой кушнарeнковских и венгерских погребений является обычай помещать вместе с погребенным саблю, в то время как у болгар и алан она обычно передавалась по наследству. Совпадают типы женских украшений и головного убора. Наконец, есть параллели в художественном оформлении металлических изделий: пряжек, накладок, наколенников ремней.

Е. А. Халикова обратилась к венгерским могильникам не случайно. Дело в том, что венгры — единственный народ в Европе, говорящий на языке, относящемся к угорской ветви финно-угорской языковой семьи, к которой относятся и два языка народов, живущих в Западной Сибири: хантов и манси. Это свидетельствует о родстве данных народов и указывает на то, что прародина венгров находилась где-то на востоке: на Урале или в Западной Сибири.

Существует ряд письменных источников, сообщающих о приходе венгров на Дунай с Востока. Одним из самых ранних письменных источников является написанная на рубеже XII и XIII веков хроника — “Книга Магистра П., нотариа (летописца) короля Белы о делах хунгаров”. Источником для нее послужила более древняя хроника IX века и устные предания. Выдержки из этой книги были опубликованы в 1961 году Е. И. Горюновой, а через шесть лет — венгерским археологом Иштваном Эрдели.

Хроника сообщает: “В 884 году от воплощения господа, как написано в летописях, семь старейшин, которые называются Хетумогер, двину-

лись со скифской земли к западу среди них был предводитель Алмуш, сын Угека из рода короля Магога, муж доброй памяти, господин и советник их со своей женой и сыном своим Арпадом... вместе с великим множеством союзных народов... перешли реку Этил на бурдюках по способу языческому и не нашли никаких городов или населенных мест... пока не пришли в Русцию, которая называется Сусдал..."¹ Уход венгров из земли, в которой они обитали, был вызван тем, что "Та земля была очень переполнена множеством народов, поэтому семь старейшин, которые называются Хетумогер... не выдержав тесноты, решили попытаться пойти в землю Паннонии, которая была по слухам землею короля Атилы, из рода которого происходит Аллуш, отец Арпада... По своей воле и с общего согласия семи лиц избрали правителем себе Алмуша, сына Угека и тех, кто произойдет из его рода".

Таким образом, в хронике сообщается, что по пути на запад венгры переходили Этил, то есть Волгу, следовательно земля, из которой они вышли, находилась к востоку от Волги.

Сведения о переселении венгров на запад в Паннонию имеются в русской летописи "Повести временных лет". Ее автор летописец Нестор, живший в XI веке, пользовался данными более ранних летописных сводов. Под 898 годом сообщалось следующее. "Идоша угри мимо Киевъ горою еже ся зоветъ ныне Угорьское и пришедша к Днепру и сташа вежами, беша бо ходяше аки се Половцы пришед от востока и устремившася через горы великия яже прозвашася горы Угорския [Карпаты] и почаша воевати на живушая ту Волхи и Словени седяху бо ту прежде. Словени и Волхове прияша землю словеньску посем же Угри прогнаша Волхи и наследивша землю ту и седоша с Словены покоривше я под ся и оттоле прозвася земля Угорска".

Русская летопись называет венгров угры, которые как и половцы пришли с востока, подошли к Днепру и стали там, а затем перешли Карпаты, которые стали называться горами Угорскими, и на территории Паннонии столкнулись с жившими там славянами и валахами. Они изгнали из Паннонии валахов, а славян подчинили себе. Паннония стала называться землей Угорской.

О переселении венгров-угров около 896 года на территорию Среднедунайской низменности сообщает византийский император Константин Багрянородный в своем труде "Об управлении государством". Он перечисляет переселившиеся венгерские племена: неки, мегери, курти-

1 Суздаля в IX веке еще не было

гермата, тариана, генах, кари, каш и примкнувших к ним каваров, “оторвавшихся от хазар”. До появления в Паннонии племена венгерской конфедерации в IX веке жили в местности Ливедии вблизи Хазарии. Многие исследователи считают, что Ливедия находится в лесостепной полосе Подонья, севернее территории распространения салтово-маяцкой культуры. Важным подтверждением этой гипотезы является Воробьевское погребение IX века, открытое южнее г. Воронежа, которое имеет много общего с погребениями венгров IX—X веков, живших на Дунае.

Из Ливедии венгры под натиском печенегов ушли на Запад в страну Ателькузу. По мнению С. А. Плетневой и Е. А. Халиковой, Ателькузу находилась в междуречье Днепра и Серета. Путь венгров на запад отмечен находками венгерских вещей, происходящих из окрестностей г. Кировограда в бассейне р. Ингула и погребениями, исследованными у с. Крылос близ г. Галича на пути к Верецкому перевалу.

Сведения о древней родине венгров, где они жили до переселения в Ливедию очень скудны. Ее обычно называют Magna Hungaria или Hungaria Maior. О ней сообщает венгерский монах-доминиканец Юлиан, который дважды в 1235—1237 и 1237—1238 годах предпринимал рискованные путешествия на Восток с целью найти своих соплеменников и обратить их в христианство. В 1237 году он вышел в путь с несколькими другими монахами из доминиканского монастыря в Венгерском королевстве и с невероятными трудностями и лишениями, потеряв всех своих спутников, достиг Волжской Болгарии, где в двух днях пути от большого болгарского города на р.Этиль (видимо Волга) встретил кочевавших там венгров, оставшихся на своей родине, которые говорили как и Юлиан на венгерском языке и сохранили предания об уходе от них основной массы сородичей, но не знали где они находятся. Второе путешествие Юлиана осталось безрезультатным, из-за татаро-монгольского нашествия в Восточную Европу. Таким образом, Юлиан был единственным очевидцем Великой Венгрии, так как другие миссионеры: доминиканец Отто, минорит Иоганка Венгр — получили о ней сведения опосредованным путем. Никто кроме Юлиана не видел восточных венгров, что не удивительно, ибо татаро-монгольское нашествие могло развеять и даже смести с лица земли немногочисленные группы венгерских кочевников.

В Будапеште воздвигнут памятник Юлиану и его спутнику Герарду, отважившимся отправиться на поиски своих сородичей.

Сведения о Великой Венгрии содержатся в трудах западно-европейских путешественников XIII века Плано Карпини и Гильома Рубрука. В 1246 году Плано Карпини трижды отождествляет страну Баскары (Баш-

кирия) с Великой Венгрией, подчеркивая расположение ее рядом с Великой Болгарией. Гильом Рубрук, посетивший Башкирию в 1253 году, называет ее Паскатир — Великой Венгрией. Он указывает, что язык паскатир и венгров один и тот же.

Справедливости ради следует отметить, что далеко не все исследователи доверяют сообщениям Плано Карпини и Гильома Рубрука. Например, венгерский историк Йожеф Переньи считает, что они пользовались в пути указаниями предшественников, то есть Юлиана и Рихарда; а сами не посещали страну Баскарт (Башкирию), отождествляемую ими с Венгрией, так как проехали на несколько сотен километров южнее ее. Поэтому они не могли сделать вывод о тождестве языка венгров и башкир.

Тем не менее многие ученые не без основания считали, что оставшиеся на востоке венгры жили на территории Башкирии, которая, по данным арабского автора X века Ибн Фадлана, находилась восточнее Волги и простиралась от Волги на западе до Урала на востоке, от р. Камы на севере до верховьев р. Урал на юге. Существование прародины венгров между Волгой и Уралом подтверждается лингвистическими данными. В венгерском языке имеется более 200 слов, заимствованных из тюркского языка, близкого к болгарскому. Венгры могли позаимствовать их только живя длительное время рядом с болгарами. Другим доказательством пребывания венгров на территории Башкирии является сходство этнонимов (названий) племен у башкир и венгров (юрматы, еней, кесе, тархан). В числе ушедших на Дунай венгров были племена дьярмат и еней. Таким образом, гипотеза о башкирской прародине венгров казалась большинству исследователей вполне приемлемой. Однако, когда археологи попытались выявить конкретные археологические культуры, принадлежащие венграм, вновь разгорелись споры. Так, Йожеф Переньи выдвинул теорию, согласно которой, начиная с V—VI веков, венгры жили в лесостепи и степи к северу от Волгограда, то есть в Волго-Донском междуречье, пересекаемом реками Вороной, Цной, Хопром, Медведицей. Оттуда они продвинулись еще южнее, заняв большой участок степей и лесостепи к северу от Кавказа. При этом часть венгров, живущая в северной и северо-западных частях территорий, контролируемой оногурским союзом, по мнению Й. Переньи, рано начала поддерживать связи со славянами.

Археолог А. В. Шмидт, а за ним и Н. А. Мажитов считали, что венграм принадлежали поселения и могильники III—VII веков н. э., находящиеся в Бельско-Уфимском междуречье и относимые к бахмутинской

культуре. Венгерский археолог Э. Мольнар помещал Великую Венгрию между реками Черемшан и Урал. Эту гипотезу поддержали башкирские этнографы Р. Г. Кузеев и Т. М. Гарипов. Венгерский археолог И. Эрдели отрицал возможность пребывания венгров в Приуралье и предлагал искать их в Поволжье. Археолог П. Д. Степанов считал, что венграм принадлежали найденные в Приуралье памятники романовского типа и именно здесь находилась известная по византийским хроникам венгерская страна Ливедия. Отсюда венгры отправились на запад и временно обосновались в Среднем Поволжье в стране Ателькузу, также упоминаемой византийским императором Константином Багрянородным. Венгерским памятником на Волге П. Д. Степанов считал исследованное им городище Ош-Пандо в Мордовии, относящееся к именьковской культуре. В. Ф. Генинг считал, что венгры жили на территории Приуралья, но в составе тюрко-угорского союза кочевых племен, пришедших из Сибири в середине I тысячелетия н. э., но из-за смешанности археологических материалов этого региона выделить венгерские памятники невозможно.

Таким образом, гипотез было более чем достаточно, но все они были слабо аргументированы из-за недостаточной изученности памятников Поволжья и Приуралья. Положение изменилось после исследования Е. А. Халиковой Больше-Тиганского могильника, погребальный обряд и вещи из погребений которого, как уже отмечалось, имели так много общего с обрядом и вещами венгерских могильников конца IX — X вв., то есть того времени, которое венгры называют “эпохой завоевания родины”.

Захоронения, открытые на дюне у разъезда Немчанка, по погребальному обряду и найденным в них вещам очень близки к погребениям Больше-Тиганского могильника и, видимо, также, как они, принадлежали древним венграм.

Сейчас пока трудно решить вопрос о том, входила ли территория Самарского Заволжья в состав Великой Венгрии или единичные погребения на 116 километре и у разъезда Немчанка оставлены венграми на их пути на запад, в Паннонию. Во всяком случае, проникновение кушнаренокских племен на территорию нынешней Самарской области началось уже с VI века. Об этом свидетельствует находка фрагмента кушнаренокского сосуда на Карлинском селище именьковской культуры близ с. Рождествено Волжского района, исследованном Д. А. Сташенковым.

Послесловие

Год за годом Средневолжская археологическая экспедиция Самарского университета проводила исследования в Самарской и Ульяновской областях. С 1974 года университет начинал проводить хозяйственные работы в зонах строительства гидромелиоративных сооружений. Сотрудниками вновь созданной научно-исследовательской археологической группы стали первые выпускники, специализировавшиеся по археологии: Вера Скарбовенко, Ирина Мажанова, Ирина Тихомолова, Нина Габелко, Риза Багаутдинов, Людмила Жигулина, а также выпускники пединститута: Геннадий Пярых и Николай Добрынин. Чуть позднее в группу пришли Наталья Салугина, Людмила Кузнецова и Эдуард Дубман. Теперь экспедиция работала в составе трех отрядов.

Каждый год в кабинет археологии поступали все новые коллекции с разных памятников Среднего Поволжья. Находок было так много, что их тяжесть угрожала состоянию перекрытий третьего этажа и кабинет археологии пришлось срочно перевести с четвертого этажа на первый.

Нахопилось много интереснейших материалов различных эпох от мезолита до средневековья. Однако все они лежали в хранилище и никто кроме археологов не имел возможности познакомиться с ними. Университету нужен был учебный археологический музей, где будущие историки, изучающие основы археологии, могли бы знакомиться с древностями. Этот музей нужен был и учителям и школьникам города, и всем, кого интересовало далекое прошлое родного края.

В 1975 году началась работа по созданию музея археологии Среднего Поволжья. Мы разработали тематико-экспозиционный план музея и подготовили эскизы его отделов. Средств на создание музея у университета не было. Поэтому пришлось рассчитывать на шефскую помощь предприятий. И предприятия откликнулись на наши просьбы. Завод "Металлург" изготовил железные каркасы шкафов, исправительно-трудовое учреждение № 5 выполнило задание на деревянные детали витрин, кожгалантерейная фабрика предоставила нам рулоны искусственной кожи и лидерина. Только за стекла для шкафов да за их сборку

университету пришлось уплатить. Сейчас трудно поверить, что создание музея стоило университету немногим более 700 рублей.

Мы очень спешили, так как музей нужно было открыть к 20 февраля 1976 года, когда в университете должно было состояться совещание по проблемам неолита и бронзового века, на которое были приглашены крупнейшие специалисты из Москвы, Ленинграда, Киева, Казани, Свердловска, Воронежа и других городов. Следом за совещанием 25 февраля планировалось проведение VIII Урало-Поволжской археологической студенческой конференции. На нее должны были собраться студенты-археологи университетов и пединститутов Поволжья и Урала.

Времени оставалось немного. Семь дней и семь ночей мы буквально не выходили из музея, изготавливая планшеты, нашивая на них вещи, наклеивая этикетки. Вместе с сотрудниками, не покладая рук, работали студенты: Наташа Салугина, Людмила Кузнецова, Володя Камаев, Саша Расторопов и другие. Особенно велик вклад в дело создания музея студентов Юрия Семькина и Николая Имайкина. Ими выполнены все рисунки, чертежи, планы, карты, заголовки, подписи. 20

Первые сотрудники археологической лаборатории Куйбышевского госуниверситета. Сидят слева направо: Максимова И.Н., Габелко Н.Л., Тихомолова И.Р., Матвеева Г.И., Скарбовенко В.А. Стоят: Багаудинов Р.С., Добрынин Н.С., Пярых Г.Г. (1976 г.)

Участники VIII Урало-Поволжской археологической студенческой конференции (секция раннего железного века и средневековья). Самара, 1976 г.

февраля в первый день совещания по проблемам неолита и бронзового века музей был открыт.

Во второй половине 70-х годов наряду с археологами собирательскую работу в Самарской области проводили студенты-этнографы под руководством Светланы Константиновны Жидковой. Они объехали русские, чувашские, мордовские, татарские деревни Куйбышевской области и собрали богатый этнографический материал. В те годы еще сохранялись в сундуках старые национальные костюмы, еще не выброшены были вышедшие из употребления орудия труда, домашняя утварь, глиняная посуда, и этнографы успели многое собрать. Сейчас, через два десятилетия, сделать это уже невозможно, так как почти ничего не сохранилось. Материалы, собранные в 70-х годах экспонируются сегодня в этнографическом отделе музея археологии и этнографии Среднего Поволжья Самарского университета.

С тех пор прошло более 20 лет. В музее ежегодно проводятся семинары по археологии. Студенты-первокурсники знакомятся с древ-

ностями Самарского Поволжья. В нем проходят занятия школьных археологических кружков. Ежегодно его посещают тысячи учащихся школ города и области.

За эти годы накоплены новые материалы и пришло время перестроить и пополнить музей археологии и этнографии Среднего Поволжья. Теперь музеем заведует выпускница университета В. Н. Зудина. Хранителем фондов стала В. А. Скарбовенко. В 1999 году, в год тридцатилетия Самарского университета и его Средневожской археологической экспедиции, будет проведена XXXI Урало-Поволжская археологическая конференция, и к ее открытию музей будет перестроен и обновлен. Его экспозиция существенно пополнится материалами из коллекций, полученных за два последних десятилетия.

Средневожская археологическая экспедиция продолжает свои исследования. По-прежнему в университет приходят выпускники школ, желающие специализироваться по археологии. Они пишут курсовые работы, выступают с докладами на Урало-Поволжских археологических студенческих конференциях. В любое время они готовы бескорыстно помочь сотрудникам обрабатывать полученные во время раскопок материалы, перестраивать музей, переоборудовать фондохранилище, а самое главное — все они ежегодно выезжают в экспедиции, где выполняют работу лаборантов.

Каждый год в экспедиции университета трудятся не только будущие археологи, но и все студенты исторического факультета. Они проходят археологическую практику и вместе с тем составляют основной контингент экспедиции. Это их руками вскрыты десятки тысяч квадратных метров земли на древних поселениях и могильниках, расчищены сотни жилищ, хозяйственных и производственных сооружений, собраны сотни тысяч вещей разных эпох. Без их кропотливого труда невозможны были многие открытия, сделанные экспедицией университета, и поэтому хочется поблагодарить всех выпускников и студентов истфака, работавших в разные годы в Средневожской археологической экспедиции, за их бескорыстный труд, за их вклад в изучение родного края.

От редактора (А.В.Богачев)	3
Знакомство с археологией	5
Разведки	19
Рождение САЭ	28
У истоков школьной археологии	45
Ремесленный центр на берегу Кинеля	54
Именьковская культура на Самарской Луке	62
В поисках истоков племен именьковской культуры	76
Старомайновское городище	92
Загадки каменных курганов	100
Прародина болгар	115
Город, исследованию которого стоит посвятить жизнь	123
Поиски Великой Венгрии	143
Послесловие	156

Галина Ивановна Матвеева

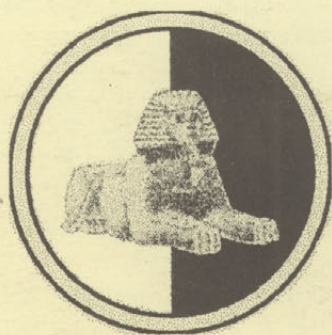
Экспедиции в прошлое: записки археолога

Формат 60x84/16. Бумага финская. Печать офсетная.

Объем 10 усл.печ.л. Тираж 1000 экз. Заказ №

Самарский региональный фонд социальных и
культурологических программ

"Полдень. XXII век"

443011, г Самара, ул. академика Павлова, 1
тел. 34-54-08